

ТАГАНРОГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

СОЧЕТАЕМОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Издательство Ростовского университета
1968

ТАГАНРОГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

СОЧЕТАЕМОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Издательство Ростовского университета

1968

Редакционная коллегия:

Е. В. Олесеюк (ответств. редактор),

П. В. Чесноков, И. А. Агейкин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема сочетаемости языковых единиц является одной из актуальных проблем современного языкознания. Любая структура в языке представляет собой сочетание тех или иных компонентов. Без установления закономерностей сочетаний языковых единиц в составе более сложных образований невозможно понять структуру этих образований. Выяснению некоторых таких закономерностей и посвящается данная работа.

К решению проблемы сочетаемости можно подходить с разных сторон. Основными аспектами ее рассмотрения авторам предлагаемого сборника очерков представляются следующие: 1) выявление различных видов и случаев сочетаемости (в зависимости от уровня выделения сочетающихся единиц, типа этих единиц, характера сочетаемости, языковой сферы, в которой наблюдается данная разновидность сочетаемости, и т. д.); 2) установление типов (классов) языковых единиц на основе их сочетаемости; 3) изучение результатов реализации сочетаемости единиц языка (рассмотрение сочетаемости как средства, обуславливающего те или иные факты языка, создающего определенные языковые формы); 4) раскрытие влияния языковой сочетаемости на экстралингвистические, прежде всего логические, факты.

В порядке следования указанных четырех аспектов распределяются очерки, составляющие книгу. Ни один из очерков не претендует на исчерпывающее освещение соответствующего вопроса. Каждый из них представляет собой скорее пример рассмотрения проблемы сочетаемости в том или ином аспекте.

Первый аспект проблемы сочетаемости рассматривается в очерках: «Грамматическая сочетаемость слов в простом предложении и факторы, обуславливающие ее» Л. Д. Чесновой, «Сочетаемость элементов, составляющих структурное

ядро субъективных безличных предложений» М. К. Милых; «О сочетаемости придаточного предложения с членами главного в разных речевых сферах» Г. Г. Инфантовой, «О сочетаемости главного предложения с придаточным субъектным» Е. П. Полевика, «О сочетаемости компонентов сложного предложения (конструкции с последовательным подчинением придаточных)» Г. Ф. Гавриловой, «О сочетаемости частей в усложненных предложениях с многоступенчатым подчинением» Л. Н. Гуковой, «Основные типы сочетаемости речевых единиц в современном русском языке» Ю. В. Коваленко.

Ко второму аспекту относятся очерки: «Классификация слов на основе их пассивной сочетаемости» Л. Д. Чесноковой и «Сочетаемость морфем в языке эсперанто» В. А. Корнилова.

Освещению третьего аспекта посвящен очерк «Сочетаемость как языковое выразительное средство» В. В. Коркишко.

Два последних очерка («К вопросу о логико-методологическом соотношении значений (экстенциональное и интенциональное) некоторых языковых знаков и логических констант» В. Е. Семенистого и «О диалектической подвижности внутреннего строя суждения и его отношении к строю предложения» П. В. Чеснокова) касаются четвертого аспекта проблемы сочетаемости. В первом из них анализируются логические факты, закрепленные в общественном сознании людей и являющиеся результатом многовековой однотипной сочетаемости единиц языка. Во втором — показывается, к каким последствиям в области мыслительной деятельности приводит реализация сочетаемости языковых единиц в конкретных актах речи.

Общие положения о языковой сочетаемости, об основных аспектах ее рассмотрения, выдвигаемые в предисловии, подкрепляются анализом материала русского и некоторых других языков, проведенным авторами предлагаемых очерков. Использование данных различных языков позволяет осветить общую проблему языковой сочетаемости более полно, показать общую значимость ряда выводов относительно сочетаемости единиц языка.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ И ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ЕЕ

Слово представляет собой единство лексического и грамматического значений. В структуре предложения оно характеризуется определенной синтаксической функцией. Цель данного очерка — выяснить влияние этих факторов (лексического и грамматического и синтаксической функции) на грамматическую сочетаемость.

В ряде работ советских ученых дается определение грамматической сочетаемости [1—5], подчеркивается ее отличие от сочетаемости лексической, выясняется характер ее мотивированности [6—9].

В настоящей работе устанавливается три типа грамматической сочетаемости в зависимости от факторов, ее обуславливающих.

1. Грамматическая сочетаемость слова может быть мотивирована его *лексическим* значением. «Многие лексические значения слов неотделимы от строго определенных форм сочетаемости этих слов с другими словами» [10]. Благодаря этому грамматическая сочетаемость может выступать как различитель полисемии слова. Таким образом, сочетаемость, с одной стороны, — это способность слова соединяться с иными словами, с другой — она отграничивает слово в данном его лексическом значении от прочих значений, т. е. сочетаемость рассматриваемого типа есть потенциальная возможность и соединения слов, и дифференциации значений. Например, глагол *держаться* в одном значении (*держаться за веревку*) сочетается с винительным падежом с предлогом *за*, в другом (*полка держится на подставке*) — с предложным падежом с предлогом *на*, в третьем (*держитесь правой стороны, вторая рота держится за первой*) — с родительным или

с творительным падежами с предлогом *за*, в четвертом (*запах держится*) употребляется без дополнений [11].

Какова же роль грамматического значения слова при данном типе сочетаемости?

Грамматическое значение слова (принадлежность его к определенной части речи) не оказывает какого-либо влияния на его сочетаемость и не является препятствием для распространения свойственной ему сочетаемости на иные лексико-грамматические классы слов, имеющие подобное лексическое значение. Н. Н. Прокопович очень ярко показал, что однокоренные отглагольные существительные и прилагательные полностью повторяют структуру глагольных сочетаний, связанных с ними процессами словообразования (*покориться судьбе, покорный судьбе, покорность судьбе; злиться на сына, злой на сына, злость на сына, зло на сына*) [12].

Однако в языке широко распространены случаи, когда слова, имеющие общее значение, объединяются в группы с одинаковой сочетаемостью, с одинаковой формой связи, несмотря на то, что они имеют разные корни (т. е. словообразовательных связей между ними нет) и даже принадлежат к разным частям речи (*думать о жизни, мысль о жизни; приказать покинуть строй, приказание покинуть строй, распорядиться покинуть строй, распоряжение покинуть строй, требование покинуть строй, повеление покинуть строй* и т. п.). Близость значений «создает базу для унификации их синтаксических связей, что влечет за собой утрату былых, обусловленных общностью корня способов синтаксической сочетаемости этих слов со словами зависимыми» [13]. Глагол *болеть* в одном значении управляет творительным падежом (*болеть гриппом*), в другом — винительным с предлогом *за* (*болеть за команду «Спартак»*). Последнее значение объединяет этот глагол с глаголами со значением внутреннего состояния, требующими после себя винительного падежа с предлогом *за* (*испугаться, опасаться, радоваться* и др.) [13].

2. Сочетаемость слова обуславливается его лексико-грамматическими особенностями. Частное, единичное значение слова определяет сочетаемость только через общее категориальное значение, иначе говоря, сочетаемость второго типа вызывается лексико-грамматическим значением слов при взаимодействии общего лексического и грамматического значений. Грамматическое значение слов создает преграду для распространения данной сочетаемости на слова иных лексико-грамматических классов, закрепляет определенную со-

четаемость за данным классом слов, обуславливает сочетаемость только через общее категориальное значение. Так, при выражении объектного отношения — прямой направленности на объект — только глаголы, как особый лексико-грамматический класс слов, обладают сочетаемостью с винительным падежом без предлога, причем не все глаголы, а только те, которые составляют особую лексико-грамматическую группу переходных глаголов.

Слова другой части речи с тем же лексическим значением изменяют вид сочетаемости (*купить книгу — покупка книги, любить сына — любовь к сыну*). Таким образом, грамматическое значение ограничивает сочетаемость с винительным падежом, во-первых, пределами одной части речи (глаголом), во-вторых, пределами группы переходных глаголов.

Использование согласования как особого способа сочетаемости ограничено лексико-грамматическим классом существительного, а также местоимения при полупредикативных отношениях. Управление в современном русском языке характерно для любой знаменательной части речи. Но каждая часть речи ограничивает объем управляемых форм (если, конечно, сочетаемость не относится к первому типу, для которого грамматическое значение роли не играет), закрепляя их за определенными лексико-грамматическими рядами более общего или менее общего характера. Например, качественные имена прилагательные в современном русском языке могут управлять творительным падежом со значением характеристики признака — творительным ограничения (*красивая лицом, слабый здоровьем, стройный станом, бледный лицом, твердый характером* и т. д.). Подобной сочетаемости не имеют другие ряды слов.

Сочетаемость с родительным падежом (управление родительным падежом) свойственна и существительному, и глаголу. Однако лексико-грамматическое значение существительных и глаголов ограничивает сочетаемость той и другой части речи с родительным падежом сферой определенных падежных значений. Собственно говоря, классификация значений падежей как различных, с последующей дифференциацией значений по различным именным классам, так и приглагольных отражает ограничение сочетаемости различных форм управления категориальным грамматическим значением той или иной части речи.

3. Сочетаемость может быть вызвана только *грамматическими факторами, определенной грамматической категорией*

без влияния конкретного лексического значения. Независимость от конкретного лексического наполнения свидетельствует о чисто грамматической причине сочетаемости, о том, что значение грамматической категории господствующего слова нуждается в определенном значении формы зависимого.

В основе залоговых значений лежит лексико-грамматическая категория переходности и непереходности, которая проявляется в сочетаемости глаголов с винительным падежом без предлога (при выражении значения направленности действия на объект) или в отсутствии подобной сочетаемости. И сами залоговые значения тесно связаны с сочетаемостью и определяются через нее. Так, глагол (и причастие) в форме страдательного залога сочетается с именем в творительном падеже, который имеет обобщенное значение субъекта действия, независимо от конкретного лексического содержания глагола и имени, т. е. «форма зависимого имени не связана с конкретными глаголами, а определяется общей категорией, — категорией страдательности, охватывающей глаголы разных лексических групп» [14]. В «Грамматике русского языка», специально подчеркивается, что «...отсутствие творительного падежа и невозможность или затруднительность его употребления ослабляет страдательное значение; глагольные формы на -ся и формы страдательных причастий легко получают в этих случаях значение возвратно-среднего залога» [15, стр. 416]. Таким образом, значения возвратно-среднего залога выявляются за счет снятия сочетаемости с творительным субъекта или вообще невозможности такой сочетаемости у возвратных глаголов, т. е. и отсутствие сочетаемости порождается в этом случае грамматической категорией возвратно-среднего залога.

Однако в случаях отсутствия сочетаемости необходимо отграничивать невозможность сочетаемости (снятие сочетаемости) от явления неупотребления зависимого слова в силу тех или иных причин. При рассмотрении примера *Ты догадался, мой читатель, с кем бился доблестный Руслан* (А. Пушкин. *Руслан и Людмила*) мы видим, что глагол *бился* не может сочетаться с творительным субъекта, т. е. в этом случае обнаруживается явление снятия сочетаемости, что свидетельствует о наличии у этого глагола значения возвратно-среднего залога. Если мы рассмотрим два следующих примера: *«Евгений Онегин» писался легко* и *При последних словах Мария становилась на колени. Вся тирада говорилась*

шепотом (Юрьев. Воспоминания), то обнаружим, что ни в первом случае (глагол *писался*), ни во втором (глагол *говорила*) нельзя говорить о снятии сочетаемости, о ее невозможности, хотя дополнение в творительном падеже со значением субъекта при этих глаголах в тексте отсутствует. Отсутствие дополнения в творительном падеже со значением действующего лица объясняется либо тем, что деятель представляется очень явственно, так как он «назван в ближайшем контексте» (*При последних словах Мария становилась на колени. Вся тирада произносилась (ею) шепотом*), либо тем, что «вещественного значения наличных членов предложения вполне достаточно, чтобы иметь конкретное представление о грамматически невыраженном производителе действия» [16]. Рассматривая различные случаи отсутствия творительного субъекта при возвратных глаголах страдательного значения, А. Н. Зеленев [16] приходит к выводу о том, что страдательные обороты в русском языке с точки зрения того, как мыслится в них действующее лицо, могут быть определенно-личными, обобщенно-личными и неопределенно-личными. Выделение подобных типов страдательных оборотов еще раз говорит о том, что отсутствие в тексте дополнения в творительном падеже со значением субъекта еще не есть снятие сочетаемости.

Явление, при котором зависимый компонент опускается, а значение отношения, создаваемое обычно сочетанием этого компонента с господствующим словом, начинает передаваться всем содержанием предложения, на наш взгляд, можно было бы назвать грамматическим включением, включением на синтаксическом уровне (о включении см. [17]).

Категория действительного залога также охватывает глаголы самых различных лексических групп, но независимо от конкретного лексического наполнения имеет необходимую сочетаемость с винительным без предлога при выражении объектных отношений направленности действия на объект. Снятие этой сочетаемости переводит глагол действительного залога в разряд глаголов непереходных (*ребенок читает букварь* и *ребенок читает* — в значении *умеет читать*). Следовательно, все залоговые значения нуждаются для своей реализации в сочетаемости со строго определенной формой пояснительного слова, независимо от их конкретного лексического наполнения. Здесь следует оговориться. Известно, что категория залога тесно связана с явлениями переходности, непереходности, возвратности, невозвратности, а эти категории в

свою очередь связаны с лексическим значением слов, таким образом, и категория того или иного залога не безразлична к лексическому значению слов. Но коль скоро слово получило значение и форму определенного залога, дальнейшая сочетаемость его с винительным прямого объекта, творительным субъекта или невозможность сочетаемости не зависит от конкретного лексического значения глагола, а определяется тем или иным залоговым значением.

Компаратив, или сравнительная степень прилагательных, наречий и слов категории состояния объединяет эти слова общим категориальным значением — значением большего (или меньшего) проявления признака в том или ином предмете, процессе (действии), состоянии в сравнении с другими предметами, процессами, состояниями. В силу этого общего категориального значения компаратив нуждается для выражения «названия других предметов или других условий, в сравнении с которыми определяется большая степень качества» [15, стр. 289], в форме родительного падежа имени или же в обороте со сравнительным союзом *чем*. Причем в форме компаратива могут выступить слова разных лексических групп, но на сочетаемость с родительным падежом или оборотом с союзом *чем* разнообразие лексических значений влияния не оказывает. Следовательно, и в этом случае сочетаемость обуславливается категориальным значением. Лишь в одном из своих значений компаратив не сочетается с именем в родительном падеже или союзом *чем*. Это происходит тогда, когда сравнительная степень обозначает «большее проявление, усиление качества в данном предмете при отсутствии сравнения его с другими предметами» [18] при выражении постепенного нарастания (или уменьшения) количества признака. Например: *Спуск между тем становился все круче*. Отсюда следует, что отсутствие зависимого компонента вызывается опять-таки особым значением категории сравнительной степени. В этом случае мы говорим не об отсутствии обязательной сочетаемости, а об отсутствии зависимого компонента, необходимо присутствовавшего во всех предыдущих случаях. Отсутствие же его объясняется тем, что при данном значении компаратива «большее проявление, усиление качества» в предмете дается не в сравнении с другими предметами, а в сравнении с самим собой. И это сравнение предмета с самим собой понятно из содержания предложения и при отсутствии зависимого компонента (*Все бледней становилась она... — Она становилась бледней, чем прежде*). Этот случай.

по-видимому, тоже можно отнести к явлению грамматического включения, о котором мы писали выше.

Известно, что лексическое значение слов определяет возможность или невозможность у качественных прилагательных форм сравнительной степени, но коль скоро слово получает эту форму, то дальнейшая сочетаемость его или ее отсутствие вызываются уже не лексическим значением слова, а грамматическим значением формы компаратива.

Аналогичный случай представляет собой и превосходная степень имени прилагательного, которая в силу присущего ей значения — значения высшей степени качества или превосходства данного предмета над рядом других в отношении степени называемого качества — характеризуется определенной сочетаемостью, что выражается обычно формой родительного падежа множественного числа имени существительного с предлогом *из*, реже с предлогом *среди*, формой творительного падежа с предлогом *между*, а иногда предложным падежом с предлогом *в* или *на* или родительным без предлога [15, стр. 296—297].

Значение элитива исключает указанную сочетаемость превосходной степени.

Интересен в этом плане вопрос о распространении сказуемого в безличном предложении именем в форме дательного падежа со значением субъекта действия. Во многих работах указывается, что при сказуемом в безличном предложении в определенных случаях необходимо употребление имени в дательном со значением субъекта (*мне не здоровится, ему не спится, ребенку холодно* и т. п.). При этом авторы связывают наличие этой формы с категорией безличности (глагол в личной форме *спит* не сочетается с дательным падежом). Однако далеко не все типы безличных предложений нуждаются или даже допускают дательный со значением субъекта действия. Так, невозможно употребление имени в дательном падеже со значением субъекта в безличных предложениях со сказуемым из безличных глаголов невозвратной формы с любым значением сказуемого (*светает, моросит, знобит, душит, пахло, накатило, колет в боку* и др.). Исключение из этой группы составляют безличные предложения, выражающие модальное значение долженствования, в которых возможно употребление дательного субъекта (*мне надлежит сказать, ему следует уехать* и др.). (Анализ безличных предложений проводится в соответствии с группами безличных предложений, выделенными проф. Е. М. Галкиной-Федорук [19]).

В безличных предложениях со сказуемым, выраженным безличными возвратными глаголами дательный субъекта невозможен при выражении различных процессов и явлений в природе и окружающей среде (*смеркается, прояснилось, чернеет, затемнелось*), при выражении физического состояния человека (*помутилось в голове, засвербелось в спине, но: не может мне, нездоровится мне*). Безличные предложения со сказуемым, выраженным глаголом бытия, существования, исключают употребление дательного субъекта во всех своих значениях (*не было денег, не стало времени*). То же следует сказать и о безличных предложениях, образованных из краткой формы причастий страдательного залога (*не поломана ни одного деревца, заведено платить, послано в догоню*). Большое количество групп безличных предложений, в которых невозможно употребление дательного субъекта, свидетельствует о том, что наличие этой формы не может быть связано только с категорией безличности, ибо в противном случае не было бы исключений, как нет их при сочетаемости слов, определяемой категорией страдательности или категорией компаратива. По-видимому, следует согласиться с мыслью Н. А. Лобановой о том, что употребление дательного субъекта следует связывать не с категорией безличности, «... а с более широкой семантической категорией — значением пассивного восприятия какого-либо состояния, определяющим употребление дательного падежа и в безличных и в некоторых двусоставных предложениях (*Всем хорошо запомнился этот вечер; Мне часто вспоминаются его слова*)» [20].

Действительно, дательный субъекта, пассивно воспринимающего какое-либо состояние, свойствен многим группам безличных предложений (безличные предложения со сказуемым из безлично-предикативных слов на *о*, безлично-предикативных модальных слов, безличные предложения, образованные из сочетаний имени существительного и инфинитива, выражающие модальную оценку действия, безличные предложения со сказуемым, выраженным безличным возвратным глаголом со значением психического состояния человека или предрасположенности к физическим и психическим действиям и состояниям, а также безличные инфинитивные предложения). Дательный субъекта с пассивным восприятием какого-то состояния шире используется в безличных предложениях, чем в личных [15, стр. 421—422]. Это объясняется тем, что сама категория безличности исключает активный субъект. В тех предложениях, где имеется косвенный субъект,

он лишь пассивно переносит действие или состояние, которое привносится как бы со стороны (*мне холодно, ему нездоровится, мне хочется, ему нужно...* и т. п.). Таким образом, сочетаемость с дательным субъекта определяется категорией пассивного восприятия, которая, в свою очередь, реализуется либо за счет категории безличности, либо за счет категории возвратно-среднего залога в его возвратно-пассивном значении.

До сих пор мы рассматривали сочетаемость, постоянную для данных слов как представителей определенных лексических, лексико-грамматических групп, а также сочетаемость, постоянную для определенных грамматических форм стержневого слова. Степень влияния лексических и грамматических значений в этих типах сочетаемости была различной: в первом случае грамматическое значение не оказывает влияния на сочетаемость (сочетаемость создается под воздействием лексического значения слова); во втором — и лексическое, и грамматическое значения являются активными факторами, определяющими сочетаемость; в третьем случае активным фактором, вызывающим сочетаемость, является грамматическое значение (категориальное значение), лексическое же значение только косвенным образом влияет на сочетаемость.

Иной характер имеет синтаксически обусловленная сочетаемость, которая возникает только в определенных конструкциях и непосредственно не диктуется ни лексическим значением слова, ни его грамматической формой, хотя особенности лексического значения слов в иных случаях оказываются не безразличными для синтаксической сочетаемости.

Данный тип сочетаемости можно назвать *конструктивно-обусловленной* или *структурно-обусловленной* сочетаемостью.

Рассмотрим несколько примеров. Существительные *неосторожность, состояние* не могут сочетаться с инфинитивом в качестве стержневых слов, но если они входят в глагольные словосочетания типа *иметь неосторожность, быть в состоянии*, то сочетание с зависимой от них неопределенной формой является необходимым. *Я возвращался с охоты и имел неосторожность отправить свою тройку вперед* (И. Бунин. Первая любовь). *... Диверсионные группы не будут в состоянии пополняться за счет местного населения* (В. Кожевников. Щит и меч).

Аналогичное явление представляют собой прилагательные *необходимый, возможный, нужный*, которые только в составе глагольного словосочетания получают возможность сочетать-

ся с зависимым от них инфинитивом (*считаем нужным предупредить, находят необходимым оперировать, счел возможным подписать*).

Правда, Иоганн все же счел необходимым в присутствии фотографа сжечь лишний комплект фотографий... (В. Кожевников. Щит и меч).

В рассмотренных нами примерах сочетание слов с зависимым от них инфинитивом не определяется ни лексическим, ни грамматическим значением этих слов, иначе они сочетались бы с неопределенной формой глагола во всех случаях их функционирования. В действительности же данная сочетаемость возникает только в определенной конструкции.

Интересный случай синтаксической или конструктивной сочетаемости представляет собой связь, относимая Л. А. Булаховским [21] к тяготению и рассматриваемая иногда как «сложное именное сказуемое» (*Ребенок родился слепым; Я пришел усталым; Она вернулась в родное село учительницей*) [22, стр. 417]. Несколько шире понимает эту связь И. Распопов: «Тяготение — это такая разновидность подчинительной связи, которая выражает семантически обусловленное стремление одного из компонентов синтаксической конструкции соотнести свое содержание с другим компонентом через посредство третьего компонента, с которым оба они также находятся в определенной связи» [23]. Он включает в понятие тяготения также конструкции типа *Сестра была большая*. Однако И. Распопов не принимает во внимание того факта, что подобный тип связи выходит за пределы отношений между подлежащим, глаголом-связкой и предикативом.

Если сказуемое (связка) выражено непереходным глаголом, то отношения данной связи охватывают подлежащее, предикатив и глагол-связку. *И чудесной помнится сейчас игра ее коротких волос на жгучем лобовом ветру* (К. Федин. Костер).

Если же сказуемое выражено переходным глаголом, то отношения охватывают сказуемое, дополнение и тяготеющее определение (*она застала его больным, яблоки будут есть печеными*).

Аналогичен последнему случай, когда глагол выступает не в личной форме. *Утром ушла в своем ситцевом платице, оставив пышные воланы шелка и батиста небрежно брошенными на полу* (Б. Лавренев. Марина).

Сущность данного явления заключается в том, что регулярная бинарная подчинительная связь осложняется третьим,

синтаксически обусловленным компонентом, который зависит от первых двух, сочетаемость последних с этим третьим обусловлена синтаксически. Подобную трехчленную конструкцию можно было бы назвать разночленным соподчинением на уровне простого предложения.

Конструкции типа: *глаза у него карие, я ему не слуга, пьяному море по колено, машины сейчас в ремонте*, а также *Болконский был всем друг* (Л. Толстой. *Война и мир*). *...Место у него было довольно комфортное...* (Ф. Достоевский. *Скверный анекдот*) — относятся Н. Н. Прокоповичем к окказиональным словосочетаниям, где родительный (*у него*), дательный (*ему*) и наречие (*сейчас*) связаны подчинительной зависимостью со словами, которые в иных условиях не имеют подобной сочетаемости [9, стр. 83—85]. Как видим, новые связи возникают в данном случае у членов предикативного сочетания, т. е. на уровне предложения, и возникают как результат отсутствия глагола-связки (первая группа примеров) или как результат утраты лексического значения у глагола-связки, с которым и были связаны эти слова (сравним: *память у него хорошо сохранилась; память у него осталась хорошей; память у него хорошая*).

Синтаксическая функция изменяет характер сочетаемости: факультативная сочетаемость слова под влиянием его синтаксической функции может перейти в обязательную. К таким синтаксическим конструкциям, которые определяют сочетаемость, следует отнести прежде всего предложения, подлежащие и сказуемые которых лексически совпадают. В этом случае наличие при главных членах определений (согласованных или несогласованных) обязательно, так как именно определение в подобных предложениях несет основную смысловую нагрузку (особенно в сказуемом). *Слава этих людей — это подлинная слава* (А. Фадеев. *Молодая гвардия*); *Мой муж — прелестный муж* (А. Грибоедов. *Горе от ума*); *Твои дети — мои дети; Твой друг — мой друг*.

В первом примере необходимое для подлежащего определение выражено управляемой формой слова, определение, обязательное для сказуемого, — согласующейся словоформой. И хотя способ связи этих определений различен (управление и согласование), однако вид связи одинаков — это сильная связь, выражающая обязательную сочетаемость. Правда, среди подобного рода конструкций есть такие, в которых нет и не может быть определений, это так называемые тавтологические предложения с особым значением. В этих предложе-

ниях имеет место «утверждение о подлинности предмета, о его соответствии обычным представлениям об этом предмете» [22, стр. 420]: *Война есть война; Смерть есть смерть; Льды как льды, пустыни как пустыни*. (В. Каверин. Два капитана).

Далее, существительные, выражающие самые общие признаки предмета (*человек, люди, мужчина, женщина, девушка, вещь, птица, животное, существо* и т. п.), обязательно требуют определения лишь тогда, когда употребляются в таких конструкциях, где происходит ослабление их лексического значения. Ослабление лексического значения в этих случаях объясняется тем, что приведенные слова обозначают признак, который уже содержится либо в поясняемом этими словами компоненте, либо в ближайшем контексте, поэтому сущность нового сообщения заключается не в данных существительных, а в относящихся к ним определениях. Чаще всего подобные слова являются присвязочной частью именного сказуемого или иного составного члена предложения, а также приложения, хотя возможно использование этих слов и в качестве дополнений. *Орел—птица хищная. Николаевна, будучи женщиной умной и энергичной, справится с этим поручением. Большинство офицеров — пожилые люди, и они пекутся о своем здоровье* (В. Кожевников. Щит и меч). Отсутствие определений при словах *птица, женщина, люди* совершенно бы изменило смысл всего высказывания. Сравним: *Орел — птица хищная и Орел — птица. Она женщина умная и Она женщина*. Смысл первого предложения заключается в характеристике орла как хищника, во втором предложении дается утверждение, что орел принадлежит к классу птиц и т. д.

Следующую группу составляют конструкции со значением принадлежности чего-то кому-то и характеристики кого-то, включающие слова-названия частей тела и органов (*руки, ноги, шея, лоб, глаза, уши* и т. п.). Если такие существительные выступают в роли подлежащего, сказуемого, несогласованного или обособленного определения в предложениях, передающих чью-то характеристику, то определения при них становятся обязательными. *Г. Н. Беневоленский был человек толстоватый, среднего роста, мягкий на вид, с коротенькими ножками и пухленькими ручками* (И. Тургенев. Татьяна Борисовна и ее племянник).

Наличие при выделенных словах одного определения совершенно необходимо, большее число определений обязательным не является. То, что необходимость определения в

подобных случаях не связана только с лексическим значением слов, а вызвана семантико-грамматическими особенностями самих конструкций, доказывается возможностью употребления тех же слов без определений в конструкциях иного типа. Например: *...Сложит руки под грудь, закинет голову, прищурит глаза и сидит улыбаясь...* (И. Тургенев. Татьяна Борисовна и ее племянник). Правда, возможны структуры типа *Глаза были большие, синие. Руки маленькие и смуглые*, где конструкция в целом имеет значение характеристики, слова, называющие части тела, являются подлежащими, а определения при них необязательны. Дело в том, что сказуемое, выраженное именем прилагательным, выполняет ту семантическую функцию характеристики, которую в приведенных выше предложениях несут определения.

Мы рассмотрели факторы, обуславливающие сочетаемость слова как стержневого компонента сочетаний, иначе, факторы, вызывающие активную сочетаемость. Термин «активная сочетаемость» мы используем вслед за Л. Н. Засориной и В. П. Берковым, которые употребляют термины «активная валентность». «Разграничиваются активные валентности — управляющего слова и пассивные — зависимого слова» [3].

Нам представляется более целесообразным пользоваться термином «сочетаемость», нежели «валентность», так как, на наш взгляд, валентность — потенциальная способность слова к сочетаемости, определяемая лексической или лексико-грамматической природой слова, т. е. сочетаемость, заложенная в самой природе слова. Сочетаемость же, вызванная какой-то грамматической категорией (см. наш третий случай) или синтаксической функцией слова, не включается нами в понятие валентности. Следовательно, при таком подходе к вопросу понятие «сочетаемость» шире, чем понятие «валентность».

Если активная сочетаемость возникает, как отмечалось выше, под влиянием различных факторов, а именно лексического, лексико-грамматического значений, грамматического значения какой-то определенной категории, а также синтаксической функции, то пассивная сочетаемость, сочетаемость зависимого слова со стержневым, определяется в подавляющем числе случаев лексико-грамматическим значением. При сочетаемости зависимого слова действует более обобщенное лексико-грамматическое значение и еще более общее и грамматическое значение отношения к другим лексико-грамматическим разрядам слов [4, стр. 70]. Так, качественные наречия в силу лексико-грамматического значения данной части речи,

категориального значения признака действия, признака [24] и степени качества, признака признака сочетаются (примыкают) с глаголами, наречиями, прилагательными. Так, наречие *очень* может сочетаться с глаголами, прилагательными и наречиями самых различных лексических групп, т. е. практически лексическое значение стержневого слова для сочетания с этим наречием роли не играет (*очень шумит, очень плачет, радуется, болеет, спешит; очень веселый, больной, красный, незрелый, дикий; очень весело, печально, дико, шумно, больно* и т. п.). В данном случае сочетаемость диктуется общим лексико-грамматическим значением наречия как части речи. Д. Н. Шмелев пишет: «Форма сочетания «маленький мальчик» определяется тем, что первое у них прилагательное, второе — существительное, и тем, что прилагательное согласуется с существительным в роде, числе, падеже. В этом случае не требуется каких-либо сведений о лексических значениях слов» [5].

Однако в большинстве случаев лексическое значение слова ограничивает его сочетаемость. Так, наречие *глубоко* сочетается с глаголами *переживать, страдать, чувствовать* и др. и не сочетается с глаголами *смеяться, кричать, есть, умирать* и др. Сочетание этого наречия с глаголами последней группы не нарушило бы правильности грамматической сочетаемости, но противоречило бы нормам лексической сочетаемости, сочетаемости на лексическом уровне. Иногда лексическое значение наречий ограничивает и грамматическую сочетаемость. К примеру, наречия *ежедневно, регулярно, по вечерам* и т. п. «не образуют словосочетаний с глаголами совершенного вида» [25], а также «наречия и другие лексические единицы, указывающие на неограниченную длительность действия, не образуют словосочетаний с глаголами совершенного вида» [25].

Образование подобных сочетаний нарушило бы соответствие лексического значения зависимого слова и семантики грамматической формы глагола.

При функционировании слова в структуре предложения на пассивную сочетаемость этого слова могут оказывать влияние различные синтаксические явления.

На основании признаков регулярности и нерегулярности синтаксической обусловленности и необусловленности следует различать первичную и вторичную сочетаемости. Первичной мы называем регулярную синтаксически необусловленную сочетаемость, являющуюся постоянной для данной части речи. Вторичной является нерегулярная синтаксически обус-

ловленная сочетаемость. Так, имена прилагательные в силу лексико-грамматического значения «качества» или «признака» и более общего грамматического значения «отношения к предмету» [4, стр. 71], имеют первичную сочетаемость с существительными, которая проявляется в постоянном соответствии форм числа, падежа, рода (во множественном числе — форм числа и падежа) определяющего слова и определяемого (суть согласования «заключается в формальном уподоблении определяющего слова определяемому») [26]. Однако в определенных синтаксических позициях эта первичная сочетаемость, регулярная для прилагательных как частей речи, нарушается. Явление грамматической однородности может разрушать постоянное для прилагательных согласование с существительными в роде, числе и падеже. Например, *сапожная, колесная, швейная мастерские ютились в углах, очень мало похожих на производственные залы* (А. Макаренко. Педагогическая поэма). ....*На слабых же, незакаленных жену и Лизу все это свалилось, как большая снеговая глыба...* (А. Чехов. Скучная история). Как видно из примеров, при однородности и определений, и определяемых может быть нарушено обычное согласование в формах числа. Причем это изменение в согласовании связано с явлением однородности, но безразлично к тому, являются ли однородными сами определения — прилагательные или же определяемые существительные.

Однородность подлежащих может изменить согласование в числе и у личных форм глагола. *Её выражение, походка, платье, прическа говорили ему, что она из порядочного общества...* (А. Чехов. Дама с собачкой). Появляется так называемое смысловое согласование, обусловленное и ограниченное определенной синтаксической позицией. В. Н. Петрухин пишет о влиянии однородности на управление слова, приводящее к унификации управляемых форм: «По закону аналогии унифицируются падежные формы зависимых слов при однородных, но разноуправляющих членах. *Перечитывая его* (Циолковского. — В. П.) *трижды, ученые невольно удивляются и восхищаются силой его научного предвидения* («Правда», IX-57), *Конечно, в условиях капитализма, основанного и сотканного из антагонизма и противоречий, существует и своеобразный антагонизм материальной жизни общества, с одной стороны, и духовной, с другой* (Акад. Ф. Константинов)» [27].

Появляется несоответствие в формах падежа при употреблении имени прилагательного в роли творительного предика-

тивного или творительного тяготеющего (*сестра была больной, застал сестру больной*) при синтаксически обусловленной связи тяготения (см. об этой связи выше).

Все эти изменения могут появляться только в определенных позициях, т. е. новые связи ограничены определенной синтаксической функцией слова, вне которой они не имеют места. В данном случае мы имеем дело с проявлением вторичной сочетаемости слов, маркированной синтаксическим ограничением.

В языке наблюдаются случаи перехода вторичной сочетаемости в первичную, регулярную для данных классов слов. Это происходит тогда, когда синтаксические функции какого-то класса слов строго дифференцируются и закрепляются, и нерегулярные связи становятся регулярными и постоянными для данного класса слов. Такое явление мы наблюдаем в группе местоимений.

Если слова *какой, который* употребляются в простом предложении в функции вопросительного слова, то первичная их сочетаемость как сочетаемость местоименных прилагательных выражается в формах полного согласования. Если же эти слова выполняют функцию союзного слова в сложном предложении и одновременно роль члена придаточного предложения, то регулярным является неполное согласование (*тот, которого; тот, к которому* и т. п.). Отсутствие согласования в падеже становится постоянным признаком этих слов (как относительных местоимений), совпадение в падеже делается случайным признаком, который не определяется функцией относительного слова, а вытекает из чисто случайного совпадения падежных форм союзного слова в придаточном и определяющего в главном. Таким образом, неполное согласование становится первичной сочетаемостью для относительных местоимений и продолжает быть вторичной сочетаемостью для вопросительных местоимений.

Переход вторичной сочетаемости в первичную можно рассматривать как результат двухэтапного процесса деривации (первый этап — синтаксический, второй — лексический), суть которого глубоко вскрыта виднейшим польским лингвистом Ежи Куриловичем в работе «Деривация лексическая и деривация синтаксическая» [28].

Л и т е р а т у р а

В. Г. Адмони. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы. «Вопросы языкознания», 1958, № 1, стр. 111—113.

2. Г. В. Валимова. О сочетаемости как свойстве языковых единиц. В сб.: «Вопросы изучения русского языка. Доклады шестой научно-методической конференции Северо-Кавказского зонального объединения кафедр русского языка». Ростов-на-Дону, 1963 (Ростовский педагогический ин-т).

3. И. Н. Засорина, В. П. Берков. Понятие валентности в языке. «Вестник Ленинградского ун-та», вып. 2, 1961, № 8, стр. 133, 137; 138.

4. Б. С. Хаймович. С сочетаемости как признаке части речи. Уч. зап. Харьковского педагогического ин-та иностр. языков им. Крупской, ч. 5. Харьков, 1959.

5. Д. Н. Шмелев. Синтаксическая сочетаемость слов в русском языке. «Русский язык в национальной школе», 1961, № 4, стр. 10—11.

6. В. Г. Адмони. Язык как единство системы отношений и системы построения. «Филологические науки», 1963, № 3, стр. 8.

7. Т. П. Ломтев. Природа синтаксических явлений. «Филологические науки», 1961, № 3, стр. 30—31.

8. И. С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики. Уч. зап. Московского педагогического ин-та. Кафедра русского языка, вып. 1, т. 5. М., 1941, стр. 24—25.

9. Н. Н. Прокопович. Слово сочетание в современном русском языке. М., «Просвещение», 1966.

10. В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. «Вопросы языкознания», 1953, № 5, стр. 26.

11. Н. З. Котелова. Указания на синтаксические связи слов в толковом словаре. «Лексикографический сборник», вып. 1. М., Государственное изд-во иностр. и нац. словарей, 1957, стр. 100.

12. Н. Н. Прокопович. К вопросу о роли словообразовательных связей частей речи в построении словосочетаний. В сб.: «Исследование по грамматике русского литературного языка». М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 141.

13. В. Н. Перетрухин. Синтаксическое управление и аналогия. В сб.: «Краткие очерки по русскому языку», ч. 2. Курск, 1966, стр. 13—14 (Курский педагогический ин-т).

14. Н. А. Лобанова. Синтаксическая сочетаемость возвратных глаголов. «Вестник Московского ун-та», 1966, № 5, стр. 36.

15. «Грамматика русского языка», т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 416.

16. А. Н. Зеленев. Соотносительность действительных и возвратных страдательных оборотов в современном русском языке. Уч. зап. Ленинградского ун-та, вып. 68, № 322, 1963, стр. 39.

17. Н. А. Янко-Триницкая. Процессы включения в лексику и словообразовании. В сб.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., «Наука», 1964, стр. 18.

18. В. А. Кириллова. Синтаксические функции степеней сравнения прилагательных. «Русский язык в школе», 1964, № 6, стр. 53.

19. Е. М. Галкина-Федорук. Безличные предложения в современном русском языке. Изд-во Московского ун-та, 1958.

20. Н. А. Лобанова. Синтаксическая сочетаемость возвратных глаголов. «Вестник Московского ун-та», 1966, № 5, стр. 37.

21. А. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в. М., Учпедгиз, 1954, стр. 323.

22. «Грамматика русского языка», т. 2, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954.

23. И. Распопов. О видах и способах кофструктивно-синтаксических связей слов. «Русский язык в национальной школе», 1966, № 6, стр. 7.

24. Современный русский язык, ч. 2. Под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук. Изд-во Московского ун-та, 1964, стр. 187.

25. А. Б. Аникина. Сочетаемость глаголов совершенного и несовершенного вида с наречиями и другими лексическими единицами. «Филологические науки», 1964, № 3, стр. 172.

26. Д. Н. Шмелев. Некоторые особенности согласования в русском языке. «Русский язык в национальной школе», 1962, № 2, стр. 25.

27. В. Н. Перетрухин. Синтаксическое управление и аналогия. В сб.: «Краткие очерки по русскому языку», ч. 2. Курск, 1966, стр. 17 (Курский педагогический ин-т).

28. Е. Курилович. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. В сб.: «Очерки по лингвистике». М., Изд-во иностр. лит., 1962, стр. 60—61.

СОЧЕТАЕМОСТЬ ЭЛЕМЕНТОВ, СОСТАВЛЯЮЩИХ СТРУКТУРНОЕ ЯДРО СУБЪЕКТИВНЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Слова категории состояния (по терминологии А. М. Пешковского — предикативные наречия) выполняют в сочетании с глагольной связкой или без нее роль организующего центра, т. е. главного члена безличных предложений.

Безличные предложения с предикативными наречиями в роли главного члена представлены в русском языке двумя параллельными группами. Первая группа служит для характеристики состояния природы, окружающей среды или объективного мира, поэтому их можно назвать *объективными*: (*было, стало*) *холодно; жарко...*; эти предложения не могут иметь в своем составе падежных форм имени со значением лица, субъекта состояния. Они могут сочетаться со словами, называющими место или время проявления данного признака, причину его возникновения: *С утра на солнце было жарко, а в тени прохладно. От табачного дыма в комнате было душно.* Их структурным ядром является предикативное наречие со связкой или без нее. Вторая группа предложений имеет или может иметь в своем составе падежную форму имени, обозначающую лицо, испытывающее названное состояние: *мне, тебе, ему...* (*было, стало*) *холодно, жарко...*, их можно назвать *субъективными*. Название «безличные» дано им по структурным признакам: это односоставные предложения, которые не имеют и не могут иметь независимого именительного падежа имени в роли подлежащего, второго организующего центра предложения. По значению же они сугубо личны, так как всегда определяют душевное состояние какого-то лица. Таким образом, структурное ядро субъективных безличных предложений составляет предикативное наречие (со связкой или без

нее) в сочетании с падежной формой, называющей лицо, субъекта состояния.

Связка *быть* подчеркивает стабильность состояния человека или окружающей его среды, связка *стать, становиться* указывает на возникновение состояния, на переход от одного состояния к другому. В некоторых случаях связка бывает необходимым элементом структуры предложения, тогда она выполняет конструктивную роль.

В данной статье рассматриваются только субъективные безличные предложения; особое внимание уделяется возможности пополнения категории состояния словами других лексико-грамматических групп и появлению у этих слов сочетаемости с такими падежными формами, обозначающими лицо, которые формируют типы субъективных безличных предложений.

Материалом для исследования послужило произведение М. Пришвина «Кашеева цепь», где довольно последовательно употребляются предложения, несколько необычные по структуре или по лексическому выражению главного члена, хотя все они вполне закономерны для русского языка. В них проявляется своеобразие стиля писателя, нередко дающего неожиданные сочетания слов, которые тонко передают глубокие переживания, движения чувства, развитие мысли. — Все цитаты даются по собранию сочинений в шести томах. М., ГИХЛ, 1956—1957.

Для группы субъективных безличных предложений, кроме главного члена и дательного лица, характерно указание причины появления чувства или состояния, неясной или же вполне отчетливой. Причина может быть дана в виде второстепенного члена:

В эту ночь перед сном Алпатову вдруг стало стыдно себя самого. Курьмушке отчего-то страшно даже стало, он остановился, покраснел. Но как только раздался звонок, он вспомнил про нее, и от этого стало ему больно. Ему стало, однако, не совсем по себе от разговора.

Иногда причина состояния раскрывается в следующем простом предложении, составляющем часть сложной конструкции: *А сама чувствует, как она вместе с ним удаляется от простого сюрприза, принесенного с собой, и опять ей становится тревожно и грустно; в какой мир он уводит ее?*

Структурное ядро субъективного предложения *ей становится тревожно и грустно* необычно: лексема *тревожно* в роли категории состояния употребляется в конструктивно свя-

занном сочетании *у него (у нее) на душе (было) тревожно*; здесь же образовано свободное сочетание по структурному типу субъективных безличных предложений: слово *тревожно* стоит в одном ряду с обычным для таких построений словом *грустно*, которое как бы подкрепляет собою возможность сочетания *ей стало тревожно*.

Привычное выражение *на душе у него стало легко* М. Пришвин перестраивает по типу субъективных безличных предложений с дательным лица *ему на душе стало легко*; кроме того, он добавляет в качестве однородного члена и *уверенно*. Таким образом, рядом с устоявшимся *легко* появляется новое для категории состояния слово *уверенно*: *Вот при мысли, что можно как-то заменить одно другим, ему стало легко на душе и уверенно*.

В другом случае М. Пришвин создает сочетание: *ему на душе стало небывало особенно: На мгновение ему стало на душе совсем небывало особенно: будто какой-то окончательный и настоящий праздник настал, и он теперь никого не боится и стал вдруг большим, как все*.

Этим предложением как бы подкрепляется сочетаемость *ему на душе*, и в группу категории состояния вводятся новые слова *небывало особенно*. Так обновляется форма выражения мысли, с одной стороны, а с другой — существовавшая в языке схема предложения заполняется новыми словами, не знавшими раньше синтаксической роли присвязочного члена субъективной безличной конструкции. Обе стороны взаимодействуют, переплетаются одна с другой.

М. Пришвин ставит в позицию присвязочного члена субъективных безличных конструкций слова *удивительно, подозрительно*, которые обыкновенно выполняют роль именного сказуемого личных предложений, будучи краткими прилагательными, или же поясняют глагол, являясь наречиями. В новой для них синтаксической роли они становятся категорией состояния и сочетаются с дательным лица. *Алпатову стало подозрительно, не смеется ли над ним собеседник... Удивительно было Алпатову, что ученый, сообщая студентам свою догадку о *vita*, покраснел совершенно так же, как он сам в детстве краснел, когда свои тайны, сны или догадки рассказывал старшим*.

В «Кашеевой цепи» есть оригинальная по построению и лексическому составу конструкция: *А когда Смерть вошел и сел на кафедру, Курымушке все стало бледно вокруг и слабо в себе*. Здесь объединены в одно предложение два раз-

ных структурных типа: двусоставное — *Курымушке все стало бледно вокруг* и односоставное — *Курымушке стало слабо в себе*. Для первой части совершенно необычен дательный лица, типичный для безличных конструкций. Он вносит в предложение оттенок, свойственный субъективным безличным предложениям: слово *все* утрачивает значение подлежащего — субъекта действия, на первом плане не состояние окружающей среды, а состояние Курымушки; это значение поддерживается второй частью конструкции, которая тоже относится к связке *стало*. Сочетания *бледно вокруг* и *слабо в себе* оказываются однородными, хотя первое составляет часть личной конструкции, а второе — безличной. Дательный лица и связка *стало* оказываются общими элементами двух структурно различных предложений, слитых в одно целое. Во второй части необычно с лексической стороны сочетание *слабо в себе* в роли присвязочной части. Получилось новое конструктивно связанное словосочетание, которое вошло в структуру субъективного безличного предложения с обязательным дательным лица. Таким образом, дательный лица в этой сложной конструкции выполняет двойную функцию, разную для каждой части сложения; но превалирующим оказывается его значение для субъективной безличной конструкции.

Подобно первой части рассмотренной конструкции строит М. Пришвин двусоставные предложения, в которых дательный лица сочетается с глаголами, не управляющими дательным падежом: *выглядеть, мелькнуть, перемениться*; при них или вообще не бывает соответствующей дательному падежной формы (*выглядеть*) или же бывают другие предложно-падежные формы (*мелькнуть перед кем, перемениться для кого или в чем представлении*): *Белые ночи такие же и теперь прозрачные, но линия дворцов иначе выглядит теперь нам белою ночью. Все это мелькнуло Алпатову в чувстве родного и так сильно, что перешло в движение, и он прижал ее руку к себе, и она ему ответила. После разговора с Ефимом все переменялось Алпатову на улицах саксонской столицы, не звучала ему больше музыкальная сказка, и лица людей не удивляли сходством с оригиналами великих художников.*

Эти оригинальные конструкции по значению сближаются с субъективными безличными: благодаря дательному лицу в них раскрывается душевное состояние, на первый план выдвигается восприятие названным лицом окружающей среды. Ведь фактически все не менялось, осталось прежним; изменилось душевное состояние человека. Впечатление безлично-

сти конструкции усиливается, если такое предложение не содержит подлежащего, но вводит прямую речь, которая занимает позицию подлежащего, соответствует ему при данном глаголе: *Когда Инна подняла вуаль, едва ли он мог заметить какую-нибудь особенную красоту ее лица. Напротив, ему даже мелькнуло: Только-то, неужели это и все!*

В сложноподчиненном предложении в роли главного бывает безличное предложение с главным членом, выраженным сравнительным оборотом, придаточное уточняет его значение: *Нет, через это не утратилась прелесть его Инны, но весь пожар как бы мгновенно погас, и ему стало совершенно как в детстве, когда он с таким страхом крался в спальню Марьи Моревны и увидел ее спящую и дрожащим голосом позвал: «Марья Моревна!».*

Главное предложение построено здесь по типу неполных, можно было бы сказать: *ему стало страшно, совершенно как в детстве...*, но это сузило бы значение главного члена, и автор строит новое сочетание слов, более емкое по смыслу.

Иногда на месте ожидаемой категории состояния в безличном главном предложении стоит указательное слово *так*, содержание которого раскрывается придаточным предложением. Выполняя конструктивную роль главного члена безличного предложения, указательное наречие *так* переходит в разряд категории состояния и приобретает новую для него сочетаемость с дательным лица. *Когда я написал свои странички, перечитал, поправил, добавил что-то, мне стало так, будто благодаря этому своему личному усилию истинный адскуки обратился в желанный рай, и поезд мой пришел.*

Или же главное предложение строится как неполное: при глагольной связке из обязательных членов есть только дательный лица, указательное слово отсутствует, а придаточное предложение присоединяется непосредственно к связке: *Алпатову стало, будто он себе еще брата нашел. Ни на одно мгновение ему, однако, не было, что можно Инну заменить какой-нибудь другой женщиной.*

Естественно, такие конструкции возможны только при наличии связки, роль ее здесь расширяется; она не только содержит грамматические значения времени, вида, наклонения, но становится необходимым элементом структуры сложноподчиненного предложения с неполным субъективным безличным главным и с придаточным в роли присвязочной части.

Значение субъекта состояния в структуре безличного предложения имеет не только дательный падеж, но и творитель-

ный с предлогом *с*, относящийся к глаголу-связке, обязательному структурному элементу данного типа предложений; при связке возможно указательное слово *так* или такое знаменательное слово категории состояния, которое должно конкретизироваться придаточным предложением.

И со мной раз так было: все отлетело, и вышел маленький мальчик Курымушка у постели своего больного отца. Похоже было с Алпатовым, как если бы странник, долго, мучительно путаясь в тропинках по тундре, совершенно усталый выбрался на последнюю скалу берега и вдруг увидел океан.

Реже предложение такой структуры выполняет роль пояснящего, тогда в его состав входит союзное слово *как*, совмещающее в себе роль категории состояния при безличной связке; оно по месту в предложении и по связям с другими словами соответствует указательному слову *так*.

Алпатов в своем коротком утреннем сне, как не раз с ним бывало в гимназии при решении трудных задач, увидел ясно ответ на задачу, от которой кружилась у него голова: это не любовь, и он должен уехать немедленно.

Структуры типа: *Со мной так было* свойственны разговорной речи, где они употребляются в виде самостоятельных предложений в ответных репликах диалога: *Со мной тоже так было, И со мной так было* и т. п. Слово *так* охватывает своим значением содержание рассказанного раньше, иногда значительного по объему. Кроме того, такое предложение может предварять рассказ, привлекая внимание слушателей. М. Пришвин вводит такого типа безличные предложения в авторское повествование, где оказывается необходимым строить сложные предложения, раскрывая содержание местоименных слов *так* или *как* одним или несколькими придаточными предложениями.

Субъективные безличные предложения соотносятся по значению и по структуре с двумя типами предложений: с объективными безличными и с двусоставными личными. С объективными безличными они сближаются способами выражения главного члена и значением состояния. Но эти предложения противостоят друг другу, так как объективные предложения по широте выражаемого ими значения сближаются с обобщенно-личными: они обозначают объективное состояние окружающей среды, воспринимаемое всеми вообще; субъективные всегда узки по значению: в них говорится о состоянии определенного лица или группы лиц. В этом отношении субъективные безличные предложения параллельны двусоставным

личным: независимому именительному падежу — подлежащему личных конструкций в них соответствует зависимая падежная форма имени со значением субъекта состояния.

Дательный лица — типичная форма выражения субъекта состояния; она оказывает воздействие на переход личных конструкций в безличные, это сильный элемент субъективных безличных предложений. Творительный падеж с предлогом *с* в роли выразителя субъекта состояния имеет стилистический оттенок разговорной речи и в авторском тексте употребляется сравнительно редко.

Субъективные безличные предложения — продуктивная конструкция. Русский язык располагает широкими возможностями развития слов категории состояния за счет кратких прилагательных и наречий; в новой для них синтаксической роли они приобретают сочетаемость с формами слов, составляющих необходимые структурные элементы субъективных безличных предложений. Кроме того, слова с местоименным значением присоединяют к себе придаточные предложения, раскрывающие их значение; вариантом этих конструкций является сложноподчиненное предложение с придаточным, относящимся непосредственно к безличной связке в качестве присвяточного члена.

О СОЧЕТАЕМОСТИ ПРИДАТОЧНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ЧЛЕНАМИ ГЛАВНОГО В РАЗНЫХ РЕЧЕВЫХ СФЕРАХ

Для языковых единиц всех уровней характерна определенная сочетаемость, которая представляет собой «не механическое соположение, а свойство этих единиц объединяться друг с другом, вступая при этом в определенные отношения» [1].

Сопоставление синтаксических единиц, используемых в разговорной речи, с синтаксическими единицами, используемыми в книжной речи, обнаруживает, что существуют известные отличия и в структуре и в значении (в том числе и грамматическом) и в сочетаемости этих единиц.

Тот факт, что синтаксическим единицам разговорной речи присущи некоторые разновидности сочетаемости друг с другом для выражения определенных отношений, не свойственные книжной речи, можно проиллюстрировать, например, наблюдениями над сочетаемостью придаточного предложения с членом (или с членами), главного предложения в разных речевых сферах.

Если взять три компонента: придаточное предложение и два члена главного предложения, находящиеся в отношении подчинения, к одному из которых относится (или к каждому из которых при определенных условиях может относиться) данное придаточное, то выяснится, что между ними возникают разные типы отношений, причем одни из них характерны как для книжной, так и для разговорной речи, а другие. используются лишь в одной из этих речевых сфер.

И для книжной, и для разговорной речи обычными являются случаи типа: *Я часто думал о том, чтобы поселиться в этом милом, зеленом городке*, когда придаточное предложение конкретизирует указательное слово главного предло-

жения и является, так сказать, заранее предусмотренным компонентом структуры [2]. Непосредственная связь устанавливается между указательным словом и придаточным предложением, хотя по своему характеру указательное слово является контактным и часто может быть опущено. Важно отметить, что отношения, которые складываются между указательным словом и придаточным предложением, не являются пояснительными. При сочетаемости такого типа придаточное может относиться к указательному слову вместе с полнозначным, общим с ним по значению (*приближаясь к тому месту, где; пришел в то время, когда*), может относиться к полнозначному слову общего с ним значения (*они пришли в минуту, когда*) [2].

Обычным для любой речевой сферы является и такой тип сочетаемости указанных выше трех компонентов, когда придаточное относится непосредственно к члену главного предложения, от которого зависит и другой член, например: *Вот о Ване никогда не думал, что он может не прийти (не думал о ком?, не думал чего?). Вот о физике никак нельзя сказать, что она развивается медленно.* Придаточное предложение и слово, зависящее от члена предложения, к которому относится придаточное, не являются однородными синтаксическими единицами.

Придаточное предложение может выступать в качестве единицы, синтаксически однородной члену предложения: *Наконец-то он увидит аэродром и как взлетит самолет. Они говорили о весне и что скоро зацветет сирень* (Запись живой речи). *Только вы доложите редактору про это самоуправство и что вы тоже!* (К. Симонов. Живые и мертвые). *Люся. Так бывает приятно Москву вспомнить и как жили прежде* (А. Арбузов. Годы странствий).

Такие построения были одной из характерных черт книжного синтаксиса конца XVIII—начала XIX в. [3], а в настоящее время они весьма широко используются лишь в разговорной речи.

В разговорной речи, что связано с ее спецификой, очень широко используются самые разнообразные конструкции добавления. Добавления включаются как в структуру простого, так и в структуру сложного предложения. *А кого она разыщет теперь, телеграмма-то?* (К. Симонов. Солдатами не рождаются. Докладывали и о твоём письме, чтоб непременно на фронт, и так далее... (К. Симонов. Живые и мертвые).

Придаточное предложение представляет собою своеобразное добавление к члену главного предложения. Между этим членом предложения и придаточным существуют пояснительные отношения, а с точки зрения логической это или ограничение понятия (*Мы говорили с Золотаревым насчет носилок, как вас дальше нести...* К. Симонов. Живые и мертвые), или обозначение в данном контексте одного и того же понятия по-иному, выражение отношения тождества (*Если не обманут, начальником штаба дивизии, а нет — пойду на полк (т. е. командиром полка.—Г. И.) кем раньше был.* К. Симонов. Солдатами не рождаются) [4—6].

Как пишет об этом явлении И. Н. Егорова, «... одно и то же синтаксико-семантическое свойство стержневого слова реализуется дважды: с помощью полнознаменательного слова и с помощью конструкции в форме предложения, причем так, что второй распространитель (конструкция) не репродуцирует синтаксической позиции первого (слова), а делит ее с ним, вступая с этим словом в отношения пояснения» [7].

Придаточное предложение связано с членами главного предложения двойной связью, однако с точки зрения характера реализации этой двойной связи можно выделить две разновидности.

Рассмотрим каждую из этих разновидностей.

1. У придаточного с членами главного существует двойная связь, но на первый план выдвигается лишь одна сторона этой двойной связи — реализация пояснительных отношений: *Расскажи о Карнатах, что вы в Карнатах-то видели. Посмотрите на торт, какой торт высокий* (Запись живой речи).

Так, например, в первом предложении придаточное связано и с глаголом *расскажи* и с существительным *Карматы*, но выдвинуть на первый план реализацию изъяснительного отношения в данной структуре невозможно.

В реальной языковой действительности может быть много самых разнообразных построений, при которых возникают пояснительные отношения, например: *Этот нерв найти трудно, тройничный, который воспалился* (Запись живой речи). «Тройничный нерв» — термин, т. е. фактически нечто единое; отделение же определения от определяемого слова в данном случае диктуется тем, чтобы придать пояснительный характер и слову «тройничный», и придаточному предложению, ибо при ином порядке слов могли бы возникнуть отношения

определятельные (сравните: *Этот тройничный нерв трудно найти, который воспалился; Трудно найти этот тройничный нерв, который воспалился*).

Придаточное предложение может быть расположено непосредственно после того члена главного предложения, который оно поясняет, например: *Ты не понял меня, о чем я говорю* (Запись живой речи), — а может располагаться и дистантно, например: *Я ее увидела, на что она способна* (Запись живой речи). Следует отметить, что к построениям, в которых придаточное предложение расположено контактно с поясняемым членом главного, можно отнести и случаи, когда между придаточным предложением и непосредственно поясняемым членом главного предложения есть другие слова, но поясняемое слово от них не зависит, например: *Он понял бы своего отца, после этой речи, — почему дружил отец с Дорогомиловым* (К. Федин. Необыкновенное лето).

Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал с дистантным расположением придаточного предложения и поясняемого им члена главного позволяет особенно наглядно показать два типа логических отношений, характерных для пояснения:

а) ограничение понятия, характеристика его в отношении какого-то качества: *Я ее видела, что она не жирная совсем. Его и так видно, что он наелся* (Запись живой речи). *Мы вас три месяца видели, какая вы есть* (К. Симонов. Живые и мертвые).

б) выражение отношения тождества: *Я, конечно, не облако в штанах, а холостой мужик, но во мне этого нет, чтоб под видом одного — другое* (К. Симонов. Солдатами не рождаются).

Следует отметить, что при дистантном расположении придаточного предложения и поясняемого им члена главного предложения ярче, чем при контактном их расположении, осознается вторая сторона двойной связи (в данных примерах это изъяснение), ибо придаточное оказывается в непосредственной близости с тем другим членом главного предложения, с которым оно также связано.

2. Однако часто бывают случаи, когда при пояснительной интонации на первый план выдвигаются пояснительные отношения, а без пояснительной интонации — отношения других типов, обычно изъяснительные: *Может быть, уже узнал про свою минометчицу, что ее больше на свете нет* (К. Симонов. Солдатами не рождаются). *И Таня, прочтя это на его*

лице, сама в первый раз за день подумала о себе, что ее могут убить (К. Симонов. Солдатами не рождаются).

Если придаточное предложение расположено не контактно с тем членом главного предложения, с которым оно может вступать в пояснительные отношения, как в предыдущем примере, то выражение отношений других типов выдвигается на передний план еще легче: *Вот сейчас, когда вы про немцев говорили, вспомнила, как наших пленных через Смоленск гнали, и про брата вспомнила, что он на войне, а про мужа не вспомнила...* (К. Симонов. Солдатами не рождаются). *Он нам про Чичибабина описал, что грудь пулемет закрыл* (К. Симонов. Солдатами не рождаются).

Реализация тех или иных отношений всегда связана с содержанием, которое вкладывается в высказывание, причем иногда это проявляется особенно наглядно, например: *Я все-таки хочу написать об этом, что такого типа, собственно, советы напоминают какую-то вот буржуазную газету...* (Запись живой речи). Если говорящий хочет подчеркнуть, что он напишет именно о том, что какие-то советы напоминают ему буржуазную газету, то будут реализованы пояснительные отношения; если же о чем-то, известном слушателю (в данном случае имелись в виду советы в газете, как следует подкрашивать глаза), говорящий хочет написать, что это напоминает ему буржуазную газету, будут реализованы изъяснительные отношения. — *А тебе от этого будет легче, если он не придет?* (Запись живой речи). При пояснительных отношениях это — «его» приход, а при условных — что-либо другое (допустим, встреча с кем-то даже при условии, что более нужное лицо не придет).

С помощью пояснительной интонации могут передаваться пояснительные, а не определительные отношения и в таких, например, случаях: *Ладно, я к тем потом подскожу, — сказал Мишка, а сейчас давайте к этим пойдем, которые во ржи* (К. Симонов. Живые и мертвые). *Мы пускаем абитуриентов. — Она произнесла ученое слово гордо и отчетливо. — Абитуриентов; знаете, которые приезжают держать в институт* (В. Панова. Сентиментальный роман).

Однако в отличие от прочих случаев, которые нами рассматривались, двойной связи с членами главного у придаточного предложения здесь не возникает, а следовательно, передача то определительных, то пояснительных отношений не связана с изменением характера сочетаемости придаточного с членами главного.

Если сопоставить выделенные нами разновидности реализации двойной связи придаточного предложения с членами главного, то не трудно установить, что они имеют как сходство, так и отличия. Сходство это заключается и в самом факте двойной связи, и в том, что придаточное предложение со стержневым словом главного связано с помощью грамматического показателя (союза или союзного слова), а с зависимым от него — лишь по содержанию и с помощью интонации. Различаются же эти разновидности тем, что в первой из них сочетаемость со стержневым словом двух распространителей — в виде слова, и в виде придаточного предложения — на равных основаниях невозможна, а во второй — возможна. Это зависит и от лексико-семантических особенностей стержневого слова, и от содержания самого придаточного, от характера логических взаимоотношений его с распространителем в виде слова. Другими словами, вторая разновидность возможна лишь в случае, если лексико-грамматические особенности стержневого слова позволяют иметь два непосредственно относящихся к нему распространителя, а содержание придаточного позволяет понять его и как сообщение чего-то принципиально нового о предмете, названном в главном, и как дублирование или ограничение понятия, уже выраженного в главном.

Без специальных исследований с помощью приборов трудно сказать что-либо определенное в отношении интонации, но на слух создается впечатление, что в пределах первой разновидности пояснительная интонация может быть то отчетливее, то слабее, вплоть до ее полного исчезновения, ибо при любой интонации здесь не могут выдвинуться на первый план иные отношения, кроме пояснительных, например: *Расскажи о Воронеже, как ты в Воронеж ездил. Я ее раскусила, что она за птичка* (Запись живой речи).

Во второй же разновидности именно пояснительная интонация является средством реализации пояснительных отношений, например: *Мне полковник приказал о вас позаботиться, чтобы вы спали и сыты были* (К. Симонов. Дни и ночи).

В данной статье основное внимание сосредоточено на конструкциях, в которых интересующие нас придаточные предложения располагаются после главного. Однако встречаются случаи и иного расположения таких придаточных, например: *У нас этого — чтоб не передать — не бывает, — говорила нянечка, принимая сверток* (К. Симонов. Солдатами не рождаются).

Между тремя анализируемыми компонентами в разговорной речи могут складываться и несколько иные взаимоотношения: придаточное предложение само может поясняться членом (или членами) главного, например: *Кто у меня был, соседка ее, она мне все это рассказала. И не могут определить, что за вещество, состав* (Запись живой речи).

В реальной языковой действительности много самых разнообразных конструкций, в которых выражаются пояснительные отношения, в частности и таких, в которых придаточное предложение поясняет член главного, а затем само, в свою очередь, поясняется, уточняется другими членами главного, например: *Вообще поедем, возможно, сюда же, куда мы ездили, на этот самый, на грань. Да этот сказал, что принес, мастер* (Запись живой речи).

И. Н. Егорова [7], давая очень интересный материал, иллюстрирующий способность стержневого слова дважды, с помощью знаменательного слова и с помощью конструкции, реализовать свои синтаксико-семантические свойства, приводит и пример, сходный с предыдущим: — *Я туда никогда не хожу. — Куда? — Где вы купаетесь, на остров.* Но характеризуя этот пример, она пишет, что порядок следования компонентов здесь такой: «стержневое слово + распространитель в форме конструкции + распространитель в форме слова», в то время как фактически у стержневого слова *не хочу* два распространителя в форме слова (*туда* и *на остров*).

В заключение следует отметить, что придаточные предложения, которые находятся в пояснительных отношениях с членами главного, могут использоваться в любой речевой сфере и в любом стиле речи. Однако структурно-семантические типы предложений с такими придаточными, употребляемые в любой речевой сфере, гораздо менее разнообразны, чем в разговорной речи. В основном, это предложения следующих типов: *Вдали, в снегах, там, куда они теперь спешили, все выше поднимался дым горевшей деревни* (К. Симонов. Живые и мертвые). *Теперь, когда она прилегла, голова стала кружиться меньше* (К. Симонов. Солдаты не рождаются). *Впереди, где кончалась чаща, стояли березы, а сквозь их стволы и ветви видна была туманная даль* (А. Чехов. Свирель). Придаточное предложение служит для пояснения общих с ним по значению обстоятельств места или времени, представляя собой дальнейшее уточнение обстоятельств главного предложения, среди которых есть и указательное слово, или относясь непосредственно к знаменательным словам.

Л и т е р а т у р а

1. Г. В. В а л и м о в а. Функциональные типы предложений. Изд-во Ростовского ун-та, 1967, стр. 33.
  2. М. К. М и л ы х. О классификации сложноподчиненных предложений. Доклады восьмой научно-теоретической конференции Таганрогского педагогического ин-та, секция филологических наук, т. 1. Ростов-на-Дону, Ростиздат, 1965, стр. 69—72.
  3. «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения». М., «Наука», 1964, стр. 468—474.
  4. «Современный русский язык», ч. 2. Синтаксис. Изд-во Московского ун-та, 1958, стр. 270—271.
  5. Ю. Г. У с и щ е в а. Пояснительные конструкции с указательными наречиями. «Русский язык в школе», 1961, № 1.
  6. В. Чернова. К вопросу о границах уточняющих членов. Совещание языковедов Юга России и Северного Кавказа по вопросу о связи слов в словосочетании и предложении. Тезисы докладов. Изд-во Ростовского ун-та, 1961.
  7. И. Н. Е г о р о в а. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов). В сб.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., «Наука», 1967, стр. 92.
-
-

**О СОЧЕТАЕМОСТИ ГЛАВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
С ПРИДАТОЧНЫМ СУБЪЕКТНЫМ
[на материале современного немецкого языка]**

Для рассмотрения вопроса о сочетаемости главного с придаточным субъектным необходимо выявить условия, определяющие сочетаемость главного и придаточного, раскрыть внутреннюю структуру сложноподчиненных предложений.

В современном немецком языке компоненты сложноподчиненного предложения опираются на один из структурных типов простого самостоятельного предложения, но в отличие от последнего не обладают самостоятельным коммуникативным значением и интонационной законченностью. Только в целом сложноподчиненное предложение является равноценным по своему коммуникативному значению самостоятельному простому. Однако, если отвлечься от тех изменений, которые претерпевают простые предложения, образуя при сочетании друг с другом сложноподчиненные, оказывается, что по своей внутренней структуре компоненты сложноподчиненного предложения однотипны с простыми самостоятельными предложениями. Это дает возможность при исследовании сложноподчиненных предложений исходить из обобщенных типических форм простых самостоятельных предложений.

Система простых самостоятельных предложений, обладающих особой грамматической формой и особым обобщенным грамматическим значением, теория логико-грамматических типов предложения разработана проф. В. Г. Адмони [1].

Вопросы сочетаемости структур простых предложений в составе сложноподчиненных исследованы в работах В. А. Зюскина [2—3]. Проанализировав различные теории, трактующие с различных точек зрения выделение обобщенных типических форм предложения, и исходя в основном из

теории логико-грамматических типов предложения, разработанной проф. В. Г. Адмони, Зюськин устанавливает в современном немецком языке 25 основных минимально необходимых структур (МС) простых самостоятельных предложений. Под минимально необходимой понимается такая структура предложения, в которой содержится минимум полнозначных членов предложения, необходимых для выражения соответствующего логико-грамматического отношения. МС выделяются прежде всего на основании формы сказуемого и подлежащего, затем на основании учета функционирования этих МС в составе сложноподчиненного предложения (здесь также учитывается в основном форма). Дается также обобщенное грамматическое значение каждой МС.

При рассмотрении сочетаемости МС в составе сложноподчиненных предложений В. А. Зюськин вводит понятия «идеальных» и «неидеальных» сочетаний главного и придаточного. Под «идеальным» он понимает такие сочетания, в которых главное и придаточное связываются друг с другом непосредственно, т. е. придаточное относится к необходимому члену МС, лежащей в основе главного предложения. Относительное слово как средство связи заменяет собой один из необходимых членов МС, лежащей в основе придаточного. Если же в качестве средства связи выступает союз, то «идеальным» признается такое сочетание, в котором союз не оказывает никакого влияния на состав необходимых членов МС, лежащей в основе главного или придаточного предложения. В «неидеальных» сочетаниях всегда появляются члены, не являющиеся обязательными для МС. Однако в составе сложноподчиненного предложения такие члены предстают как необходимые, поскольку без них сложноподчиненное предложение распадается.

Деление сочетаний на «идеальные» и на «неидеальные» представляется нам важным, поскольку выявить основные факторы, определяющие сочетаемость МС в составе сложноподчиненных предложений, можно лишь в том случае, когда исходят из «идеальных» сочетаний.

Основным фактором, обуславливающим сочетаемость главного и придаточного субъектов, является отсутствие в главном предложении подлежащего. Таким образом, придаточное предложение входит в структуру главного в качестве его необходимого члена. Все сложноподчиненное предложение предстает в этом смысле близким к самостоятельному простому предложению. На основании этого можно утверж-

дать, что в данном случае все сложноподчиненное предложение в целом основывается на МС, лежащей в основе главного и обладает обобщенным грамматическим значением, свойственным этой МС.

Рассмотрим сочетаемость МС в сложноподчиненных предложениях с придаточными субъектными относительного и союзного типа. Такое рассмотрение поможет более верно выявить особенности сочетаемости в обоих этих типах.

Здесь мы ограничимся анализом только таких сложноподчиненных предложений, у которых в основе главного лежит первая МС (*Arbeiter arbeiten*), а в основе придаточного — каждая из двадцати пяти МС (по порядку).

1. Предложения с придаточным, в основе которого лежит первая МС (далее мы будем называть лишь номер МС, не повторяя каждый раз, что она также лежит в основе придаточного):

1. *Wer nicht wagt, gewinnt nicht* (A. Graf. Sprichwörter)

2. *Was langsam kommt, kommt gut* (ebenda).

3. *Da tritt der auf, der später als alle anderen gekommen war.*

4. *In welchem Kasus das Objekt steht, hängt immer von dem aussagenden Verb oder Adjektiv ab* (Die deutsche Sprache, B. IV, 4).

5. *Es steht fest, wann er kommt.*

6. *Das jetzt in wenigen Tagen diese Summe zerging, das kam Geschehe grimmiger vor als das Zusammenkrachen der grossen Banken* (A. Seghers. Die Toten bleiben jung, IV, 4).

7. *Es steht nicht fest, ob er schon gekommen sei.*

8. *Ob er kommt, hängt von ihr ab.*

Субъектные предложения относительного типа вводятся здесь как посредством относительных местоимений *wer, der, was* (см. предложения 1, 2, 3), так и посредством самых различных вопросительно-относительных слов (см. предложения 5, 6). При этом сочетания главного с придаточным, вводимым посредством относительных местоимений, являются «идеальными». В качестве сказуемого главного в этом случае выступает глагол, обозначающий конкретный процесс. Сочетания главного с придаточными, вводимыми посредством вопросительно-относительных слов, здесь всегда предстают как «неидеальные», поскольку эти слова не являются необходимыми для МС, лежащей в основе придаточного.

В качестве сказуемого в данных предложениях выступают глаголы констатации.

Субъектные предложения союзного типа могут быть введены при первой МС как союзом *dass* (см. предложение 5), так и союзом *ob* (см. предложения 7, 8). В качестве сказуемого в обоих случаях употребляются как глаголы констатации, так и глаголы бытия. Сочетания с союзом *dass* здесь являются «идеальными». Что касается союза *ob*, то он может образовать здесь как «идеальные» (см. предложение 8), так и «неидеальные» сочетания. Последние чаще всего имеют место при глаголе констатации (см. предложение 7). В этом случае в главное в качестве необходимого члена вводится отрицание *nicht*, не являющееся однако необходимым для МС как таковой.

2. Вторая МС (*Arbeiter fällen Bäume*. Номинатив + глагол + необходимое дополнение):

9. *Wen du auslachst, der wird um dich weinen* (A. Graf. Sprichwörter).

10. *Wer andern eine Grube gräbt, fällt selbst hinein* (A. Graf. Sprichwörter).

11. *Schattenhaft fiel zurück, was ihn an sich gerissen hatte* (A. Zweig. Erziehung vor Verdun, VI, 3).

12. *Wo der Sprecher ansetzt, welchen Ansatz er wählt, hängt von der Situation, vom Aspekt und vom Vorhergesagten ab* (J. Erben. Abriss der deutschen Grammatik, 11, A).

13. «Hier steht, dass der sozialdemokratisch geleitete Buchdruckerverband seine Mitglieder aufforderte, die Arbeit wieder aufzunehmen» (W. Bredel. Die Prüfung).

14. *... und es macht anscheinend nichts aus, ob sie es auf einem Schiff, in der Eisenbahn oder im Speisesaal eines Hotels beanspruchen* (E. Welk. Der Nachtmann, VIII).

Здесь следует указать на следующие особенности:

а) сочетания главного с придаточными, вводимыми посредством относительных местоимений *weg*, *der*, *was*, являются «идеальными»;

б) сочетания главного с придаточными, вводимыми посредством вопросительно-относительных местоимений, являются «неидеальными», за исключением тех случаев, когда в качестве вопросительно-относительного слова употребляются местоимения *weg*, *was*. Данное обстоятельство относится, конечно, и к тем предложениям, в которых в основе придаточных лежит первая МС;

в) сочетания главного с придаточным, вводимым союзом *dass*, являются «идеальными»;

г) сочетания главного с придаточным, вводимым посред-

ством об, могут быть как «идеальными», так и «неидеальными». Характер сказуемого главного предложения здесь тот же, что и с первой МС в роли придаточного.

3. Третья МС (Das Buch liest sich leicht. Номинатив + переходный глагол + sich + наречие):

15. Was sich leicht findet, gilt für ihn nicht.

16. Wie sich das Buch liest, steht nicht fest.

17. Es steht fest, dass das Buch sich leicht liest.

18. Es steht nicht fest, ob sich das Buch leicht liest.

Здесь следует указать на то, что сложноподчиненные предложения с придаточными субъектными, вводимыми с помощью вопросительно-относительных слов, являющиеся «идеальными» не только с *weg*, *was*, но и с *wie*. Последнее объясняется тем, что *wie* способно заменить собой наречие, выступающее в качестве необходимого члена третьей МС.

4. Четвертая МС (Das lässt sich machen. Номинатив + lassen + sich + инфинитив):

19. Nur was sich machen lässt, gilt für ihn.

20. Es steht fest, dass sich das machen lässt.

21. Es steht nicht fest, ob sich das machen lässt.

5. Пятая МС (Die Rose ist eine Blume. Номинатив + связка + предикатив):

22. Es steht nicht fest, wer er ist.

23. So kam es, dass die Seepiraten beim einfachen Volk geachtete und geehrte Leute waren (W. Bredel. Die Vitalienbrüder, I, 1).

24. Von diesen Umständen hängt es ab, ob er Flieger wird.

Принцип образования «идеальных» и «неидеальных» сочетаний в предложениях с четвертой и пятой МС тот же, что и при вышеперечисленных МС, т. е. предложения 19, 20, 22, 23 и 24 являются «идеальными».

6. Шестая МС (Die Rose ist schön. Номинатив + связка + прилагательное в роли предикатива):

25. Was gut ist, lebt nicht schlecht (A. Graf. Sprichwörter).

26. Wie gross diese Produktenmenge ist, hängt vom jeweiligen Entwicklungsstand der Produktionskräfte ab (O. Kratsch. Die Wirkung der Amortisationen..., I, 1).

27. Hinzu kommt, dass der Kommandant nach Herkunft und Schulbildung dem Sturmführer weit überlegen ist (W. Bredel. Die Prüfung).

28. Von diesen Unterschieden hängt dann nicht nur ab, ob die Umstellung des Infinitivkomplexes obligatorisch ist oder nicht... (M. Bierwisch. Grammatik des deutschen Verbs.).

«Идеальными» являются сочетания во всех предложениях.

При глаголе *abhängen* отрицание *nicht* в главном не является обязательным.

7. Седьмая МС (*Das Haus ist gebaut*. Номинатив + связка + причастие второе в роли предикатива):

29. *Was gebaut ist, gilt nicht.*

30. *Es steht fest, dass das Gebäude gebaut ist.*

31. *Es steht nicht fest, ob das Gebäude gebaut ist.*

8. Восьмая МС (*Das Haus wird gebaut*. Номинатив + пассивная форма):

32. *Was gebaut wird, gilt nicht.*

33. *Es steht fest, dass das Gebäude gebaut wird.*

34. *Es steht nicht fest, ob das Gebäude gebaut wird.*

9. Девятая МС (*Er ist guter Laune*. *Die Frage ist von Bedeutung*. Номинатив + связка + предикатив в форме существительного в родительном или дательном падежах с *von*):

35. *Wer guter Laune ist, der gehe tanzen.*

36. *Es steht fest, dass er guter Laune ist.*

37. *Es steht nicht fest, ob er guter Laune ist.*

В предложениях с седьмой, восьмой и девятой МС «неидеальными» являются сочетания с союзом *ob*.

10. Десятая МС (*Er ist im Garten*. Номинатив + связка + существительное в роли «предикативного» обстоятельства) или одиннадцатая МС (*Er ist hier*. Номинатив + связка + наречие в роли «предикативного» обстоятельства):

38. *Was von Schreiberei da war steckt ja wohl noch unter meinem Papierkram... (A. Zweig. Erziehung vor Verdun, III, 5).*

39. *Wo er ist, steht nicht fest.*

40. *Es steht fest, dass er im Garten ist.*

41. *Es steht nicht fest, ob er im Garten ist.*

Здесь необходимо отметить, что кроме вопросительно-относительных слов *wer*, *was*, в данном случае «идеальное» сочетание образует вопросительно-относительное *wo*, поскольку это *wo* заменяет собой наречие или имя существительное с предлогом, выступающее в роли «предикативного» обстоятельства.

11. Двенадцатая МС (*Der Junge muss baden*. Номинатив + модальный глагол + инфинитив):

42. *Was geschehen soll, das geschieht (A. Graf. Sprichwörter).*

43. *Es steht fest, dass er ins Kino gehen darf.*

44. *Es steht nicht fest, ob er ins Kino gehen dürfe.*

12. Тринадцатая МС (Der Junge muss Bäume fällen. Номинатив + модальный глагол + обязательное дополнение + инфинитив):

45. Wer Bäume fällen muss, der gehe.

46. Wer Bäume fällen muss, steht nicht fest.

47. Es steht fest, dass er Bäume fällen muss.

48. Es steht nicht fest, ob er Bäume fällen müsse.

13. Четырнадцатая МС (Die Arbeit ist zu vollenden. Номинатив + глагол в модальном значении + zu + инфинитив):

49. Was zu vollenden ist, steht nicht fest.

50. Es steht fest, dass die Arbeit zu vollenden ist.

51. Es steht nicht fest, ob die Arbeit zu vollenden sei.

14. Пятнадцатая МС (Ich habe Angst. Номинатив + haben, входящий во фразеологическое сочетание с существительным):

52. Wer Eile hat, der gehe langsam (A. Graf. Sprichwörter).

53. Wer Eile hat, steht nicht fest.

54. Es steht fest, dass er Angst hat.

55. Es steht nicht fest, ob er Angst habe.

В предложениях с двенадцатой, тринадцатой, четырнадцатой и пятнадцатой МС «неидеальными» являются сочетания с союзом *ob* при глаголе констатации.

15. Шестнадцатая МС (Es war (einmal) ein Mädchen.

Es + sein + номинатив). Обычно не выступает в качестве придаточного. Однако все же теоретически сочетания с этой МТ возможны, хотя в этом случае шестнадцатая МС теряет свое *es* и превращается тем самым в первую МС, например:

56. Es steht nicht fest, wer was einmal war.

57. Es steht fest, dass einmal ein Mädchen war.

58. Es steht nicht fest, ob einmal dieses Mädchen war.

16. Семнадцатая МС (Es schneit. Es + глагол в личной форме, т. е. безличное предложение):

59. Es steht nicht fest, warum es jetzt schneit.

60. Es steht fest, dass es dort stark schneit.

61. Es steht nicht fest, ob es jetzt dort schneie.

Здесь следует отметить, что сложноподчиненные предложения с придаточными субъектными относительного типа, имеющими в своей основе семнадцатую МС, являются «неидеальными» сочетаниями.

17. Восемнадцатая МС (Es gibt Leute. Es gibt + аккузатив):

62. Es steht fest, was es dort gibt.

63. Es steht nicht fest, warum es dort nichts gibt.

64. Es steht fest, dass es dort nichts gibt.

Из сложноподчиненных предложений с придаточными субъектными относительного типа «идеальное» сочетание здесь представляет собою предложение 62, поскольку союзное слово заменяет в них один из необходимых членов МС, лежащей в основе придаточного.

18. Девятнадцатая МС (Es lebt sich gut. Es + глагол с sich + наречие):

65. Es steht nicht fest, wo es sich gut lebt.

66. Es steht nicht fest, wie es sich dort lebt.

67. Es steht fest, dass es sich dort gut lebt.

68. Es steht nicht fest, ob es sich dort gut lebe.

Здесь «идеальными» сочетаниями являются предложения 66, 68. В предложении 66 wie заменяет собой необходимый член МС — наречие.

19. Двадцатая МС (Es war Morgen. Es + sein + номинатив):

69. Es steht fest, wo es zur Zeit vier Uhr ist.

70. Es steht fest, dass es jetzt vier Uhr ist.

71. Es steht nicht fest, ob es jetzt vier Uhr sei.

В качестве «неидеальных» здесь предстают сочетания в предложениях 69 и 71.

20. Двадцать первая МС (Es ist kalt. Es + связка + прилагательное в роли предикатива):

72. Es steht fest, wo es jetzt kalt ist.

73. Es steht nicht fest, wie es jetzt draussen ist.

74. Es steht fest, dass es dort kalt ist.

75. Es steht nicht fest, ob es dort kalt sei.

В относительном типе «идеальное» сочетание здесь возможно лишь при wie, заменяющем собой наречие, выступающее в качестве предикатива двадцать первой МС (см. предложение 73).

21. Двадцать вторая МС (Dem Knaben ist kalt. Дательный падеж имени + связка + прилагательное в роли предикатива):

76. Es steht fest, wem kalt ist.

77. Es steht fest, wie es ihm ist.

78. Es steht fest, dass es ihm kalt ist.

79. Es steht nicht fest, ob es ihm kalt sei.

«Идеальные» сочетания в относительном типе имеют место лишь при союзных словах wem (всегда в дательном па-

деже) и wie, заменяющем в двадцать второй МС существительное в роли дополнения или наречие в роли предикатива (см. предложения 76, 77).

22. Двадцать третья МС (Es wurde geschwiegen. Es+пассивная форма глагола (безличный пассив):

80. Es steht nicht fest, warum dort geschossen wird.

81. Es steht fest, dass dort geschossen wird.

82. Es steht nicht fest, ob dort geschossen wird.

23. Двадцать четвертая МС (Der Gäste waren viele).

Родительный падеж имени + связка + слово с количественной семантикой):

83. Es steht nicht fest, ob der Gäste viele waren.

84. Es steht fest, dass der Gäste viele waren.

85. Es steht fest, warum der Gäste viele waren.

Относительный тип в 23 и 24 МС представляет собою «неидеальное» сочетание; так как вопросительно-относительное слово warum не является обязательным для МС придаточного.

24. Двадцать пятая МС (Stille. Dunkelheit.) не может лежать в основе главного или придаточного предложения в сложноподчиненных предложениях с придаточными субъектными вследствие своего особого оформления.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Основным фактором, определяющим сочетаемость главного и придаточного в сложноподчиненных предложениях с придаточными субъектными, является отсутствие необходимого члена — подлежащего главного предложения.

2. В зависимости от семантики глагола-сказуемого главного предложения придаточное присоединяется либо посредством относительного, вопросительно-относительного местоимения, либо посредством союза.

3. В зависимости от семантики глагола-сказуемого главного предложения и в зависимости от построения МС, лежащей в основе придаточного, сложноподчиненные предложения с придаточными субъектными выступают то в качестве «идеальных», то в качестве «неидеальных» сочетаний.

4. Все МС, кроме двадцать пятой, могут выступать в качестве придаточного предложения.

5. Придаточные относительного типа образуют с безличными предложениями лишь «неидеальные» сочетания, при этом в качестве средства связи выступает, как правило, вопросительно-относительное слово.

Л и т е р а т у р а

1. В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1955.

2. В. А. Зюськин. Минимальные структуры простых предложений и сочетаемость конструкции «именительный падеж подлежащего плюс личная форма полнозначного глагола» в качестве главного компонента сложноподчиненных предложений. Лекция в помощь учителю. Таганрог, 1967 (Таганрогский педагогический ин-т).

3. В. А. Зюськин. О роли коррелятов в сложноподчиненном предложении и сочетаемости структур простых предложений в составе последнего. Лекция в помощь учителю. Таганрог, 1967 (Таганрогский педагогический ин-т).

Г. Ф. Гаврилова

О СОЧЕТАЕМОСТИ КОМПОНЕНТОВ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (КОНСТРУКЦИИ С ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫМ ПОДЧИНЕНИЕМ ПРИДАТОЧНЫХ)

Структура придаточных предложений в составе главного представляет собой реализацию сочетаемости последовательно подчиненных компонентов. Как известно, в конструкциях с двустепенным последовательным подчинением ядром, которое связывает, объединяет вокруг себя остальные компоненты сложного предложения, является придаточное первой степени. Появление в сложноподчиненном предложении третьего компонента — еще одного придаточного, подчиненного другому придаточному, — резко изменяет качественную сторону структуры предложения, превращая его из двучленной конструкции в многочленную с последовательным подчинением. Такое изменение качественной стороны предложения может происходить по-разному в зависимости от структурных и смысловых особенностей придаточного первой степени. В том случае, когда придаточное на первом уровне подчинения характеризуется структурной или смысловой незавершенностью, вся сложная конструкция неизбежно приобретает признаки предложения с последовательным подчинением, и потенциальный количественный состав ее таков, что она не может содержать менее трех компонентов. Структурная и семантическая неполнота придаточного первой степени неизбежно должна быть восполнена наличием подчиненного ему придаточного. Таким образом, правила соединения предикативных единиц регулируют и количественный состав данных предложений, так как при построении их на первый план выступает функция придаточного первой степени — быть главным по отношению к придаточному второй степени.

Условия, которые создают структурную неполноту прида-

точного первой степени и одновременно структурную обязательность зависимого от него придаточного, те же, что и в предложениях, минимальной структуры, и связаны с наличием в придаточном первой степени «синтаксического сигнала» [1], указывающего на необходимость построения данного предложения как конструкции с последовательным подчинением. Таковы конструкции, где в качестве придаточного второй степени выступают изъяснительные, местоименно-соотносительные, иногда — определительные придаточные: *Кроме обычной твердости, была тогда в этом голосе какая-то интонация, по которой Сабуров почувствовал, что сердце говорящего обливаётся кровью* (К. Симонов. Дни и ночи). *Давыдов великолепно знал, что не пристало мужчине быть вблизи от места, где рождает женщина, но он ходил возле низкого плетня...* (М. Шолохов. Поднятая целина).

При этом структурный и семантический состав придаточного первой степени определяет позиционную модель сложного предложения — не только обязательное построение его с последовательным подчинением, но и тип придаточного второй степени. Каждому придаточному первой степени в данном случае свойственна «регламентирующая» валентность, которая обуславливает выбор придаточного второй степени строго определенного типа (в первом случае — изъяснительного, во втором — определительного, в третьем — местоименно-соотносительного) и связана с наличием в придаточном первой степени определённого класса слов или определённых форм слов.

Описанной разновидности предложений с последовательным подчинением противопоставляются другие конструкции — конструкции, где придаточное первой степени характеризуется структурной и семантической завершенностью. Оно может иметь при себе придаточное второй степени, но будет ли возможность реализована и каким образом, не зависит от структуры предложения, а определяется содержательными и коммуникативными задачами высказывания: *Все спят, потому что ночью нужно спать, чтобы завтра идти работать или учиться, или просто так* (Н. Кукушкин. Всего хорошего).

Придаточное первой степени в данных конструкциях не требует подчинения себе придаточного строго определенного типа.

Так, во втором примере придаточное первой степени *Потому что ночью нужно спать* может иметь при себе на месте придаточного цели придаточное условия, уступки и т. д.: *Все*

спят, потому что ночью нужно спать; если хочешь завтра работать; ... потому что ночью нужно спать, хотя завтра и не надо идти на работу и т. д.

Однако ни одно из этих придаточных второй степени не является структурно обязательным; вполне возможно построение и с одним придаточным: *Все спят, потому что ночью нужно спать.*

Перед нами нерегулярная сочетаемость придаточных, при которой возможно, но не обязательно наличие придаточного второй степени, занимающего в структуре сложного предложения потенциальное место.

Таким образом, характер сочетаемости придаточного первой степени с придаточным второй степени (обязательная или факультативная) обуславливают структурно-семантический тип сложноподчиненного предложения с последовательным подчинением и позволяют выделить, с одной стороны, предложения, которые с неизбежностью характеризуются наличием последовательно подчиненных придаточных, входящих в структурный минимум данных конструкций, и с другой стороны — предложения, в которых придаточное второй степени является структурно факультативным.

Сочетаемость последовательно подчиненных компонентов сопровождается определенными ограничениями, которые накладываются на выбор типа придаточного второй степени. Синтаксические особенности, морфологический состав, семантика придаточного первой степени — все это условия, которые предполагают возможность определенного круга придаточных второй степени, т. е. всякое придаточное первой степени предопределяет возможное построение сложного предложения с позиции придаточного второй степени.

Для построения предложений, где придаточное второй степени является структурно обязательным, ограничения определяются тем же, что и в двучленных сложных структурах — отсутствием определенного класса слов, форм слов в подчиняющей предикативной единице. Придаточное определительное, например, не может сочетаться с придаточным первой степени, где нет имени существительного или субстантивированной части речи; местоименно-соотносительное — с придаточным, в котором нет указательного местоимения или наречия, и т. д.

Те же ограничения, что и в двучленных сложноподчиненных предложениях, свойственны здесь употреблению придаточных второй степени — цели. Как известно, придаточное це-

ли может подчиняться только предложениям со значением активной целенаправленности действия, что ограничивает возможное лексическое наполнение, а отчасти и строение подчиняющихся частей:

Ей казалось, что море специально разбушевало сегодня, чтобы успокоить ее и утешить (Н. По го д и н. Дубравка).

Поэтому придаточное цели не может сочетаться, например, с придаточным первой степени, построенным по формуле безличного предложения со значением «немотивированности, стихийного проявления, пассивности или активности признака» [2, стр. 48]. Ср.: *Ей казалось, что уже стемнело.* ;

Кроме ограничений, которые наблюдаются при сочетаемости компонентов и двучленной структуры, последовательному подчинению придаточных присущи еще и ограничения, обусловленные спецификой подчиняющегося компонентов, тем, что он сам является придаточным предложением определенного типа.

Так, каждый тип двучленного сложноподчиненного предложения характеризуется определенным соотношением форм глаголов-сказуемых, и в некоторых случаях те формы глаголов-сказуемых с определенным значением, которые свойственны придаточному одного типа, совершенно не могут употребляться в главной части сложноподчиненного предложения другого типа. Например, придаточное цели не может выступать в роли главной части по отношению к придаточным следствия, так как форма инфинитива или сослагательного наклонения в целевом придаточном выражает желаемое действие, что противоречит соотношению модальных планов частей в предложениях следствия: модальный план главной части здесь исключает значение желательности (нереальное, желаемое действие не может служить причиной другого явления).

Подобное наблюдается и при сочетаемости придаточного второй степени условного. Как известно, синтаксическая семантика условных предложений такова, что они обозначают возможное, а не реальное соотношение двух явлений. Модальное значение возможности неотделимо от условного союза, составляет основу его семантики, в связи с чем главная часть условного предложения характеризуется всегда либо ирреальной модальностью, либо передает реальное повторяющееся действие. Поэтому формам глаголов настоящего и прошедшего времени в главной части условных предложений также (если они передают неповторяющееся действие) всегда

свойственна субъективная модальность. В силу этого придаточное условное не может сочетаться с придаточными первой степени, если в них форма глагола настоящего или прошедшего времени выражает конкретное реальное действие, лишенное значения субъективной модальности, например: *Этo ничем не напоминало прежние немецкие аккуратные окопы, которые Савельев видел в первый день наступления* (К. Симонов. Пехотинцы).

Придаточное определительное в данном построении не может иметь подчиненного ему придаточного условного, так как глагол в форме прошедшего времени *видел* обозначает конкретное реальное действие, что противоречит модально-временному плану главной части условного предложения. Сравните это построение с таким предложением, где в придаточном определительном форма прошедшего времени со значением повторяющегося действия: *Шли поиски длинного ножа, которым обыкновенно отец резал, если что-нибудь нужно было зарезать, какую-нибудь домашнюю живность* (В. Соколов и н. Капля росы).

Придаточное определительное в этом случае свободно выступает как подчиняющее по отношению к придаточному условному.

Следовательно, и сочетания с придаточным условным второй степени невозможны в случаях несовместимости конфигурации парадигм в разных типах сложноподчиненного предложения хотя несовместимость эта связана не с особенностью употребления видо-временных форм, а с их модально-временным значением, которое они получают в результате взаимодействия разных факторов, ибо «синтаксическое время и модальность не совпадают с морфологической категорией времени и наклонения, хотя и соотносятся с ними...» [2, стр. 154].

Таким образом, ограничения сочетаемости последовательно подчиненных придаточных, идущие за счет моментов морфолого-синтаксического характера, возникают на основании того, что соединение двух компонентов многочленного сложного предложения, образующее сложноподчиненное предложение, не может сочетаться с некоторым третьим компонентом. Причем в тех случаях, когда о характере этого соединения можно судить по особенностям главной части, наблюдается своего рода дистантная дистрибуция, при которой уже состав главной части предопределяет ограничения в употреблении определенных структурно-семантических типов прила-

точных второй степени. Например, наличие в главной части соотносительных слов *для того, затем* свидетельствует о невозможности употребления в данном предложении придаточного следствия второй степени, ибо придаточное первой степени в этом случае неизбежно целевое.

Следует отметить также, что разные ограничения, связанные с модально-временным планом придаточных, как правило, не могут действовать одновременно. Так, отмеченные ограничения в употреблении придаточного условного второй степени не действуют в отношении придаточных следствия, и, наоборот, ограничения в употреблении придаточных следствия, исключающие модальность желательности в главной части, не действуют в отношении придаточных условия.

Как отмечает в своей кандидатской диссертации Г. Ф. Калашникова [3], ограничения могут носить и чисто логический характер, когда препятствием к сочетаемости последовательно подчиненных придаточных «может служить... логическая несочетаемость мыслей, выраженных этими типами придаточных».

Так, «попытка построить сложноподчиненное предложение с придаточным условным и в первой и во второй степенях приводит к тому, что основание суждения становится недостаточным, так как само оно существует только при определенном условии» [3].

Придаточное следствия первой степени не может сочетаться с придаточными причины второй степени, так как причина действия, о которой говорится в придаточной части первой степени, уже выражена главной частью. В первой и второй степени подчинения не могут сочетаться два придаточных следствия, и, таким образом, придаточное следствие второй степени не может сочетаться с придаточными цели и следствия первой степени подчинения.

Не могут сочетаться в двустепенном подчинении и одноименные придаточные времени, если они передают чисто временные отношения, не осложненные добавочными значениями. Возьмем такое построение: *Дети возвращались домой, когда солнце уже садилось.* Придаточного времени второй степени здесь не может быть, так как время действия придаточной части уже выражено путем соотношения с временем действия главной части.

Временное придаточное, как правило, сочетается с временным придаточным второй степени лишь тогда, когда имеет добавочное значение условия, причины, противопоставления.

Например, можно построить такое предложение: *Алексеев шел домой, как вдруг, когда он собирался повернуть за угол, кто-то окликнул его.*

Сочетание двух придаточных времени в данном случае возможно лишь в силу того, что придаточное первой степени передает не столько время, сколько добавочное значение действия, противопоставленного действию главным образом своей немотивированностью; придаточное же второй степени имеет чисто временное значение.

Итак, при сочетаемости придаточных в составе конструкций с последовательным подчинением может действовать одновременно целый ряд факторов как структурного, так и логико-семантического характера, на ограничения, связанные с подчинением компонентов сложного предложения, на первом высшем уровне могут накладываться ограничения, обусловленные зависимостью компонентов на втором, низшем уровне.

В результате обнаруживается, что сочетаемость придаточного первой степени различна в разных случаях, и возможность данного придаточного сочетаться только с придаточными определенных типов можно рассматривать как его вероятностный дифференциальный признак.

Так, построение с придаточным времени типа: *Мы тронулись в путь, когда рассвело* не может быть распространено за счет последовательно подчиненного придаточного цели, так как временная предикативная часть, аналогичная по форме безличному предложению, не содержит в себе значения целенаправленного действия; данное придаточное времени не может подчинять себе и придаточное условное, так как этому мешает модально-временной план придаточного времени — значение конкретного явления, реально осуществившегося в прошлом. При данном придаточном времени не может быть придаточных определительных, изъяснительных, местоименно-соотносительных, так как в нем отсутствуют соответствующие опорные слова, к которым могут относиться эти придаточные. На второй степени подчинения не может быть здесь и придаточного времени, так как придаточное первой степени имеет собственно-временное значение.

Таким образом, данное придаточное времени может сочетаться только с придаточными причины, следствия, уступительным, сравнения, присоединительным. В этом и проявляется его вероятностная валентность.

В построении *Я не присутствовал на конференции, так как*

был болен в соответствии с лексическими, морфологически, морфолого-синтаксическими и другими особенностями данного придаточного причины налицо следующие условия, ограничивающие возможность целого ряда придаточных на втором уровне подчинения: в подчиненной предикативной единице отсутствует существительное, нет слова, требующего изъяснения, отсутствует указательное местоимение, семантика этой предикативной части такова, что оно не передает целенаправленного действия; модально-временной план ее связан с передачей реального явления, происходящего в конкретный момент прошлого. Все эти условия соответственно запрещают наличие на втором уровне подчинения придаточных определительных, изъяснительных, местоименно-соотносительных, целевых, условных.

Если обозначить названные условия значками $\bar{a}_1 \bar{a}_2 \bar{a}_3 \bar{a}_4 \dots$, а невозможность наличия ряда придаточных соответствующего типа значками $\bar{b}_1 \bar{b}_2 \bar{b}_3 \bar{b}_4 \dots$, то такую зависимость схематически можно выразить следующим образом: $\bar{a}_1 \bar{a}_2 \bar{a}_3 \bar{a}_4 \dots$ неизбежно порождает $\bar{b}_1 \bar{b}_2 \bar{b}_3 \bar{b}_4 \dots$.

Отсюда, естественно, вытекает, что сочетаемость придаточного первой степени возможна только с теми придаточными, которые остаются за пределами ряда $b_1 b_2 b_3 b_4 \dots$ (в приведенном выше конкретном примере — только с придаточными уступки, сравнения, причины, времени, присоединительными). Ср.: *Я не присутствовал на конференции, так как был болен в то время, когда она проходила. Я не присутствовал на конференции, так как был болен, потому что простудился и т. д.*

Для каждого придаточного первой степени, таким образом, можно выделить его возможное ближайшее окружение как некоторое поле сочетания придаточных, где действуют соответствующие закономерности. А поскольку большинство ограничений сочетаемости придаточных может действовать одновременно, то объем поля сочетания придаточных обычно обратно пропорционален количеству ограничений.

Л и т е р а т у р а

1. Е. А. Иванчикова. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе «Вопросы языкознания», 1965, № 5.
2. В. А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке, М., «Наука», 1967.
3. Г. Ф. Калашникова. Сложное предложение с соподчинением и последовательным подчинением. Автореф. канд. дисс. М. 1963.

**О СОЧЕТАЕМОСТИ ЧАСТЕЙ В УСЛОЖНЕННЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С МНОГОСТУПЕНЧАТЫМ ПОДЧИНЕНИЕМ
(на материале «Донских дел»)**

Усложненные предложения были известны русскому языку с древнейших времен [1—5].

Изучение их на материале деловой письменности XVII в. представляет особенный интерес. XVII столетие занимает чрезвычайно важное место в истории русского народа и, в частности, в истории развития русского языка. Именно в этот период начинается формирование национального русского языка и становление его норм в процессе развития и укрепления национальных связей, образования нации и перехода от территориально-областного строя к созданию государства на основе связей буржуазных, чему более всего способствовало создание общего рынка и осуществление широкого товарного обмена.

Эта статья посвящена усложненным предложениям с многоступенчатым подчинением придаточных частей. Материал для наблюдений извлечен в основном из памятника деловой письменности XVII в. «Донские дела», состоящего из пяти томов, изданных Археографической комиссией в 1898—1917 гг.

«Донские дела» содержат в себе переписку Посольского приказа Москвы с поселениями донских казаков и жителями некоторых смежных с Доном областей. В них помещены царские грамоты Донскому войску, воеводам и жителям отдельных городов, царские проезжие грамоты, «войсковые отписки» царю о происходящих на Дону событиях, различные челобитные и «распросные речи».

Все документы, собранные в пяти томах этого памятника, можно разделить на две группы: 1) документы, направляемые с Дона и близлежащих территорий в Москву и 2) доку-

менты царской канцелярии, направляемые на Дон. Но говорить о различиях в языке этих групп не входит в задачи данной статьи.

Здесь поднимается один из вопросов структурно-смыслового плана — вопрос о характере сочетаемости частей в усложненных предложениях со ступенчатым подчинением и делается попытка показать связь конструктивно-синтаксического и конструктивно-смыслового аспектов изучаемых предложений.

Формой структурно-смысловой организации усложненных предложений с многоступенчатым подчинением является двухчастное звено, состоящее из подчиняющей и подчиненной части.

Объединяясь в звенья по способу подчинения, части усложненной конструкции проявляют свои валентные свойства сочетаемости, которая представляет собой «не механическое соположение, а свойство вступать в определенные отношения, обнаруживая при этом значение и сущность языковой единицы» [6].

Определить характер сочетаемости придаточных частей в усложненных предложениях со ступенчатым подчинением в языке XVII в. — значит прежде всего определить возможности их объединения с одноименными и другими по значению частями в *цепи* придаточных частей, занимающей ту или иную позицию по отношению к главной части всего предложения, так как, например, сочетание Усл.¹ ← Из.² в позиции к главной части (т. е. Усл.¹ ← Из.² — Гл.) — самое распространенное, а то же самое сочетание Усл.¹ ← Из.² в позиции к главной (т. е. Гл. ← Усл.¹ ← Из.²) в исследованном материале не зафиксировано и, очевидно, для XVII в. невозможно.

Придаточные части одного значения неодинаково продуктивно принимают участие в формировании структурных разновидностей и неодинаково продуктивно выступают в первой и второй степенях подчинения.

В языке «Донских дел», как и в языке других деловых памятников, выделены четыре основные структурные разновидности усложненного предложения со ступенчатым подчинением. Каждая из них имеет свои конструктивно-синтаксические особенности. С точки зрения конструктивно-смысловой каждая структурная разновидность данных предложений характеризуется специфическим набором разных по продуктивности сочетаний придаточных частей, и это дает дополнитель-

ное объяснение для некоторых структурных особенностей выделенных разновидностей.

Разновидность I составляют усложненные предложения с препозицией цепи ступенчато подчиненных придаточных частей. В качестве придаточной части первой степени, образующей 1-е звено в сочетании с главной, в предложениях этой разновидности продуктивны условные и временные части, затем по убывающей степени продуктивности — определительные, изъяснительные, причинные, целевые, уступительные.

В современном русском языке употребление определительной части в качестве придаточной первой степени в препозитивной цепи невозможно. С другой стороны, как в XVII в., так и в современном русском языке, совершенно исключено в позиции первой степени подчинения в препозитивной цепи употребление придаточной части со значением следствия, так как она может стоять только *после* своей подчиняющей части.

Значение 2-го звена в предложениях этой разновидности, как правило, изъяснительное и определительное. Придаточные части причины, цели, времени, образа действия в позиции второй степени подчинения возможны, но примеры звеньев такого значения единичны.

Учитывая отраженные в материале сочетательные возможности придаточной части, выступающей в позиции 1-й степени подчинения, все зафиксированные структурно-семантические варианты предложений I разновидности можно разделить на восемь групп. В *группе 1-й*, например, представлены структурно-семантические варианты, демонстрирующие сочетаемость условной придаточной части, когда она занимает позицию первой степени подчинения:

а) Усл.¹ ← Изъ.² — Гл. ¹ *А будетъ Петръ Красниковъ учнетъ бить челомъ, чтобъ ево з Дону отпустить, и вы-бъ Петру Красникову з Дону велъли ъхать к намъ, к Москвѣ съ собою вмѣстѣ на Царицынъ* (Царская грамота, кн. 3, 1546, стр. 106).

б) Усл.¹ ← Опр.² — Гл. ¹ *А будетъ атаманы и казаки тѣхъ отговорныхъ рѣчей говорити не учнутъ, что Азова не покинуть, и Михайлу самому тѣхъ рѣчей не говорить* (Наказъ, кн. 2, 1642, стр. 351).

в) Усл.¹ ← Вр.² — Гл. *А как онъ, Ивашко, въ Московскомъ государстве смуту учнетъ дѣлать до тѣмъ мѣствъ, по-
камѣста онъ* (польский король. — Л. Г.) *съ Турскимъ поми-
ритца, и он деи, помирясь съ Турскимъ, . . . пойдетъ государя
нашего Московского государства достигать* (1614, Соборная
грамота, кн. 1, стр. 136).

Примеры структурно-семантических вариантов, которые представлены незначительным количеством, не приводим.

В группе 2-й представлены структурно-семантические варианты, демонстрирующие сочетаемость временной придаточной части, когда она занимает позицию первой степени подчинения:

а) Вр. ← Из.² — Гл. . . . *и какъ слышали, что Озовъ,
укрѣпленъ, и они же подъ Озовъ не пошли* (1640, Распросные речн. кн. 2, стр. 55).

б) Вр.¹ ← Опр.² — Гл. . . . *а какъ з Дону приѣдутъ въ тот
городъ, гдѣ имъ лошади даны и у нихъ тѣ лошади иманы
назадъ* (1638, Докладъ, кн. 1, стр. 624).

в) Вр.¹ ← Ц.² — Гл. *И какъ она пошла была ис Чюдова
монастыря къ брату своему къ Розряду, чтобы съ нимъ вътой
повидатца, . . . и казѣки еѣ пограбили, с чѣпью и косы у ней
обрѣзали* (1622. Допросъ; Акты времени междуцарствия, стр. 90).

Усложненные предложения, в которых позицию первой степени подчинения занимает уступительная, причинная или целевая придаточная часть, образуют 3, 4 и 5-ю группу структурно-семантических вариантов. В количественном отношении эти группы чрезвычайно малочисленны, вместе они составляют лишь 3,6% от общего количества предложений I разновидности. Намного продуктивнее предложения, в которых придаточная часть первой степени имеет изъяснительное или определительное значение. Они представляют 17% от общего количества предложений I разновидности.

Например: Из.¹ ← Опр.² — Гл. *А сколько тѣхъ людей, у
которыхъ пищалей не будет..., И Ждану, и Михайлу... то на-
писати на роспись* (1645, Наказъ, кн. 2, стр. 751).

Опр.¹ ← Из.² — Гл. *А что еси писалъ, что не довезъ подъя-
чей Иванъ Сурминъ ста тритцати рублевъ, и тѣ деньги съ*

подъячим с Иваномъ Сурминымъ к тебѣ посланы (1646, Царская грамота, кн. 2, стр. 896).

Опр.¹ ← Опр.² — Гл. А ¹ *которые солдаты пришли вновь, тѣхъ солдатъ, которые у тебя на Москвѣ прибраны..., и нѣт-ли у тѣхъ солдат воровские грабленные рухледи* (1648, Память, кн. 3, стр. 954).

Итак, наблюдения над сочетаемостью придаточных частей, принимающих участие в формировании I — структурной разновидности усложненных предложений с многоступенчатым подчинением, показывают, что наибольшей свободой и продуктивностью сочетаемости обладают изъяснительные и определительные придаточные части. В препозитивной цепи они выступают и в первой, и во второй степени подчинения, сочетаются с однозначными и другими по значению придаточными частями.

Сочетаемость придаточных частей функционального типа менее свободна. Если придаточные причины и цели возможны в этой разновидности и в первой, и во второй степени подчинения, то условные и уступительные — только в первой степени, т. е. только в препозиции.

Более подвижна в конструктивном отношении и в смысле сочетаемости временная придаточная часть. Она может занимать место и перед подчиняющей частью, и после нее. Зафиксирована в сочетаниях с уступительной, целевой, изъяснительной и определительной частями в позиции и первой, и второй степени подчинения; в сочетании с условной частью — в позиции второй степени подчинения. И все-таки употребление ее в функции придаточной части второй степени в конструкции I разновидности ограничено. Примеры, в которых позицию второй степени подчинения занимает временная придаточная часть, составляют примерно 2,4% от общего количества предложений этой разновидности.

Разновидность II составляют усложненные предложения, в которых цель ступенчато подчиненных придаточных частей следует за главной частью и расположение предикативных частей в цепи соответствует семантико-синтаксической проекции.

Предложения этой разновидности имеют самую высокую продуктивность в деловой письменности XVIII в., и сочетания придаточных частей, представленные в них, более разнообразны, чем в предложениях I разновидности. По значению

придаточной части первой степени предложения II разновидности тоже можно сгруппировать, фиксируя при этом и сочетаемость частей, и возможности предложений с постпозитивной цепью придаточных в плане выражения обобщенного синтаксического содержания.

Наблюдения показывают, что функцию придаточной части первой степени и в постпозитивной цепи могут выполнять не все придаточные части. Не зафиксированы в этой позиции придаточные части условия, следствия, места. Только в двух предложениях II разновидности в функции придаточной первой степени выступает уступительная придаточная часть и только в семи — временная, в то время как около 64% предложений I разновидности (с препозицией зависимой цепи) имеют в этой позиции именно придаточные части времени, условия, уступительности.

Наиболее продуктивно в позиции первой степени подчинения в предложениях II разновидности выступают изъяснительные придаточные части; одинаковую продуктивность имеют в этой позиции придаточные части с определительным и целевым значением.

В позиции второй степени подчинения в постпозитивной цепи предложений II разновидности используются все придаточные части, хотя продуктивность их неодинакова. Изъяснительные, определительные, причинные и целевые придаточные части имеют широкую употребительность; условные и уступительные встречаются исключительно редко (предложения, в которых они использованы в этой позиции составляют примерно 1,5% от общего количества предложений II разновидности). Видимо, развитие и совершенствование конструктивной подвижности этих придаточных частей происходило очень медленно и начиналось в конструкциях со ступенчатым подчинением со второй степени подчинения.

Если объединить все предложения II разновидности в группы с общим первым звеном (по значению придаточной части первой степени), то можно выделить четыре продуктивные группы структурно-семантических вариантов.

Группа I-я объединяет предложения, в которых позицию первой степени занимает изъяснительная придаточная часть:

а) Гл. ← Из.¹ ← Из.² А в¹ разговоре казаки говорят², что т¹ языки... сказывали, что Турские и Крымские люди сего л²та под¹ Озовъ однолично будутъ (1641. Распросные речи, кн. 2, стр. 162—163).

б) Гл.←Из.¹←Опр.². Да они-жъ сказывали воеводѣ, что зимою пришесть на Донъ съ Вами атаманъ Париска съ товарищи, которой воровал на Хвалынском морѣ... (1646. Выписка, кн. 3, стр. 424).

в) Гл.←Из.¹←Прич.² Да казаки же де на Дону про Турскихъ пословъ говорили, что вперед де имъ Дономъ вверхъ турскихъ пословъ къ тебѣ къ Москвѣ не пропускать, потому Турские де послы Дономъ ходятъ и ихъ казачьихъ городковъ крепей высматриваютъ (1632. Отписка, кн. 1, стр. 342).

г) Гл.←Из.¹←Ц.² И тѣ языки въ распросъ и съ пытки сказали, что приходили де съ Азовскими и съ Мустафою бемѣ... многие Крымские и Ногайские, и Азовские воинские люди, и Черкесы для того, чтобы де было имъ насъ разорить (1647, Войсковая отписка, кн. 3, стр. 770).

Усложненные предложения II разновидности с изъяснительной придаточной частью в позиции первой степени подчинения составляют приблизительно 74,2% от общего количества конструкций этой разновидности. Однако структурно-семантические варианты этой группы, различающиеся значением придаточной части второй степени, представлены отнюдь не равным количеством. Наиболее продуктивны предложения с изъяснительной придаточной частью в первой и во второй степени подчинения. Они составляют примерно 25% от общего количества конструкций II разновидности. Широко употребительны предложения с придаточными определительными — около 21%, целевыми — 12,8% и причинными — 10% в позиции второй степени подчинения. Очень малочисленны варианты, в которых позицию второй степени подчинения занимают придаточные части времени — 3,4%, условия — 1%, уступительности — 0,2%), следствия и места — около 0,8%.

Группа 2-я состоит из предложений, в которых позицию первой степени подчинения занимает определительная придаточная часть. Например:

а) Гл.←Опр.¹←Опр.². Да на Воронеже-жъ, и на Ельцѣ указалъ государь изготовити суды подъ ратныхъ людей, которымъ встречать от Азова государевыхъ посланниковъ и Турского царя посланниковъ, которые съ ними къ государю изъ Царя Града пойдутъ (1614, Память, кн. 1, стр. 35).

б) Гл. ← Опр.¹ ← Ц.² *Да и тотъ де у насъ, у казаковъ, на Дону слухъ есть-же, что де государь на насъ нынече по веснъ указалъ послать на Донъ посылку, чтобъ насъ всѣхъ з Дону збити...* (1632, Отписка, кн. 1, стр. 340).

Предложения этой группы составляют 5% от общего количества конструкций II разновидности

Группа 3-я объединяет предложения, у которых придаточная часть первой степени имеет причинное значение. Например:

а) Гл. ← Прич.¹ ← Из.² *А над ним, Родионом, всякое поругательство чинил и хотел его убить за то, что он, Родион, говорил ему, чтоб он служил великому государю, а воровства никакого не заводил* (1670. Распросные речи. Кр. война Разина, т. 2, ч. 2, стр. 98).

б) Гл. ← Прич.¹ ← Опр.² *А на Дону въ Черкасскомъ городкѣ Донские казаки держали ихъ, Севостьяна да Сеньку, у себя десять день для того дожидались изъ Озова вестей, что ныне въ Озове въ осаде у Донскихъ атамановъ и казаковъ дѣлоетца...* (1641, Отписка, кн. 2, стр. 228).

в) Гл. ← Прич.¹ ← Прич.² *А учинилася хлѣбная скудость отъ того, что нынешние зимы рыбе лову не было, для того что зима была добръ студена...* (1646, Распросные речи, кн. 2, стр. 125).

г) Гл. ← Прич.¹ ← Уст.² *...а нынѣ намъ, холопамъ твоимъ ничего не дали, потому что имъ то (перемирие. — Л. Г.) не нужно, хотя бы послы у нихъ въ Азовѣ и зазимовали* (1650. Войсковая челобитная, кн. 4, стр. 348).

Предложения 3-й группы составляют 6,2% от общего количества конструкций II разновидности. В составе самой группы наименьшим количеством представлены структурно-семантические варианты с временной придаточной частью в позиции второй степени подчинения (3,5%) и уступительной придаточной (0,9%).

Группа 4-я объединяет в своем составе предложения, в которых 1-е звено имеет целевое значение. Например:

а) Гл. ← Ц.¹ ← Из.² *И къ Турскому де царю гонца послали, чтоб ему было въдомо, что на Донъ прибыли многие люди* (1646, Распросные речи, кн. 2, стр. 126).

б) Гл. ← Ц.¹ ← Ц.² ... а сойтитца-бъ вамъ с воеводами нашими въ тѣхъ мѣстех, чтобъ однолично Казыевъ улусть повоевать и разорить, чтобъ от нихъ впередъ государству нашему убытковъ не было (1633, Царская грамота, кн. 1, стр. 364).

в) Гл. ← Ц.¹ ← Вр.² И вшедъ они въ Днепръ, тому полковнику учали давать-подарки, чтобъ он имъ въ томъ мѣстѣ велѣлъ побыть до тѣхъ мѣстъ, какъ Турские люди от Азова отойдутъ (1614, Выписка, кн. 2, стр. 252).

Предложения этой группы составляют 5% от общего количества конструкций II разновидности. В составе самой группы наименьшей продуктивностью характеризуются предложения, в которых позицию второй степени подчинения занимают придаточные времени (8%) и условия (3%).

Усложненные предложения II разновидности, в которых придаточная часть первой степени имеет уступительное и временное значение, а также значение образа действия, составляют все вместе около 0,8%, т. е., по существу, эти предложения нельзя считать представленными в языке исследуемого памятника.

Сопоставление предложений I и II структурной разновидности с точки зрения выражаемого обобщенного синтаксического содержания показывает, что если даже учесть потенциальную сочетаемость отдельных придаточных частей, то и тогда возможности этих разновидностей в плане содержания не совпадают. С одной стороны, одни и те же синтаксические отношения (например, Из.¹ ← Из.², Опр.¹ ← Опр.², Опр.¹ ← Из.² и др.) могут быть переданы конструкциями обеих разновидностей, только способы их синтаксической организации, грамматического выражения будут разными. С другой стороны, есть синтаксические отношения, которые в языке деловой письменности XVII в. не могли быть выражены конструкциями обеих разновидностей.

Если в цепи придаточных частей позицию первой степени подчинения занимает условная придаточная часть, то такое предложение может быть построено только по схеме I структурной разновидности. Практически только по схеме I разновидности могут строиться и предложения с придаточными уступительными и временными в позиции первой степени подчинения. Иными словами, цепь придаточных частей, имею-

щая в позиции первой степени условную, уступительную или временную часть, может располагаться только в препозиции к главной части.

Наблюдения показывают, что в конструкциях I и II разновидностей эти придаточные части очень ограниченно выступают в позиции второй степени подчинения. Их положение в постпозиции по отношению к подчиняющей части для деловой письменности XVII в. не типично. Именно этим объясняется характер расположения предикативных частей в усложненных предложениях с многоступенчатым подчинением III структурной разновидности.

Разновидность III состоит из усложненных предложений, в которых цепь ступенчато подчиненных придаточных частей следует за главной; линейное расположение предикативных частей в цепи иррегулярно, не соответствует семантико-синтаксической проекции.

Предложения этой разновидности дополняют картину возможной сочетаемости разных придаточных частей и служат свидетельством того, что система синтаксических отношений, выражаемых усложненным предложением со ступенчатым подчинением, в языке деловой письменности XVII в. была не беднее современной, но имела специфическое, соответствующее времени (уровню развития системы грамматического подчинения) выражение.

Наблюдения над сочетаемостью придаточных частей в конструкциях I и II структурных разновидностей показали, что та цепь придаточных, в которой позицию первой степени подчинения занимает условная, уступительная или временная часть, может стоять только перед главной частью. Конструкциями II структурной разновидности отношения этого рода практически не выражались. Те единичные примеры II разновидности, в которых уступительные и временные придаточные части зафиксированы в позиции первой степени подчинения, свидетельствуют лишь о том, что изучаемые усложненные предложения отражают общий процесс развития сложноподчиненного предложения и тенденцию к более свободному расположению подчиненной предикативной части по отношению к подчиняющей. Об этом же свидетельствует и небольшое количество примеров I и II разновидностей, в которых (примерах) названные выше придаточные части занимают позицию второй степени подчинения и стоят после подчиняющей части (эти предложения составляют примерно

3,9% от общего количества предложений I и II разновидности).

Но это отнюдь не означает, что в языке деловых памятников XVII в. вообще было ограниченным выражение синтаксических отношений, где позицию второй степени подчинения должны бы занять придаточные части со значением времени, условия, уступительности. Отношения этого рода нашли свое выражение в конструкциях III структурной разновидности.

Подавляющее большинство предложений III разновидности имеет в позиции второй степени подчинения именно условные, уступительные и временные придаточные части, которые, несмотря на препозицию главной части, занимают в линейном расположении место перед поясняемой предикативной частью. Такое положение (перед поясняемой частью) для придаточных частей этого значения в языке деловой письменности было более устойчивым и типичным.

Выступают в качестве придаточных частей второй степени в конструкциях III разновидности также предикативные части с изъяяснительным, определительным, причинным значением. Позиция второй степени подчинения для этих придаточных является типичной, они занимали ее в предложениях и I, и II разновидности. Особенностью функционирования их в этой позиции в предложениях III разновидности является то, что они, как и условные, уступительные, временные, занимают в линейном расположении место перед подчиняющей частью.

Позицию первой степени подчинения в предложениях рассматриваемой разновидности занимает в основном изъяяснительная придаточная часть, реже — причинная. Примеры с другими значениями придаточной части первой степени единичны.

Таким образом, в составе предложений III структурной разновидности представлены следующие продуктивные структурно-семантические варианты (в схеме отражено линейное расположение).

Группа 1-я:

а) Гл. — Усл.² → Из.¹ *Да и в Воронежском уезде в наших дворцовых волостях и в селех и в деревнях велел заказ учинить крепкой: ²буде где какие люди ¹объявятся бес проезжих, конные и пешие, и тех бы людей отнюдь нигде не пропустили,*

а приводили б их к тебе в съезжую избу (1640. Грамота; Кр. война Степ. Разина, т. 1, стр. 160).

б) Гл. — Уст.² → Из.¹ И Крымские де люди говорятъ, хотя де их царь всѣх перевѣшать велитъ, а подъ Мальтъ имъ не хаживать (1648, Распросные речи; кн. 3, стр. 832).

в) Гл. — Вр.² → Из.¹ ... а Келмаметъ де мурза говорилъ: койде часть онъ, Интерекъ князь, поѣдетъ въ городъ, и онъ де тотчасъ, взявъ всѣ улусы пойдетъ отъ Волги къ Яику (1604. Отправление. Смутное время, вып. 1, стр. 85).

г) Гл. — Прич.² → Из.¹ ... а святѣйший патриархъ Иевъ Московский и всеа Руси, и митрополиты, и архиепископы, и весь освященный Соборъ к арцыбискупомъ и бискупомъ и ко всему духовному чину также о томъ подлинно писали, какъ тотъ воръ, чернецъ Гришка Отрепьевъ былъ въ еретичестве и осужденъ былъ на смерть, да сбѣжавъ отъ пристава назвался Государскимъ сыномъ, и ему бѣ не вѣрили, и крово-разлитья во Християнствѣ не всчинали... (1612. Письмо. Нижегород. губ. комиссия, т. 11, стр. 192—193).

д) Гл. — Опр.² → Из.¹ Да и то им, черемисе, говорить — которые из городов для уговору к ним посылаютца каких-нибудь чинов люди, и они-бѣ тех посылаемых людей не задерживали и к вором не отсылали, а отпускали б их назад от себя с ведомостью (1671. Наказная память; Кр. война Степ. Разина, т. 2, ч. 1, стр. 494).

е) Гл. — Из.² → Из.¹ А крестьянинъ Степашко Патрекъ-евъ сказалъ: какъ де тотъ малой къ той дворнице рухледь принесъ, и онъ де не видалъ... (1642, Допрос; кн. 2, стр. 411).

... и с пытки он, Карпушка, сказал. — Сколько де в Темникове воровских людей стоят, и он таго, Карпушка, не ведает (1670, Распросные речи; Кр. война Степ. Разина, т. 2, ч. 1, стр. 307).

Предложения этой группы составляют 96,3% от общего количества единиц III структурной разновидности.

В составе самой группы наиболее продуктивны предложения с временной (39,5%), условной (28%) и определительной (22%) придаточной частью в позиции второй степени подчинения.

Группа 2-я объединяет предложения, в которых позицию первой степени подчинения занимает придаточная часть со значением причины. В количественном отношении она очень незначительна. Представлена тремя структурно-семантическими вариантами, отражающими сочетаемость условной, временной и определительной придаточной части (позиция второй степени подчинения) с причиною (1-я степень).

а) Гл. — Усл.² — Прич.¹ *а ѳздить Интереку князю в городъ улусные люди не велѣли потому: только онъ въ городъ поѳдетъ, и его в городе задержатъ, — и безъ него дератные люди станутъ збиратца оплошно* (1604. Приѳезд, Смутное время, вып. 1, стр. 90).

б) Гл. — Вр.² → Прич.¹ *А была де мнѣ, Мишкѣ, съ тѣми татары дружба и знать потому, какъ де я, Мишка, сидѣлъ напередъ тово во Твери ж въ тюрьмѣ въ долгу, а тѣ де татарове сидѣли въ тѣ поры тутъ же въ тюрьмѣ* (1604. Отрывок допроса; Смутное время, вып. 1, стр. 149).

в) Гл. — Опр.² → Прич.¹ *... а пошли де они изъ Выбора на твое государево имя для того, которыхъ де нѣмецкихъ людей побили въ литовской землѣ, и въ тѣхъ де людей мѣсто ставятъ вольныхъ и невольныхъ людей и посылаютъ де въ нѣмецкие полки противъ литовскихъ людей* (1628. Отписка; Акты Моск. государства, т. 1, стр. 233).

Потенциально в позиции первой степени подчинения в предложениях III разновидности возможны придаточные части со значением цели. Но в нашем материале такие примеры единичны. Например: *... нынѣ де они на семъ лѣте межъ собою здѣлаютца, а съ нимъ де, съ Прокофьемъ, къ великому государю отпускаютъ большихъ пословъ своихъ и гонцовъ для того, будетъ деи не произволитъ государь на осень отпустить пословъ нашихъ, и государь бы деи смиловался, велѣлъ отпустить къ нимъ гонцовъ...* (1611. Черн. стат. список. Акты времен междуцарствия, стр. 36).

Усложненные предложения IV структурной разновидности представляют собою конструкции с двумя рядами ступенчато подчиненных придаточных частей, обрамляющими общую для них главную часть. По структуре они представляют собою как бы контаминацию конструкций I и

II разновидностей. Например: А ¹будетъ тѣ Черкасы учнутъ присылать, что тѣ ²Черкасы, семьдесятъ человекъ, ихъ же братья, ... и ты-бѣ имъ велѣлъ сказать, что тѣ Черкасы приняты потому, что тѣ Черкасы пришли немногие люди (1646, Царская грамота, кн. 2, стр. 814).

В плане конструктивно-смысловом эти предложения тоже соединяют особенности двух разновидностей. В их препозитивной цепи функцию первой степени подчинения, как правило, выполняют придаточные части со значением времени, условия, уступительности. Цепь придаточных частей, следующая за главной частью, характеризуется, наоборот, отсутствием в этой позиции условных, уступительных, временных частей.

Препозитивная и постпозитивная цепи зависимых частей соединяются в смысловом и структурном отношении через посредство главной части, которая является для них общей.

Итак, анализ сочетаемости придаточных частей в составе усложненного предложения со ступенчатым подчинением показывает, что характер сочетаемости в деловой письменности XVII в. тесно связан с тем, насколько свободно может перемещаться та или иная придаточная часть по отношению к подчиняющей ее части. Этим в значительной степени определяется продуктивность вступления в сочетаемость разных придаточных частей. При этом данные материала, извлеченного из «Донских дел», не позволяют установить прямое соответствие между структурно-семантической характеристикой придаточной части и ее валентностью в области сочетаемости. Так, различающиеся по структурно-семантической характеристике придаточные части изъяснительные, определительные и причинные, целевые обладают способностью выступать в функции и первой, и второй степени подчинения, независимо от местоположения цепи придаточных частей по отношению к главной части. Поэтому они принимают активное участие в формировании усложненных предложений всех четырех структурных разновидностей. Правда, придаточные изъяснительные и определительные имеют ¹большую продуктивность, чем придаточные причины и цели, т. е. последние имеют ограничения количественного характера.

Значительно меньшей конструктивной подвижностью ха-

рактизируются придаточные части уступительного, условного и временного значения. Так что, выполняя функцию первой степени подчинения, они, как правило, формируют предложения I структурной разновидности; выполняя функцию второй степени подчинения — предложения III структурной разновидности. Для предложений II структурной разновидности их участие не типично. Наиболее подвижной среди этих придаточных частей является временная. Она, хотя и ограничена, все же может, занимая позицию второй степени подчинения, следовать за поясняемой частью.

Некоторые придаточные части (например, следствия, места) очень редко встречаются в изучаемых предложениях. По-видимому, это связано с особенностями делового стиля.

Изучение одного из вопросов конструктивно-смыслового плана — сочетаемости придаточных частей — показало, что синтаксическая организация исследуемых предложений связана с характером выражаемого обобщенного синтаксического содержания. Элементы паратактической расчлененности отмечаются именно в предложениях I и III разновидности, где свобода смысловой сочетаемости ограничена конструктивными возможностями. С другой стороны, избирательность отдельных придаточных частей в отношении выполняемой функции и местоположения определяет неравные возможности выделенных структурных разновидностей в плане содержания.

Л и т е р а т у р а

1. А. Н. Стеценко. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв. Изд-во Томского ун-та, 1960.
  2. А. Н. Стеценко. Сложноподчиненное предложение в древнерусском языке. Уч. зап. Томского педагогического ин-та, т. 16, 1957.
  3. А. Н. Стеценко. Сложноподчиненное предложение усложненного типа в древнерусском языке. Труды университета дружбы народов им. П. Лумумбы, т. 8, вып. 2, М., 1965.
  4. А. Н. Стеценко. Сложные предложения усложненного типа в древнерусском языке. В кн.: «Вопросы синтаксиса сложного предложения...» Тезисы конференции. Краснодар, 1966 (Краснодарский педагогический ин-т).
  5. З. Н. Литвина. Конструкции с соподчинением в древнерусском языке. Канд. дисс. М., 1961.
  6. Г. В. Валимова. О сочетаемости как свойстве языковых единиц. В сб.: «Вопросы изучения русского языка». Тезисы VI научно-методической конференции Северо-Кавказского зонального объединения кафедр русского языка. Ростов-на-Дону, 1963, стр. 3 (Ростовский педагогический ин-т).
-
-

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ СОЧЕТАЕМОСТИ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В работах по языкознанию последних лет прочно утвердилось в качестве очевидной теоретической истины мнение, что сочетаемость есть основное свойство языковых единиц, обеспечивающее их функционирование в речи. При этом постоянно подчеркивается зависимость сочетаемости (иногда называемой валентностью) от характера языковых уровней.

Однако общеизвестная антиномия языка и речи до сих пор остается нерешенной, что неизбежно заставляет определять в каждом конкретном случае исходные теоретические позиции исследования и прибегать к некоторым рабочим дефинициям.

В виде основной посылки следует принять четкое разделение языковых единиц на две группы: единицы системы языка и единицы речи. По своей природе единицы системы языка являются конструктивными элементами, единицы речи — элементами функциональными. Не претендуя на абсолютную точность и бесспорность (ибо существуют и другие точки зрения), к единицам системы языка следует отнести меризмы (термин Э. Бенвениста), фонемы, морфемы, граммемы, лексемы, семемы, языковые модели (соответственно: «модели фонем», «модели морфем», «модели лексем», «модели словоформ», «модели словосочетаний», «модели фразеологических единиц», «модели предложений», «модели комплексных синтаксических структур»); к единицам речи — слова (словоформы), словосочетания, предложения, комплексные синтаксические структуры.

Любой конструктивный элемент системы языка существует в виде элемента функционального — в речи: определенная

абстрактная единица системы языка обнаруживается в процессе ее функционирования, «проявления», в виде конкретной единицы речи (например, морфема системы языка существует только как конкретная часть конкретного слова в речи — в виде префикса, корня, суффикса; лексема системы языка экспонируется в речи как конкретное слово, обладающее определенным значением и грамматической формой; модель предложения — единица конструктивная — в речи превращается в предложение — единицу функциональную, — несущую определенную логико-смысловую информацию и т. д.).

Очевидно, что превращение конструктивных элементов языка (единиц системы языка) в элементы функциональные (единицы речи) зиждется на основополагающем свойстве языковых единиц — сочетаемости, т. е. их способности объединяться в процессе употребления в единства высшего порядка и нового качества. Сочетаемость можно назвать органическим, релевантным и постоянным свойством языковых единиц. Без этого свойства любой элемент системы языка представлял бы собою мельчайший мертвый сгусток логико-смысловой абстракции, изолированный и оторванный от основной функции языка — служить средством общения. Стержнем общения является постоянный и неистребимый процесс перевода единиц системы языка в ранг единиц речи и функционирование этих единиц в соответствии с конкретными задачами общения, которые возникают перед носителем данного национального языка.

Однако единицы системы языка выбираются носителем данного национального языка не последовательно, одна за другой, а одновременно, в определенной совокупности, в виде строго сформированного конкретного комплекса единиц.

Формирование этого комплекса — результат длительного процесса развития системы данного языка. Если верно, что любая единица этой системы есть минимальная логико-грамматическая или (в ряде случаев, например, для семемы) смысловая абстракция («концепт», по терминологии Л. В. Щербы), то прежде чем эта абстракция стала функционировать в виде конкретной единицы, выработался сложный и тонкий механизм первичного, «внутрисистемного» объединения таких единиц в соответствующие минимальные комплексы. Создание подобного механизма потребовало немало времени, так как в ходе развития языка как общественного явления и определенной системы его единицы возникали постепенно, в связи с развитием и совершенствованием че-

ловеческого мышления, которое стало абстрагирующим далеко, не сразу.

Видимо, едва ли вызовет сомнение утверждение, что отбор единиц системы языка и превращение их в единицы речи происходит не только в процессе их сочетаемости, но и определенными группами, «колониями» одноименных элементов. Например, фонемы [д], [о], [м] (единицы системы языка) для использования их в качестве единиц речи в целях общения избираются носителем языка из числа остальных фонем в «готовом виде», т. е. набираются не последовательно по отдельным меризмам, а используются в совокупности меризмов для каждой фонемы.

Иными словами, носитель языка подсознательно воспринимает сочетаемость как релевантное свойство меризмов, автоматически в силу многовековой традиции соединенных определенным образом в виде фонем [д], [о], [м] и конструирует из этих фонем необходимое слово только в речи, ибо «вообще все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента» [1].

Лексему *дом* носитель языка употребляет в речи в виде слова *дом*, отбирая из единиц системы языка не отдельные фонемы [д], [о], [м], а, бессознательно используя сочетаемость, морфему *-дом-*, которая в речи функционирует как слово и в системе языка по многовековой традиции «хранится» в виде низшего комплекса из соответствующих единиц — фонем, графем и семем.

Точно так же предложение *дом высок* строится в речи говорящим не по схеме последовательного набора единиц системы языка и их употребления, а по правилу комплексной избирательности: из системы языка выбираются низшие комплексы единиц, которые были сформированы путем автоматического использования сочетаемости и которые как минимальные абстракции были закреплены в системе еще до их конкретного функционирования в речи. Действительно, названное предложение в речи строится по модели языка: «подлежащее + сказуемое, выраженное краткой формой прилагательного». В речи эта модель в виде уже существовавшего в системе языка комплекса единиц «подлежащее-существительное + сказуемое — краткая форма прилагательного» наполняется конкретным словарным содержанием (при изменении целей общения данное предложение могло звучать как

дерево огромно, дуб высок, юноша умен, двор грязен и т. д.).

Аналогичных речевых иллюстраций, подтверждающих положение об избирательности первичных комплексных единиц системы языка в процессе их превращения в единицы речи, можно подобрать не мало. Однако доказательность любых фактов не всегда находится в зависимости от их количества. Важно выявить тенденцию в описательном материале, определить некоторые общие направления в его оценке. С этой точки зрения представляется возможным отметить, что основной, исходной следует признать первичную сочетаемость — **валентность** — единиц системы языка, которая определяет их избирательность говорящим для использования в качестве функциональных единиц речи в соответствии с конкретными задачами общения.

Объединенные в низшем комплексе, единицы системы языка (фонемы, морфемы, лексемы и их соответствующие модели) до использования их говорящим остаются конструктивными элементами, своеобразным строительным материалом единиц речи. Трансформация таких единиц в единицы речи может произойти лишь в результате реализации сочетаемости, которую говорящий использует в процессе общения хотя и автоматически, но избирательно.

В зависимости от природы единиц системы языка и характера языкового уровня, к которому принадлежат эти единицы, находится тип сочетаемости речевых единиц.

Другим типом сочетаемости является **компоновка** в процессе речи низших комплексных единиц системы языка (фонем, морфем, лексем). Разнообразные комбинации и объединения этих единиц порождают одно согласованное целое — слово, словосочетание или простое предложение.

Характерным признаком компоновки оказывается изоморфность образующихся единиц речи. (Под изоморфностью понимается свойство одинаковости строения каких-либо совокупностей (собраний) элементов; безразличное к природе этих элементов). Каждая из них, несмотря на различную природу своих компонентов, имеет одинаковое строение: морфемы, сочетаясь, всегда образуют слово; слова, объединяясь, создают словосочетания; из словосочетаний составляется по определенной модели предложение, но и слово, и словосочетание, и предложение в конечном счете состоят из одинаковых элементов — единиц системы языка — фонем и морфем.

Образованные в результате компоновки единицы речи являются исходными функциональными элементами для более

сложных речевых построений. Это — своеобразные заготовки, которые при формировании разветвленных речевых структур неизбежно подвергаются функциональным изменениям.

Процесс объединения и превращения простых предложений в простейшую комплексную единицу речи связан с **компликацией** — третьим типом сочетаемости единиц речи. При компликации исходные единицы утрачивают ряд своих конститутивных черт и, видоизменяясь, приобретают свойства составляющей или компонента единого целого, каким являются сложные синтаксические структуры: исчезает интонационная завершенность исходной единицы — простого предложения, возникает регламентация в местоположении составляющей; предикативность исходной единицы — простого предложения подвергается синтаксической компрессии, в результате которой в сложной синтаксической структуре возникают предикативные центры; в ряде случаев при объединении исходных единиц в процессе компликации опускаются отдельные слова компонентов — бывших простых предложений.

Существует немало иных точек зрения (и достаточно аргументированных, и декларативных) на природу компонентов в сложных синтаксических структурах: одни авторы считают эти компоненты простыми предложениями, другие — предикативными или полупредикативными частями, третьи — в ряде случаев предложениями, а иногда предикативными частями.

Но как бы ни были различны взгляды, несомненным остается очевидное явление: компликация как вид сочетаемости изменяет функциональное назначение объединяющихся исходных речевых единиц — простых предложений.

Достаточно внимательно изучить структуру любого сложноподчиненного (из двух частей), сложносочиненного или бессоюзного сложного предложения, чтобы убедиться в активном воздействии компликации на строение и функцию компонентов (бывших простых предложений) этих синтаксических конструкций. Даже только появление в структуре сложного предложения любого из названных типов специфических средств связи компонентов (будь это подчинительный или сочинительный союз или особая соединительная интонация) не только смещает синтаксическую роль, но и изменяет строение бывших простых предложений.

Обширный описательный и фактический материал дискуссии о составе, структуре и наименовании частей сложного предложения, проведенной в свое время на страницах жур-

налов «Русский язык в школе» и «Филологические науки», освобождает от обязанности вновь подтверждать приведенную точку зрения многочисленными языковыми фактами с их подробным анализом.

При осложнениях изоморфность непосредственно объединяемых речевых единиц нарушается: строение их не может быть одинаковым, так как возникающая качественно новая интонация, а также изменяющийся характер предикативности исходных единиц составляют важнейшие структурные признаки компонентов сложного предложения.

По существу, такие компоненты представляют собой сочетание первичных комплексных единиц речи, и, следовательно, осложнение таких единиц: ведь комплексное объединение фонем, морфем, граммем, семем, слов и словосочетаний создает речевую единицу — простое предложение, которая в сочетании различными способами с другими простыми предложениями образует новую речевую единицу — сложное предложение.

Существует укоренившееся мнение, что в современном русском языке различаются три основных вида сложного предложения: сложноподчиненное, сложносочиненное и бессоюзное сложное; в качестве особой разновидности выделяется усложненное сложное предложение с его различными вариантами.

Однако при внимательном рассмотрении такой классификации обнаруживается, что ее критерии не учитывают различия в характере сочетаемости разных единиц речи. Между тем такие различия настолько ощутимы, что позволяют уточнить и основные признаки, и градацию сложных синтаксических структур.

Сочетание двух речевых единиц — простых предложений приводит не только к их структурной и функциональной трансформации и не только образует новую речевую единицу — сложное предложение, но и формирует в зависимости от способа и средств объединения исходных речевых единиц качественно новые внутрискруктурные отношения в сложном предложении: известно, что эти отношения могут быть отношениями грамматического подчинения одного компонента другому (сложноподчиненное предложение) или отношениями относительного грамматического «равноправия», сочинения компонентов (сложносочиненное предложение). Формирование тех или иных внутрискруктурных отношений и возникновение определенных грамматических связей между компо-

нентами сложного предложения зависит исключительно от тех свойств и качеств, которые возникают в процессе сочетания двух исходных речевых единиц; едва ли будет неправомерным утверждать, что в этом процессе появляются заметные признаки синтаксической диффузии простых предложений, вследствие которой возникает новое сложное предложение, например: I. *Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли* (К. Паустовский).

II. *Мне немножко жаль ловить пичужек, совестно сажать их в клетки, но охотничья страсть и желание заработать деньги побеждают сожаление* (М. Горький).

Четко выраженная взаимозависимость компонентов в первом (сложноподчиненном) предложении и относительная смысловая самостоятельность второго компонента во втором (сложносочиненном) предложении в значительной мере подавляемая интонацией первого компонента и наличием противительного союза *но*, возникли как результат слияния, «сплавления» структурных признаков каждого из объединенных компонентов (незавершенность интонации первого компонента и особое средство связи *тому — кому* в первом случае; смысловая автономность первого компонента, незавершенность его интонации и противительные отношения, внесенные союзом *но* второго компонента во втором случае). Если к каждому из приведенных сложных предложений присоединить любым способом и с помощью любого синтаксического средства связи хотя бы по одной исходной речевой единице (простое предложение), то, несомненно, баланс внутрискруктурных отношений в рассматриваемых сложных предложениях будет тотчас нарушен, и возникнет структурно новая речевая единица с иным количеством компонентов, которая не может рассматриваться ни как сложноподчиненное, ни как сложносочиненное предложение.

Однако, согласно существующей классификации, таким синтаксическим образованиям нет иного названия; более того, они рассматриваются... всего лишь как варианты все тех же сложноподчиненного или сложносочиненного предложений, но только с тремя компонентами в своем составе. Следуя подобной запрограммированной в классификации логике, можно утверждать, что иных сложных синтаксических структур не существует, а есть лишь варианты сложноподчиненно-

го и сложносочиненного предложений, отличающиеся друг от друга количеством своих частей и характером отношений между ними. Такие варианты нередко нарекаются «сложными предложениями смешанной конструкции», «усложненными сложноподчиненными предложениями», «сложными предложениями усложненного типа» и т. п.

Между тем анализ характера сочетаемости компонентов в подобных единицах речи приводит к выводу о том, что существует речевая единица, которая в иерархии речевых уровней стоит выше сложного предложения любого из известных типов и может быть названа *комплексной синтаксической структурой* [2].

Помимо названных, разновидностями комплексной синтаксической структуры являются «сложноподчиненные предложения с последовательным подчинением», «сложноподчиненные предложения с соподчинением», сложные предложения с прямой речью, различные комбинации названных разновидностей, сложноподчиненные предложения с придаточными частями, подчиненными однородным членам главного компонента.

Все эти комплексные синтаксические структуры возникают путем различного комбинирования речевых единиц в процессе речевого общения, или интенсивной компликации первичных комплексных единиц речи. Поэтому крайней степенью компликации следует признать особый тип сочетаемости единиц речи — **композицию**.

Рассмотрим несколько комплексных синтаксических структур.

I. (1) *Одета она была до наивности пестро и плохо:* (2) *красная сетка покрывала ее волосы, платье из помятого голубого атласа давило ей грудь,* (3) *толстые шведские перчатки восходили до острых локтей,* (4) *да и где же было ей, дочери какого-нибудь бергамского пастуха, знать,* (5) *как одеваются парижские камелии* (И. Тургенев).

Композиция данной комплексной синтаксической структуры объединяет разнородные по структуре исходные единицы речи: автоморфные (1 и 2—3), изоморфные (2 и 3) и неизоморфные единицы (4 и 5). Однако их функциональное единство (все они — компоненты комплексной синтаксической структуры) и предупредительно-присоединительная интонация (после компонентов 1 и 3) способствуют формированию новых качеств комплексной синтаксической структуры: глобальности значения и формы, расчлененности общей интона-

ции единицы, возникновению сложных внутрискруктурных отношений между составляющими.

Избирательность композиции как особого типа сочетаемости речевых единиц зависит от характера комплексной синтаксической структуры и определяется в конечном счете степенью сложности, разветвленности и ходом формирования выражаемой мысли. Именно поэтому возможна типизация разновидностей композиции комплексной синтаксической структуры, что составляет предмет специального изучения.

II. (1) *Опять он не слышал о нем добрых два года ни там,* (2) *где ему случалось бывать до переезда в Саратов,* (3) *куда его прислали, как человека, хорошо знакомого с городом, ни в самом этом городе,* (4) *где толком никто уже не помнил,* (5) *да и прежде вряд ли мог знать Извекова-мальчика, когда-то попавшего со школьной скамьи в тюрьму и затем исчезнувшего бесследно на севере, в топях и дебрях приозерной глухомани* (К. Ф е д и н).

Композиция данной комплексной синтаксической структуры объединяет функционально-изоморфные исходные речевые единицы — составляющие (1—5); разнообразные композиционные средства связи этих единиц между собой выполняют функции своеобразных пограничных сигналов о завершении одной и начале другой составляющей — речевой единице, употреблявшейся до композиционного объединения в комплексную синтаксическую структуру в качестве простого предложения. Несомненная интонационная и предикативная трансформация каждой из составляющих способствует возникновению глобальности данной комплексной синтаксической структуры (по существующей классификации — «усложненного сложно-подчиненного предложения с неоднородным соподчинением и последовательным подчинением»).

III. (1) *Князь нашел сие весьма благоразумным, пошел к своей невесте, сказал ей,* (2) *что письмо его опечалило,* (3) *но что он надеется со временем заслужить ее привязанность,* (4) *что мысль ее лишиться слишком для него тяжела* (5) *и что он не в силах согласиться на свой смертный приговор* (А. П у ш к и н).

Композиция данной комплексной синтаксической структуры объединяет функционально-изоморфные составляющие (1—5); однако 4 из них автоморфны (2—5), так как они в процессе объединения оказались грамматически связанными с одним из однородных сказуемых первой речевой едини-

цы — компонента, игравшего до объединения в комплексную синтаксическую структуру роль простого предложения.

Композиция составляющих этой комплексной синтаксической структуры резко отличается от композиции предыдущей комплексной структуры: 1) порядком следования и расположением составляющих, 2) композиционными средствами связи компонентов, 3) внутрискруктурными отношениями между компонентами, 4) характером глобального синтаксического значения рассматриваемых комплексных синтаксических структур.

Таким образом, единицы речи — это те же единицы системы языка, употребляемые конкретными участниками коммуникации и приобретающие новые, функциональные свойства. Но функционируют единицы речи на основе иных закономерностей, чем те архитектурные законы, по которым происходит объединение единиц системы языка в низшие комплексные единицы. Этот «строительный материал» системы языка включается говорящим в процесс общения в качестве необходимого и динамичного инвентаря речевой деятельности носителей данного национального языка. Процессы сочетаемости единиц речи при этом приобретают первостепенное значение.

Несомненно существующая (хотя и подвижная) граница между системой языка и системой речи постоянно меняется в процессе исторического развития языка и побуждает предпринимать попытки разграничения объекта синтаксиса языка и синтаксиса речи. При этом становится очевидным фактом, что «изучение языка в процессе общения, или изучение системы речевой коммуникации, отличается от изучения языка как средства общения» [3].

Обобщив изложенные соображения о характере и типах сочетаемости речевых единиц, можно сделать следующие выводы:

1. Объединение единиц системы языка в низшие комплексные единства является исходным видом сочетаемости.

2. Формирование первичных комплексных и других единиц речи происходит в результате трансформации в них единиц системы языка, осуществляемой автоматически носителем языка в сложном речевом процессе,

3. Основными типами сочетаемости единиц речи являются компоновка (в результате которой образуется слово, словосочетание, простое предложение), complication (на ее основе возникает сложное предложение любых видов), композиция

(в процессе которой создаются комплексные синтаксические структуры различных разновидностей).

4. Разграничение единиц системы языка и единиц речи по всем языковым и речевым уровням представляет одну из первых и важнейших операций в процессе выделения объекта синтаксиса речи.

Естественно, эти выводы не могут претендовать на абсолютную бесспорность, ибо пока что объекты синтаксиса речи и синтаксиса системы языка ясно не определены. (Поэтому они и приводятся в сборнике под эгидой: «проблемы сочетаемости языковых единиц»).

Однако а priori можно утверждать, что и любые возражения против положений данной статьи будут столь же уязвимы, как и, вероятно, правомерны (с точки зрения их авторов), потому что, как справедливо заметил Ж. Вандриес, даже «академики могут спорить о том, какого рода французское слово *automobile*, мужского или женского, и нагромождать доказательства на доказательстве; это — теория» [4].

Mutatis mutandis можно сказать, что это меткое замечание применимо и к теории синтаксиса современного русского языка: любая система доказательств, пока не установлен четко объект исследования, может быть далекой от совершенства.

Л и т е р а т у р а

1. Л. В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. Изв. АН СССР, отделение общественных наук. М., 1931, стр. 113.

2. См. Ю. В. Коваленко. Комплексные синтаксические структуры. «Научные сообщения за 1963 год (серия гуманитарных наук)». Изд-во Ростовского ун-та, 1964, стр. 72—76.

3. З. М. Мурыгина. Членение речи на дискретные смысловые единицы (опыт анализа речи на семантическом уровне абстракции). В сб.: «Исследования по речевой информации. Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики», вып. 2. Изд-во Московского ун-та, 1968, стр. 161.

4. Ж. Вандриес. Язык. М., Соцэкгиз, 1934, ч. 4, гл. 1 «Язык и языки».

Л. Д. Чеснокова

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОВ НА ОСНОВАНИИ ИХ ПАССИВНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ

Важнейшей функцией грамматического строя языка является выработка таких категорий и форм, которые служили бы средством соединения слов, т. е. средством выражения отношений между словами. Любое предложение (и словосочетание) состоит из цепочки слов, каждое из которых, кроме главного, характеризуется двусторонней сочетаемостью, «двумя валентностями» [1] (активной и пассивной). Некоторые исследователи говорят об анализе зависимости слов как об одном из важнейших методов представления синтаксической структуры. «Описание синтаксической структуры предложения — это описание отношений согласования, управления и примыкания между словами и группами слов» [2, 3, 4].

Каждое слово в тексте, кроме начального главного и конечного зависимого, может быть охарактеризовано с двух сторон: и как стержневое (главное) и как зависимое. Это и находит свое отражение в учении об активной и пассивной сочетаемости (правой и левой интенции) слов [5]. Главное слово предложения характеризуется только активной сочетаемостью, т. е. имеет только правую интенцию. Конечное зависимое слово — только пассивную сочетаемость, только интенцию слева. Активная сочетаемость и ее реализация была предметом изучения многих лингвистов разных направлений, и литература по общим и частным вопросам этой проблемы настолько обширна, что только систематизация ее может быть предметом специальной работы. Пассивная сочетаемость слов изучена намного слабее и до последнего времени не была предметом специального анализа.

Данная работа ставит своей целью осветить некоторые вопросы пассивной сочетаемости слова и ее реализации.

Из двух слов, находящихся в отношении детерминации, носителем пассивной сочетаемости является зависимое слово. Реализуется пассивная сочетаемость в связи главного и зависимого слова. Показателем этой связи оказывается некоторая форма зависимого слова. Таким образом, если слово имеет пассивную сочетаемость, оно должно обладать такой формой, которая указывала бы на его зависимость от другого слова, главного по отношению к нему.

При характеристике пассивной сочетаемости мы пользуемся понятиями: «левая интенция», «пассивная сочетаемость», «сочетание зависимого слова с господствующим».

Левая интенция понимается нами как внутренняя, обусловленная общим или частным лексико-грамматическим значением способность или потребность слова или словоформы иметь грамматически господствующий компонент в пределах какой-либо синтаксической структуры.

Пассивная сочетаемость — это способность слова или словоформы реализовать имеющуюся у него левую интенцию за счет сочетаний с другим словом, грамматически господствующим по отношению к нему.

Сочетание зависимого слова с господствующим — это реализация пассивной сочетаемости с помощью конкретных грамматических, лексико-грамматических и иных средств в виде конкретного словосочетания. Так, словоформа *книгу* обладает внутренней потребностью, обусловленной грамматическим значением винительного падежа — значением прямого объекта иметь грамматически господствующий определитель (без этого данная словоформа не может функционировать в языке), т. е. словоформа *книгу* обладает левой интенцией. Пассивная сочетаемость данной словоформы (и всего класса подобных словоформ) ограничивается переходными глаголами и осуществляется за счет падежного значения данной словоформы. Реализуется пассивная сочетаемость в глагольном словосочетании связью управления (*купить книгу, купил книгу, купив книгу, купивший книгу*).

Хотя реализация пассивной сочетаемости слова происходит в словосочетаниях и предложениях, однако носителем этой сочетаемости является словоформа как единица парадигматических противопоставлений в системе языка.

Особенность пассивной сочетаемости такова, что в одних случаях одинаковые свойства имеют место в пределах целого лексико-грамматического класса и являются характеристикой этого класса как единства, в других случаях специфика

пассивной сочетаемости «дробит» лексико-грамматический класс на группы словоформ, каждая из которых имеет свою специфику со стороны пассивной сочетаемости, происходит перераспределение словоформ и создание иных классов на основе пассивной сочетаемости. Эта особенность пассивной сочетаемости определяется характером словоизменения. Если тому или иному лексико-грамматическому классу присуще общее для всех слов этого класса словоизменение, то и со стороны пассивной сочетаемости он выступает как нечто единое, если же лексико-грамматический класс обладает разными по характеру словоизменения группами, то со стороны пассивной сочетаемости он не является единым классом и распадается на столько групп, сколько типов словоизменения вмещает данный класс. Так, глагол как лексико-грамматический класс распадается на четыре группы, каждая из которых обладает своей спецификой словоизменения: личные формы, инфинитив, причастие и деепричастие. Имена существительные как класс имеют единую систему словоизменения (изменение по падежам и числам), поэтому они и со стороны пассивной сочетаемости составляют единый класс, кроме форм именительного падежа, не обладающих левой интенцией.

Первой задачей является установление слов и групп слов, которые не обладают пассивной сочетаемостью. Это проявляется в том, что данное слово как представитель особого лексико-грамматического класса или как определенная форма из системы форм некоторого лексико-грамматического класса не может выступать в качестве зависимого компонента какой-либо синтаксической конструкции. Ту форму, которую имеет слово с нулевой левой интенцией и которая свидетельствует о независимой позиции слова, мы называем *абсолютной формой*.

Понятие абсолютной формы связано со структурой предложения, ибо только функционирование слова как независимого в структуре предложения создает условия для образования абсолютной формы. Независимыми в структуре предложения являются две позиции: позиция подлежащего (простого) в двусоставном предложении и позиция главного члена (простое сказуемое) в односоставных предложениях. Если же эти члены составные или сложные, т. е. выражены сочетаниями слов, то независимой позицией следует считать позицию ведущего (стержневого) слова данной конструкции. Независимой мы называем такую позицию слова в предло-

жении, находясь в которой, слово не может обслуживать «грамматические потребности других словесных форм» и не имеет левой интенции. Таким образом, термин «независимая позиция» используется нами в несколько ином значении, чем в работе Т. П. Ломтева [6].

При рассмотрении соотношения между функцией слова и его формой оказывается, что есть формы (индивидуальная словоформа или класс словоформ одного типа), закрепленные за одной функцией, т. е. данная словоформа или класс однотипных словоформ могут употребляться только в данной функции и ни в какой иной. С другой стороны, есть формы, не закрепленные за одной определенной функцией, т. е. слово в данной форме может употребляться в разных функциях. Если некоторая форма слова постоянно закреплена за данной функцией (словоформа имеет функциональную закрепленность), которая характеризуется позиционной независимостью, то эта форма регулярно является абсолютной формой.

Если некоторая форма слова не закреплена только за данной функцией, то абсолютную форму она будет иметь лишь при условии ее использования в независимой позиции. И эта же словоформа в иных позициях окажется зависимой, самостоятельно реализующей свою пассивную сочетаемость.

Постоянную закрепленность формы за определенной функцией, которая характеризуется независимостью позиции, имеют следующие группы словоформ.

1. Слова категории состояния с модальным значением (*можно, нужно, надо, нельзя, необходимо, невозможно, должно* и др.), а также генетически восходящие к существительным и местоимениям (*пора, время, грех; нечего, некогда, некуда, незачем* и т. д.), которые способны выполнять одну функцию в предложении — быть главным членом безличных предложений. Данные словоформы имеют абсолютную форму, так как постоянно находятся в независимой позиции. Формы вспомогательного глагола (*было, будет*) при словах данной группы «становятся чисто формальным показателем, что выражается в их акцентологическом ослаблении и в их энклитическом употреблении» [7] (*можно было курить, пора было ехать, некуда было писать*).

2. Слова категории состояния, генетически восходящие к кратким прилагательным и наречиям (*ветрено, приятно, весело, холодно, темно* и др.). Эти словоформы, как и слова первой группы, имеют ту же функциональную закреплен-

ность, но вопрос об их независимости представляется более спорным. При сочетании данной словоформы с глаголом-связкой (*было, будет*) образуется «одна составная грамматическая форма», «аналитическая форма» [8] прошедшего или будущего времени. И хотя энклитизм в этих конструкциях не является столь постоянным и обязательным признаком, как в предыдущих, однако независимость безлично-предикативных наречий в сочетании со связкой *быть* в настоящее время не вызывает сомнений. Двойное толкование допускают сочетания данных словоформ со вспомогательными неполнозначными глаголами *стать, становиться, делаться*.

Если эти неполнозначные глаголы рассматривать подобно глаголу-связке *быть* как формы, полностью утратившие свою самостоятельность и перешедшие в разряд грамматических частиц, то сочетания *становится тепло, делается жарко, станет сыро* следует также признать аналитической формой, из чего следует вывод о независимости данных слов категории состояния. Если же считать вспомогательные глаголы глаголами, а не грамматическими частицами, а «сочетания слов категории состояния с ними — составным сказуемым» [9], то в этом случае следует признать их грамматическую зависимость от глагольных форм.

3. Собственно-безличные глаголы и безличные глаголы, образованные от личных с помощью частицы *ся*, в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени или среднего рода прошедшего времени (*вечереет, рассвело, смеркается, хочется, думается* и др.).

4. Глагол *быть* в форме прошедшего и будущего времени единственного числа при отрицании (*не было морозов, не будет грозы*).

5. Слово *нет* (*нет дождя, нет времени*).

Формы, регулярно используемые в независимых позициях, однако не закрепленные за определенными синтаксическими функциями, характеризующимися позиционной независимостью, имеют абсолютную форму лишь в пределах данных функций.

1. Так, форма именительного падежа существительного или слова, одноклассного ему по словоизменению или его заменяющего, при использовании данной словоформы в качестве подлежащего двусоставного предложения или главного члена номинативного предложения является абсолютной формой. Форма именительного падежа субстантивных слов регулярно используется в данной функции и является профили-

рующим способом выражения как подлежащего, так и главного члена номинативного предложения. Однако эта форма может функционировать и в роли присвязочного члена именного сказуемого (именительный предикативный) и в роли приложения (именительный атрибутивный), в данных функциях форма именительного падежа оказывается формой, самостоятельно выражающей свою зависимость относительно другого слова, обслуживающей другое слово.

2. Инфинитив в роли подлежащего или в роли главного члена безлично-инфинитивных предложений является независимой формой. Иные же функции инфинитива обязательно связаны с его зависимостью.

3. Формы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа глагола изъявительного наклонения следует считать абсолютными, так как употребление этих форм в качестве сказуемого возможно и без подлежащих — местоимений 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, что и породило особый тип предложений — относительные определено-личные предложения. Однако употребление этих форм может сопровождаться их сочетанием с местоимениями соответствующего лица и числа. В этом случае говорят об особом виде связи — координации [10], отражающей взаимообусловленную зависимость сочетающихся форм.

4. Формы 2-го лица единственного и множественного числа повелительного наклонения глагола, употребляющиеся в роли сказуемого в односоставных личных предложениях, являются абсолютными, так как «нормой в таких предложениях является отсутствие подлежащего — местоимения второго лица, — пишет В. В. Виноградов. — Наличие подлежащего здесь связано с разнообразными стилистическими оттенками» [11]. Употребление подлежащего дает принципиально иную структуру, структуру двусоставного предложения, в котором функция данной глагольной формы оказывается иной, а сама глагольная форма утрачивает в какой-то мере свою абсолютность.

5. Личный глагол в форме 3-го лица единственного числа, или среднего рода, функционирующий в роли сказуемого в безличном предложении (личный глагол в значении безличного), характеризуется нулевой левой интенцией и является абсолютной формой.

6. Глагол в форме 3-го лица множественного числа или прошедшего времени, функционирующий в роли сказуемого в односоставных неопределенно-личных и обобщенно-личных

предложениях, не имеет пассивной сочетаемости и является абсолютной формой.

Понятию абсолютной формы противостоит понятие формы, выражающей зависимое положение слова в синтаксической конструкции. Та форма слова, имеющего левую интенцию, которая свидетельствует о зависимой позиции этого слова, называется нами *детерминативной*. Детерминация понимается в данном случае как односторонне выраженная зависимость, так как при сочетании двух слов (*беру книгу, синий цветок, желание учиться*) формально подчинительная зависимость выражается только одним из этих слов, а именно зависимым. Слово, имеющее детерминативную форму, обязательно находится в зависимой позиции [6].

Основу пассивной сочетаемости составляет, как уже отмечалось выше, характер словоизменения, и слова объединяются в определенные группы на этой основе. Поэтому вторым этапом классификации слов является выделение групп среди интенциальных форм (т. е. имеющих левую интенцию) по признаку наличия или отсутствия формального морфологического показателя левой интенции. По этому признаку выделяются две группы слов: слова с формальным показателем интенции и слова без формального показателя интенции. Формальным показателем левой интенции является форма слова, входящая в систему парадигм данного слова, с одним или несколькими грамматическими значениями. Например, показателем левой интенции словоформы *сине́му* является форма с тремя значениями, значением падежа, рода, числа, образованная флексией *-ему*. Показателем левой интенции словоформы *садо́м* является форма лишь с одним значением падежа, образованная флексией *-ом* (значения рода и числа данной формы не служат показателем левой интенции).

Хотя показателем левой интенции слова является его форма и характер пассивной сочетаемости в конечном счете определяется характером словоизменения, однако не следует ставить знака равенства между формальным показателем левой интенции и словоизменением того или иного слова или класса слов. В одних случаях, действительно, все формы словоизменительных категорий со всеми присущими им значениями выступают как показатель левой интенции и выполняют функцию связи данного слова как зависимого с другим — главным. Подобным свойством обладают словоизменительные формы имен прилагательных, причастий, порядковых числительных, адъективных местоимений.

В других случаях формы словоизменения шире, чем формы, участвующие в выражении пассивной сочетаемости этих слов, иначе говоря, не все формы являются показателями левой интенции и средством выражения пассивной сочетаемости. Так, глагол в личной форме имеет изменение по категориям времени, наклонения, лица, числа, рода, однако формы времени и наклонения никогда не являются показателем левой интенции, так как эти формы не используются как средство выражения пассивной сочетаемости. Изменение имен существительных происходит по категориям числа и падежа, однако средством выражения пассивной сочетаемости, т. е. показателем левой интенции, является только падежная форма, значение числа (и противопоставление по категории числа) не служит средством выражения пассивной сочетаемости.

Следовательно, слова с формальным показателем левой интенции — это обязательно слова, имеющие формы словоизменения, а слова без формального показателя левой интенции — это слова без форм словоизменения, так называемые неморфологические слова [12]. Признак наличия и отсутствия форм словоизменения, как известно, положил Ф. Ф. Фортунатов в основу формальной классификации частей речи, в частности классификации знаменательных или «полных» слов [13]. В дальнейшем этот же признак для тех же целей был использован некоторыми последователями Ф. Ф. Фортунатова, например, Д. Н. Ушаковым, М. Н. Петерсоном [14, 15]. Наша же классификация имеет целью дать характеристику слов с точки зрения заложенных в каждом из них способов реализации пассивной сочетаемости или реализации его левой валентности. Кроме того, распределение слов по отдельным группам (видам сочетаемости) оказывается совершенно иным и не приводит к созданию лексико-грамматических классов как частей речи, а напротив, внутри отдельных частей речи выделяются группы словоформ, единых по способам реализации пассивной сочетаемости. Среди слов с формальным показателем интенции выделяются четыре группы по признаку того, какие из форм и с каким значением являются средствами реализации пассивной сочетаемости, средствами соединения слов.

1-я группа. В нее входят слова, у которых средствами реализации пассивной сочетаемости являются формы лица и числа, т. е. личные формы глаголов настоящего и будущего времени, формы повелительного наклонения глаголов. Формальным показателем того, что только формы лица и числа

участвуют в реализации пассивной сочетаемости, а, допустим, не формы времени и наклонения является тот факт, что при одной и той же форме главного слова возможна только одна определенная форма лица и числа зависимого слова и невозможны формы их парадигматических противопоставлений. С другой стороны, при одной и той же форме главного слова возможны все формы парадигматических противопоставлений по категории времени и наклонения зависимого слова.

Так, если главное слово выражено существительным единственного числа, то зависимое слово (личный глагол) может иметь только форму единственного числа и форму третьего лица (*стол стоит, самолет летит*). При данной форме главного слова невозможно одновременное или последовательное использование форм парадигматических противопоставлений по категории числа и лица (*стоит — стоят — противопоставления по категории числа; стоит — стоишь — стою — противопоставления по категории лица*). Но при той же форме главного слова возможно одновременное или последовательное употребление форм парадигматических противопоставлений по категории времени и наклонения зависимого слова (*стол стоит, стоял, будет стоять и стол стоит, стоял бы, пусть стоит*). Любая форма из данных парадигматических противопоставлений может выступать в качестве зависимого компонента при словоформе *стол*.

2-я группа. Слова, у которых в реализации пассивной сочетаемости участвуют формы числа, падежа и рода. К этой группе слов относятся имена прилагательные в членной форме, причастия, порядковые числительные, местоименные прилагательные.

Слова этой группы характеризуются тем, что все формы словоизменения участвуют в реализации пассивной сочетаемости, т. е. все формы словоизменения этих слов несут в себе функцию связи.

3-я группа. Слова, у которых в реализации пассивной сочетаемости участвуют формы числа и рода. В эту группу слов нами объединяются словоформы, относящиеся к разным частям речи, а именно: краткие имена прилагательные и причастия, а также личные формы глагола прошедшего времени изъявительного наклонения и глагольные формы сослагательного наклонения. И хотя по лексико-грамматическому значению данные формы относятся к разным частям речи, однако со стороны характеристики пассивной сочетаемости и особенностей ее реализации эти слова представляют собой особую

единую группу. Так, все слова этой группы в современном русском языке способны сочетаться только с субстантивным именем в форме именительного падежа, при этом сами выступают в функции сказуемого. В реализации данной сочетаемости участвуют формы числа и рода зависимого слова при форме единственного числа главного слова (*ребенок читал; ребенок читал бы; ребенок здоров; ребенок организован; ученица читала, ученица читала бы; ученица здорова; ученица организована*) и формы числа зависимого слова при форме множественного числа главного слова (*дети читали; дети читали бы; дети здоровы; дети организованы*). Кроме того, и исторически форма прошедшего времени восходит к именным словам — причастиям на *л* [16].

В современной научной литературе получило распространение мнение о том, что глаголы в прошедшем времени (и в сослагательном наклонении) имеют категорию лица. Формы же лица в прошедшем времени выражаются аналитически присоединением к глагольной форме личных местоимений (*я пел, ты пел, он пел* и т. д.). Аналитическими формами принято называть «неразложимые, устойчивые» сочетания слов служебного и знаменательного, в которых служебное слово самостоятельно или вместе с аффиксом знаменательного выражает грамматическое значение знаменательного слова и тем самым всей конструкции в целом [17, 18]. Неразложимость и устойчивость этих сочетаний выступает в двух планах: в лексическом и грамматическом. Лексическая неразложимость проявляется в том, что «носителем лексического значения всего сочетания в целом выступает только второй компонент сочетания» [17]. Грамматическая неразложимость как признак аналитических конструкций, на который указала М. М. Гухман, опирается на грамматическую «идиоматичность» этих конструкций, проявляющихся в том, что ни один из компонентов конструкции самостоятельно не выражает то или иное грамматическое значение. Так, в конструкции *Ich habe geschrieben я написал* значение прошедшего времени не заключено в вспомогательном глаголе, оно определяется сочетанием с причастием *II*, которое, со своей стороны, теряет в этом объединении значение страдательного залога (*написан*), присущее ему в самостоятельном употреблении [18]. Более категорически отрицает какую бы то ни было самостоятельность вспомогательного слова в аналитических конструкциях О. П. Суник. Он считает, что «аналитическая форма слова — это не сочетание слов и не словосочетание (тем

более устойчивое, лексикализованное и т. п.), так как состоит аналитическая форма не из слов (двух или нескольких), а из слова и неслова, т. е. из слова и так называемого служебного слова — слова «пустого», формального, частичного, если угодно — грамматического, т. е. слова в кавычках» [19]. П. В. Чесноков, исходя из цельности, неразложимости аналитических конструкций, отрицает за каждым компонентом аналитической формы право определяться как слово. Он пишет: «Не могут быть признаны словами компоненты сложных, аналитических форм слова, если они не выражают сами по себе отдельной (хотя бы опустошенной) мысли и между их содержаниями полностью отсутствуют смысловые отношения» [20]. В предложении *Ich habe gelesen* (*я читал*) компонент *habe* сам по себе никакой идеи не выражает и лишь в составе сочетания *habe gelesen* вместе с суффиксом *-en* и префиксом *ge-* соответствует идее прошедшего времени. Точно так же нельзя считать словом компонент *gelesen*, поскольку он в данном случае не выражает отдельной мысли о чтении, а лишь в сочетании с *habe* воспроизводит единую мысль о реальном чтении в прошедшем времени [20]. Не вдаваясь в анализ имеющихся расхождений между изложенными выше взглядами на природу аналитических форм, отметим, что точка зрения, рассматривающая аналитические формы как целостные сложные словоформы, имеет достаточно широкое распространение [21—25]. Вернемся к нашим конструкциям. Если считать формы *я пел, ты пел, он пел* аналитическими формами, то, очевидно, следует признать, что местоимения *я, ты, он* и др. в этих конструкциях не имеют самостоятельной синтаксической функции, т. е. не являются подлежащими, а в плане характеристики сочетаемости не являются главным словом по отношению к глаголу *пел*, поскольку компоненты аналитической формы при функционировании выступают как одна словоформа. Следовательно, конструкции *я пел, ты пел, он пел* должны быть признаны бесподлежащими, одноставными предложениями, а данные аналитические формы лица — формами, не имеющими левой интенции, так как присоединить эти формы к имени — подлежащему — невозможно.

Если же исходить из того, что каждое слово этих конструкций имеет самостоятельную синтаксическую функцию (личное местоимение является подлежащим, а глагол — сказуемым, т. е. местоимение — главное слово, а форма глагола — зависимое слово с реализованной пассивной сочетаемостью), то, очевидно, подобные сочетания нельзя признать

аналитической формой выражения лица. Т. П. Ломтев вполне справедливо считает, что «выражение *я писал* соотносится не только с выражением *он писал*, но и с выражением *мне писал, обо мне писал, тебе писал, о тебе писал, ему писал, о нем писал* и т. п. Наличие таких соотношений доказывает, что выражения *я писал, ты писал, он писал* соотносятся с выражениями *мне писал, тебе писал, ему писал*, как словосочетания, тождественные по характеру одной словесной формы и различные по характеру других словесных форм. Из этого следует, что выражения *я писал, ты писал, он писал* входят не в систему внутриглагольного противопоставления по категории лица, а в систему противопоставлений словосочетаний по характеру различия одного элемента словосочетания при тождестве другого его элемента» [6, стр. 23]. Таким образом, в этом случае отрицается наличие категории лица у глаголов в форме прошедшего времени и сослагательного наклонения и тем самым снимается вопрос об участии форм категории лица у данных глагольных форм в реализации пассивной сочетаемости.

Выделенные три группы слов могут быть объединены в одну на основании способа, каким данные слова включаются в словосочетание или предложение. Слова названных трех групп при сочетании с господствующим словом «воспроизводят в своих формах грамматические категории господствующего слова», этот прием и получил название согласования [26, стр. 84].

Для согласования слов существует еще один способ определения участия или неучастия той или иной грамматической категории в реализации сочетаемости слов. Этот способ определяется следующим правилом: если при замене некоторой формы господствующего слова иной формой, находящейся или не находящейся в парадигматическом противопоставлении, форма зависимого слова также необходимо заменяется формой того же парадигматического противопоставления, то грамматическая категория, формы которой последовательно заменили друг друга в зависимом слове; участвует в реализации сочетаемости данных слов; если при замене некоторой формы господствующего слова иной формой форма зависимого слова не изменяется, то эта грамматическая категория главного слова не участвует в реализации сочетаемости данных слов. Так, в выражении *он пришел* заменим форму мужского рода личного местоимения на форму женского или среднего рода и необходимо получим в глагольном компонен-

те замену формы мужского рода на соответствующую родовую форму (*она пришла, оно пришло*). При замене формы господствующего слова могут быть взяты как формы, находящиеся в парадигматическом противопоставлении (*дом — дома*), так и формы, не входящие в парадигматические противопоставления, т. е. несловоизменяемые формы (*лев — львица, петух, — курица*), и даже может быть произведена замена лексически различными словами, не имеющими формы одной грамматической категории (*высокий дом — высокая стена*). Однако этот способ определения участия или неучастия какой-то грамматической категории в реализации пассивной сочетаемости зависимого слова имеет дефекты в выводах, что требует введения дополнительных разъяснений.

При изменении формы господствующего слова форма зависимого может остаться без изменения в следующих случаях. Во-первых, зависимое слово не имеет тех грамматических категорий, формы которых подверглись изменению в господствующем слове (*он читает — она, оно читает, белые дома, стены, облака*). Во-вторых, формы зависимого слова могут как бы раздваиваться в своей функции, и одна их часть выполняет функцию связи с данным господствующим словом; формы которого мы в экспериментальных целях меняем, а другая часть форм осуществляет связь с иным словом. Подобное явление обычно квалифицируется как неполное согласование (*Сделай свой край цветущим и богатым — край сделался цветущим и богатым; сделай свою страну цветущей и богатой — страна сделалась цветущей и богатой*).

В приведенных примерах изменение падежной формы слова *край* и *страна* не вызвали аналогичных изменений в зависимых словах — *цветущий* и *богатый*, так как форма падежа этих слов не участвует в согласовании с именем, а служит средством реализации связи с глаголом. Нечто подобное можно усмотреть в конструкциях *встретила товарища, которого не видела много лет — говорила с товарищем, которого не видела много лет*, где изменение падежных форм слова *товарищ* не влечет изменения в падежных формах слова *который*, так как последние выражают зависимость этого слова от глагола *видела*.

4-я группа. Слова, у которых в реализации пассивной сочетаемости участвуют формы падежа. В эту группу слов нами включаются имена существительные, местоименные существительные, количественные числительные. Все слова четвертой группы можно назвать группой управляемых слов, так

как основным способом, каким данные слова включаются в словосочетание, или предложение при реализации пассивной сочетаемости, является постановка их в определенном падеже [26].

Таким образом, категория падежа у слов данной группы используется в основном как средство управления.

Падежная форма, в отличие от всех остальных словоизменительных форм, может использоваться и при связи согласования и при связи управления, может быть и управляемой, и согласуемой формой.

Имена существительные регулярно используют падежную форму как форму управления. Причем форма числа в этом случае оказывается неиспользуемой для связи слов, что создает у существительных потенциальную возможность для иного типа связи — связи согласования.

Связь согласования для существительных является нерегулярным способом реализации пассивной сочетаемости, ограниченным сферой функционирования существительного в роли предложения, например: — *Дозвольте мне остаться на крейсере и зачислиться добровольцем-матросом* (А. Степанов. Порт-Артур). *Ее выдали из бедной купеческой семьи замуж за известного миллионера-лесопромышленника Щербачева, вдовца, человека старше ее лет на сорок* (А. Куприн. Мирное житье).

Наличие «свободной» словоизменительной формы (формы числа) создает условия для появления двойной связи у существительного, при которой формы зависимого слова как бы раздваиваются в своей функции, и одна из форм используется для связи данного слова с одним словом, а другая форма осуществляет связь с иным словом. Например: *Кажется, ревут камни, берега, утесы, все ущелье и ты чувствуешь себя лилипутом, вставшим в поединок с разъяренным геркулесом* (Г. Федосеев. Смерть меня подождет). *Потом она встретила с молодым видным офицером Танакой и вскоре сделалась его постоянной наложницей* (А. Степанов. Порт-Артур). *Голод сделает их хорошими охотниками* (Г. Федосеев. Злой дух Ямбуя).

В приведенных примерах падежная форма имен существительных *лилипутом, наложницей, охотниками* — форма творительного предикативного — осуществляет их связь с соответствующими глаголами — *чувствуешь себя лилипутом, сделалась наложницей, сделает охотниками*; способ этой связи — управление. Категория же числа этих существительных

повторяет значение числа, соответствует категории числа именных слов, являющихся так же, как и глаголы, господствующими словами для данных существительных — *ты чувствуешь себя лилипутом; она сделалась наложницей; сделает их охотниками*. Таким образом, имена существительные в данных примерах характеризуются двойной зависимостью, при реализации которой они оказываются носителями двойной связи — управления и согласования.

Говоря о согласовании имен прилагательных и других «согласующихся» типов слов, с одной стороны, и имен существительных — с другой, нельзя не заметить разницы в характере использования грамматических категорий у тех и других при данном способе связи слов. Нам представляется целесообразным в согласовании как особом типе связи слов выделить две его разновидности — *соответствие и совпадение*.

Функция связи прилагательного с субстантивным словом заключается в том, что из суммы окончаний, присущих прилагательному, в каждом отдельном случае выбирается то, которое обладает свойством присоединять прилагательное к существительному лишь с данным значением рода, числа и падежа. Так, словоформа *синий* благодаря своей флексии *-ий* способна сочетаться с существительными, имеющими грамматические значения мужского рода, единственного числа, именительного (и винительного при неодушевленных существительных) падежа. Таким образом, среди форм, составляющих парадигму прилагательного, выбирается та форма, которая *соответствует* грамматическим значениям рода, числа, падежа имен существительных. Иными словами, форма прилагательного *приводится в соответствие со значением грамматических категорий* существительного.

Если произносится фраза *впереди виднеется серое...*, то уж по форме прилагательного свободно определяются значения грамматических категорий существительного, к которому способно присоединиться данное прилагательное, причем, совершенно независимо от конкретной формы существительного, от конкретного способа выражения данных значений у существительного. Эта фраза может быть восполнена существительными только среднего рода, единственного числа, именительного падежа, морфемная же структура данных существительных может быть различной — *впереди виднеется серое небо, море, пальто*. Особенно ярко проявляется это свойство прилагательных — быть показателем грамматических значений существительного в сочетаниях с такими суще-

ствительными, которые не имеют левой интенции и соответственно — показателей зависимости с неизменяемыми существительными (*серое пальто; шерстяного кашне, свирепый шимпанзе*).

Таким образом, *соответствием* мы называем такой вид согласования, при котором зависимые слова в своих формах воспроизводят грамматические категории господствующего слова и становятся их показателем.

Этот вид согласования присущ всем несамостоятельным грамматическим формам собственно грамматических категорий, т. е. категорий, не имеющих лексических значений.

Совпадение же как вид согласования состоит в том, что зависимое слово стремится принять такую форму, которая по своему грамматическому значению была бы подобна значению формы господствующего слова, *совпала* бы с ним. Связь совпадения как разновидность согласования свойственна словам с «независимыми», «самостоятельными» грамматическими категориями, которые по своему характеру могут быть и собственно грамматическими и лексико-грамматическими (термины «собственно грамматическая категория» и «лексико-грамматическая категория» используются нами в том значении, какое они получили в кн. «Основы построения описательной грамматики» [31]).

Рассмотрим несколько примеров: *На маяке жил только сторож — старый глухой швед, бывший шкипер* (К. Паустовский. Северная повесть). *Начальник госпиталя повернулся к молодой женщине-врачу..* (К. Симонов. Солдатами не рождаются).

В первом примере зависимыми являются словоформы *швед* и *шкипер*, так как они выступают в роли приложения к существительному *сторож*. Господствующая словоформа синкретично выражает грамматические значения мужского рода, единственного числа, именительного падежа. Зависимое слово из системы свойственных ему форм принимает такую форму, которая в данной лексеме выражает те же грамматические значения, какие свойственны господствующему слову — значения единственного числа, именительного падежа, и поскольку у существительного *швед* есть словообразовательное противопоставление по категории рода (*швед — шведка*), постольку мы имеем основание говорить, что форма мужского рода зависимости слова в данном случае появляется под влиянием процесса согласования. В результате мы получаем совпадение грамматических значений зависимого и господ-

ствующего слова. Если же мы рассмотрим второе зависимое слово в данном примере *шкипер*, то оказывается, что оно так же, как и слово *швед*, приняло форму со значением единственного числа, именительного падежа под влиянием аналогичных значений господствующего слова. Однако совпадение в форме рода (значение мужского рода) не обуславливается в данном случае процессом согласования, процессом выбора соответствующей формы из ряда родовых форм, так как слово *шкипер* не имеет противопоставлений по категории рода и совпадение оказалось случайным, его могло и не быть. Отсутствие совпадения в значении родовых форм в силу названной выше причины мы наблюдаем во втором примере — *к женщине-врачу*. Таким образом, мы видим, что при функционировании существительного в качестве приложения, его формы, выражающие независимые грамматические категории, *совпадают* в значении этих категорий с формами господствующего слова, и *это совпадение есть результат процесса согласования* существительного с существительным или другим словом с субстантивным значением. Особенностью данного вида согласования является то, что согласуемыми оказываются слова с независимыми, семантически значимыми грамматическими категориями. Е. В. Кротевиц выводит данную разновидность связи за рамки согласования именно на основании «большой независимости форм поясняющего слова от форм поясняемого по сравнению с обычным согласованием прилагательного», называет эту связь корреляцией, считая ее своеобразной синтаксической связью, промежуточной между сочинением и подчинением [10, стр. 21; 32, стр. 9; 33, стр. 15—16; 34, стр. 25].

Некоторые исследователи [34, 30] пытаются найти аналогию между приложением и господствующим словом, с одной стороны, и однородными членами (однородными подлежащими и однородными дополнениями) — с другой, считая, что соответствие в формах падежа (в формах рода и числа соответственно не обязательно) в том и другом случае выражается одной причиной и свидетельствует о сочинительной связи между приложением и господствующим словом. Однако приложение как разновидность определения служит для выражения определенных отношений, оно называет различные признаки и свойства предмета, названного господствующим словом [11], т. е. между приложением и господствующим словом устанавливаются явно подчинительные отношения, при выражении которых формы зависимого слова совпадают

в своих значениях с формами главного слова как следствие согласования. Между однородными членами имеют место отношения сочинения, при которых ни один из сочиненных компонентов не служит для пояснения и какой-либо характеристики второго. Обязательная одинаковость падежных форм однородных подлежащих и дополнений обуславливается их одинаковой функциоанальностью и однотипной связью с общим для них компонентом [35]. Следовательно, совпадение грамматических значений форм в том и другом случае вызывается разными явлениями, оказывается результатом разных процессов и делать вывод об аналогичном характере связи между компонентами того и другого явления неправомерно для фактов современного языка. Следует заметить, что явления однородности (при бессоюзной связи однородных компонентов) и явление приложения (приложение + господствующее слово) имеют некоторую аналогию, заключающуюся в характере внутренней зависимости и взаимной обусловленности компонентов. И в явлении однородности (отношения между однородными членами), и в явлении приложения (отношения между приложением и господствующим словом) обнаруживается, на наш взгляд, зависимость, получившая у Л. Ельмслева [35] название констелляции, т. е. зависимость, при которой ни один компонент не предполагает существования другого. Констелляция приложения и определяемого обуславливается независимостью грамматических категорий того и другого, семантической независимостью этих категорий, что создает у зависимого слова, (в данном случае приложения) способность выступать в функции господствующего и самостоятельно осуществлять связь с неким третьим компонентом при отсутствии господствующего слова (в данном случае — определяемого). Сравним: *начальник госпиталя повернулся к молодой женщине-врачу* и *начальник госпиталя повернулся к врачу; на маяке жил только сторож — старый глухой швед* и *на маяке жил только глухой швед*.

Констелляция между однородными компонентами обуславливается их одинаковой синтаксической функцией и индивидуальной, самостоятельной связью с общим для всех однородных членов компонентом (все указанные факторы обуславливают констелляцию при однородности только в случае отсутствия формального показателя сочинительной связи — союза; при наличии же союза устанавливаются иные типы зависимости между однородными компонентами).

Таким образом, для приложения связь с третьим компо-

нентом (третий компонент — это слово, с которым непосредственно связано определяемое приложением слово) существует лишь потенциально, как возможная, но при наличии определяемого слова не реализованная связь, связь эта реализуется лишь в условиях отсутствия определяемого приложением слова. Для каждого из однородных членов связь с общим компонентом — связь реальная *А он рассказывал о хлебной монополии, о классовой борьбе в деревне, о мировой революции.* (А. Толстой. Хмурое утро).

Имя существительное может выступать как согласуемое слово не только в позиции приложения, но и в позиции предикативного определения или, как мы ее называем, в позиции глагольно-именного определителя. Согласование существительного постоянно проявляется в его разновидностях — связи совпадения. Причем в позиции глагольно-именного определителя совпадение происходит не в форме падежного значения, а в формах числа и рода, если есть словообразовательное родовое противопоставление. Рассмотрим примеры: ... *Он, не колеблясь, согласился бы признать незнакомца своим полным хозяином* (А. Адамов. Дело «Пестрых»); *Она знала, что некоторые девочки считают ее дурнушкой...* (Г. Николаев. Битва в пути). В первом примере словоформа *хозяином* находится в позиции глагольно-именного определителя, господствующим словом для которого (господствующим именным компонентом) является словоформа *незнакомца*, синкретично выражающая значения винительного падежа, единственного числа, мужского рода. Зависимое слово для связи с господствующим использует только формы со значением числа и рода (форма падежа реализует связь с глаголом *признать*). Из имеющихся противопоставлений по категории числа *хозяин — хозяева* и категории рода *хозяин — хозяйка* выбирается та словоформа, грамматические значения которой совпадали бы с грамматическими значениями господствующего слова. Следовательно, в данном примере совпадение в значениях числа и рода зависимого слова с главным — результат связи согласования, а именно ее разновидности — связи совпадения. Во втором примере в позиции глагольно-именного определителя находятся словоформы *дурнушкой*, господствующим именным компонентом является словоформа *ее* со значением единственного числа, женского рода, винительного падежа. Совпадение мы обнаруживаем в категориях числа и рода. Однако совпадение в числе есть результат согласования, так как слово обладает противопоставлением

по категории числа *дурнушка* — *дурнушки*, совпадение по категории рода нельзя считать результатом согласования, так как это слово не имеет словообразовательных родовых противопоставлений.

Подведем итог всему сказанному о характере реализации пассивной сочетаемости, свойственной именам существительным. Имена существительные, кроме группы неизменяемых слов, регулярно являются управляемыми словами, реализуя свою пассивную сочетаемость за счет формы падежа. Однако имена существительные могут быть и согласуемыми словами. Согласование для существительных является конструктивно ограниченной связью, представленной особой разновидностью согласования — совпадением.

Кроме существительных к четвертой группе мы относим количественные и собирательные числительные, кроме слова *один*, а также местоимения. Числительные имеют только одну грамматическую категорию — категорию падежа. В словах *два*, *оба*, *полтора* обнаруживаются родовые различия, которые представлены в современном языке двумя формами — со значением мужско-среднего рода и женского рода. Со стороны пассивной сочетаемости и форм, используемых для ее реализации, непорядковые числительные распределяются по следующим подгруппам.

Первая подгруппа. Числительные, выступающие «в своей подлинной отвлеченной числовой сущности, не отягченной предметными именами» [8, стр. 298]. Числительные этой группы употребляются в арифметической функции вне связи с существительными (*два умножить на три; от одиннадцати отнять пять; сумма восьми и четырех равна двенадцати*). Числительные в этой функции не имеют изменений по категории рода (формы женского рода *две*, *полторы* оказываются маркированными и не могут употребляться в подобных конструкциях). Все падежные формы числительных являются управляемыми, кроме формы именительного падежа, которая не имеет левой интенции и представляет собой абсолютную форму.

Вторая подгруппа. Числительные, выступающие в сочетании с существительными и функционирующие как некоторое единство. Форма именительного падежа является абсолютной у количественных числительных *три*, *четыре*, *пять* и дальше, а также у собирательных, кроме формы *оба* — *обе*. Счетные слова, имеющие изменения по категории рода, абсолютной формы не имеют, так как их родовая форма в именитель-

ном (и винительном) падеже определяется родовым значением зависимого от них существительного (*два стола, но две тетради*). В этом случае мы сталкиваемся с явлением взаимной [37, стр. 48] связи, числительное управляет существительным, определяя его падежную форму, но с другой стороны, числительное согласуется с существительным, приспособившая свою родовую форму к значению родовой формы существительного, что представляет собой остаточное явление бывшей принадлежности данных слов к классу прилагательных.

Реализация пассивной сочетаемости у числительных *два, оба, полтора* осуществляется за счет согласования с существительным, причем в именительном (и винительном при связи с неодушевленными существительными) падеже согласование происходит по категории рода, в остальных падежах по категории падежного значения (*два стола, две ленты; двух столов, лент; двум столам, лентам* и т. п.). Остальные числительные данной группы в именительном и винительном падеже являются безынтенциональными формами (имеем в виду левую интенцию), в косвенных же падежах оказываются согласуемыми формами [8, стр. 296; 29, стр. 393; 37, стр. 86]. Согласование происходит за счет соответствия падежных форм. Следовательно, выделенная нами вторая подгруппа числительных в отличие от первой является группой согласовательных слов, что может быть объяснено тем, что «у имен числительных процесс отвлечения от предметных значений достиг высшего предела в косвенных падежах, где числительные стали простыми арифметическими определителями существительных, чуждыми всякого оттенка предметности [8, стр. 296]. Эту группу числительных можно было бы отнести ко второму типу согласовательных форм, но наличие абсолютной формы именительного падежа и переход их в управляемые формы при арифметической функции существенно отличает эту группу числительных от названной группы согласовательных слов.

Таким образом, способ использования падежной формы для реализации пассивной сочетаемости непорядковых числительных обуславливается их функцией, которая в свою очередь отражает сдвиги в семантическом значении числительных как особого лексико-грамматического класса.

Местоимения-существительные [27, стр. 425], или предметно-личные местоимения [8, стр. 326—329] данной группы в форме именительного падежа являются независимыми, безын-

тенциальными формами. Это положение не относится к словам *себя, некого, нечего*, которые не имеют формы именительного падежа. В косвенных падежах все местоимения данной группы реализуют свою пассивную сочетаемость за счет управления, их падежные формы используются только для связи управления.

Особенностью всех слов, образующих четвертую группу интенциальных слов с формальным показателем интенции, в отличие от первых трех групп является возможность употребления при них синтаксического показателя интенции.

Синтаксическим показателем интенции мы называем служебное слово, которое, соединяясь со знаменательным компонентом, служит средством выражения его сочетаемости. В простом предложении (и в словосочетании) таким служебным словом в русском языке является предлог, в сложном — союз. Предлоги чаще оказываются вспомогательным, дополнительным показателем интенции, так как употребляются они чаще с такой словоформой, которая уже имеет формальный показатель интенции (*за садом, по улице*). Однако предлоги могут быть и самостоятельными, основными показателями левой интенции. Это бывает в тех случаях, когда предлог присоединяется к словам с безынтенциальной формой. Так, слова типа *пальто, кафе* не имеют парадигм словоизменения [37, стр. 204], не имеют формального показателя левой интенции. Форма этих слов такова, что взятые сами по себе, вне контекста, подобные существительные не могут иметь какой-либо характеристики их пассивной сочетаемости и представляются лишенными этой сочетаемости. Лишь в сочетании с другими словами, и в частности, с предлогом подобные слова проявляют заложенную в них, как в любом существительном, способность пассивной сочетаемости (*без пальто, к пальто, под пальто* и т. д.). Самостоятельными показателями левой интенции являются предлоги при именах существительных мужского и среднего рода единственного числа, неодушевленных, а также существительных женского рода III склонения, единственного числа в форме винительного падежа, которая в этих существительных совпадает с абсолютной формой именительного падежа. Так, словоформы *лес, море, степь, лошадь* представляют собой абсолютные формы, свидетельствующие о независимости данных словоформ. Употребление же данных словоформ с предлогами лишает их абсолютности и переводит в разряд интенциальных форм (*в море, в степь, в лошадь, в лес*). И единственным показателем левой интенции

оказывается в данном случае предлог. Аналогичный случай мы наблюдаем в сочетаниях *три яблока, четыре яблока*, употребленных с предлогом *по* (*по три яблока, по четыре яблока*), который переводит сочетания с абсолютной формой в группу интенциальных форм.

Следующий тип слов с интенциальными формами составляют слова без формального показателя интенции. К нему относятся следующие группы: наречие как лексико-грамматический класс слов, глагольно-наречная форма — деепричастие, неизменяемые прилагательные (заимствованные слова) *морзе, апплике, хаки, либерти, нетто, брутто, беж, электрик* и др.

Наречие как класс слов характеризуется регулярной зависимостью своей синтаксической функции, «в любом грамматическом единстве оно занимает подчиненное место» [38]. Чем обуславливается постоянное зависимое положение наречия и за счет чего реализуется его левая интенция? «Синтаксические свойства частей речи определяются их значениями», — пишет А. Н. Савченко [39]. Лексико-грамматическое значение наречий как части речи состоит в выражении «признака признака», т. е. признака действия и признака качества.

Для реализации лексико-грамматического значения наречий необходимо их сочетание с глаголами, прилагательными, наречиями же и существительными, чьи признаки оно выражает. Следовательно, зависимость наречия, т. е. наличие в нем обязательной левой интенции, обуславливается его лексико-грамматическим значением. Но наречие не имеет специального аффикса, который выполнял бы функцию связи наречия с другими словами, поэтому мы и относим наречия к группе слов, не имеющих специального формального показателя левой интенции. В данном случае вся структура слова с его суффиксами, восходящими к флексиям косвенных падежей имен, с его префиксами — в прошлом предлогами — служит показателем обязательной пассивной сочетаемости наречия. Следовательно, хотя наречие и не имеет форм словоизменения, однако его морфологическое строение таково, что оно само по себе свидетельствует о зависимом положении наречия, об обязательной пассивной сочетаемости наречия как части речи, что стало одним из существенных признаков данной части речи.

Деепричастие так же, как и наречие, не имея форм словоизменения, обладает постоянной и обязательной пассивной

сочетаемостью, наличие которой обуславливается значением данной глагольной формы, а проявление этой сочетаемости связано с особым морфологическим строением деепричастия, представляющим собой застывшие формы кратких действительных причастий, имевших показатели рода, числа и падежа, т. е. структура деепричастия так же, как и наречия, этимологически содержит показатель левой интенции—прежнюю форму словоизменения.

Однако левая интенция деепричастий имеет специфическую особенность. Наличие единого общего действующего лица для деепричастия и глагола, к которому это деепричастие примыкает, стало непреложным законом употребления деепричастия в современном русском языке. И эта особенность проявления пассивной сочетаемости данной формы дала основание некоторым ученым говорить о двойной зависимости деепричастия: от глагола, с одной стороны, и от имени — подлежащего — с другой. О зависимости деепричастия от подлежащего, одновременной с его зависимостью от глагола, говорит А. В. Исаченко, считая, что наличие «семантико-синтаксической связи с подлежащим» является причиной того, что от безличных (бессубъектных) глаголов нельзя образовать деепричастия [40, стр. 519] (*светает, тошнит*). Связь «между деепричастием и именем (или местоимением) в функции подлежащего, устанавливаемую наряду с прямым подчинением деепричастия личному глаголу в функции сказуемого» обнаруживает И. Распопов, одновременно отмечая, что связь деепричастия с именем — подлежащим — связь особая, «не обозначающая обычного подчинения деепричастия имени» [41].

Чем вызвана эта особенность, свойственная употреблению деепричастий? Очевидно, лексико-грамматическим значением этой формы. Глагол (личный) как часть речи обозначает проявление чего-то в виде данного бытия (например, *читать, бежать, сидеть* — кто-то или что-то должно проявлять себя в этих действиях или состояниях). Отсюда следует, что в самом глаголе заключено указание на некоторое лицо, совершающее действие, обозначенное данным глаголом. Указание на действующее лицо в той или иной глагольной форме может быть достаточно определенным, не нуждающимся в конкретизации (*читаю, читаешь, читаем, читать*) может быть не столь определенным и поэтому нуждающимся в конкретизации за счет имени (*читает, читал*), наконец, действующее лицо может быть представлено в обобщающей неопределенной

форме, не нуждающейся в конкретизации (*читать, бежать*), т. е. характер указания на действующее лицо специфичен у каждой глагольной формы. Следовательно, в самом деепричастии как форме личного глагола также заключено указание на некоторое лицо, совершающее действие (второстепенное), обозначенное данным деепричастием. Особенностью деепричастия в русском языке является то, что оно при сочетании с другой глагольной формой (с личной формой, формой инфинитива и причастия) [42] соотносит свое действие с тем же производителем, с которым соотнесено действие, выраженное поясняемой глагольной формой. Это свойство деепричастия является его морфологическим свойством, свойством внутренним, функционально-семантическим, лежащим в плане содержания.

В силу названного свойства деепричастие не может иметь своего собственного действующего лица, поэтому оно не может устанавливать связь с каким-либо именем. Деепричастие лишь обозначает, что действие его совершается тем же лицом, которое производит действие, переданное той глагольной формой, к которой примыкает деепричастие, независимо от того, выражено ли данное действующее лицо именем или не выражено. Это подтверждается свободным употреблением деепричастия в таких конструкциях: *иду, размахивая руками; он идет, размахивая руками; идти, размахивая руками, некрасиво*. Таким образом, мы не видим достаточных оснований для того, чтобы говорить о наличии двойной зависимости у деепричастия, зависимости от глагольной формы и от имени-агенса. Деепричастие имеет одинарную обязательную левую интенцию, которая реализуется в сочетании с глагольной формой без участия форм словоизменения (деепричастие этих форм не имеет) за счет особого типа связи — примыкания.

Третью группу составляют слова иноязычного происхождения, являющиеся по своей семантике именами прилагательными (*беж, само, хаки, морзе, брутто* и др.). Неизменяемость этих слов в отличие от первых двух групп (наречий и деепричастий) является следствием их иноязычного происхождения [31] и обуславливается их пассивной сочетаемостью происходит без участия особого аффикса словоизменения, постольку эту связь можно характеризовать как связь примыкания, хотя в последнее время появилось стремление рассматривать эти слова как имеющие парадигму склонения, представленную омонимичными формами [31, стр. 103; 37,

стр. 98]. Сочетаемость слов типа *хаки, брутто, электрик* значительно отличается от сочетаемости таких неизменяемых слов иноязычного происхождения как *пальто, какао, депо* и т. п. Особенность эта проявляется, во-первых, в ограниченности их лексической сочетаемости (*вес брутто, нетто, азбука морзе; цвет хаки, беж, электрик* и т. п.), во-вторых, в позиционной закреплённости местоположения: эти слова обязательно находятся в постпозиции относительно господствующего слова. Эта ограниченность использования обуславливается, на наш взгляд, тем, что слова типа *брутто, хаки* и др. не вошли в состав лексики русского языка, используются в нашем языке как чужие слова; слова инородные, в отличие от таких слов как *пальто, какао, кофе* и др., которые получили такую же сочетаемость, как любое существительное русского языка, так как заимствовались нашим языком и вошли в состав его лексики, поэтому, несмотря на отсутствие словоизменительного аффикса, их можно считать словами, имеющими парадигму склонения, представленную омонимичными формами. И с другой стороны, едва ли целесообразно иностранные слова, ещё не вошедшие в состав лексики русского языка и употребляющиеся в нем как чужеродные вкрапления, рассматривать применительно к грамматическому строю языка и пытаться определить их место в системе словоизменения русского языка.

В результате выявленных на основе пассивной сочетаемости особенностей слова в русском языке классифицируются следующим образом:

I. Безинтенциальные (абсолютные) формы, которые делятся на

А. Постоянно абсолютные (что связано с закреплением за ними только одной функции).

Б. Непостоянно абсолютные (что связано с их способностью использования в разных функциях).

II. Интенциальные формы, к которым следует отнести:

А. Слова с формальным показателем интенции.

По участию грамматических категорий в реализации интенции выделяются:

1. Словоформы, у которых при реализации левой интенции участвуют формы категорий числа и лица. К этой группе принадлежат:

а) глаголы 1, 2, 3-го лица изъявительного наклонения, настоящего и будущего времени, б) глаголы повелительного наклонения.

2. Словоформы, у которых в реализации левой интенции участвуют формы категорий числа и рода. К этой группе относятся: а) глаголы прошедшего времени изъявительного наклонения, б) сослагательного наклонения, в) краткие формы прилагательных и причастий.

3. Словоформы, у которых в реализации левой интенции участвуют формы категорий числа, рода, падежа. К этой группе принадлежат: а) полные формы имен прилагательных, б) порядковые числительные и числительное «один», в) полные формы причастий, г) местоименные прилагательные.

4. Словоформы, у которых в реализации левой интенции участвуют формы категории падежа. К этой группе относятся: а) имена существительные, б) количественные и собирательные числительные, в) местоименные существительные.

Б. Слова без формального показателя интенции.

1. Слова, неизменяемость которых составляет сущность их морфологической структуры: а) наречия, б) деепричастия.

2. Слова, неизменяемость которых является следствием их иноязычного происхождения: имена прилагательные.

Л и т е р а т у р а

1. Л. Н. Засорина, В. П. Берков. Понятие валентности в языке. «Вестник Ленинградского ун-та», вып. 2, 1961, № 8, стр. 138.

2. Е. В. Падучева. О способах представления синтаксической структуры предложения. «Вопросы языкознания», 1964, № 2, стр. 99.

3. И. А. Мельчук. Автоматический синтаксический анализ, т. 1. Общие принципы. Внутрисегментный синтаксический анализ. Новосибирск, «Наука», 1964.

4. Л. Н. Иорданская. Автоматический синтаксический анализ, г 2. Межсегментный синтаксический анализ. Новосибирск, «Наука», 1967.

5. Р. Мразек. Синтаксическая дистрибуция глаголов и их классы. «Вопросы языкознания», 1964, № 3, стр. 51.

6. Т. П. Ломтев. Основы синтаксиса современного русского языка. М., Учпедгиз, 1958.

7. А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I. Братислава, Изд-во Словацкой Акад. наук, 1965.

8. В. В. Виноградов. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947.

9. «Современный русский язык» Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. ч. 2. Изд-во Московского ун-та, 1964, стр. 204.

10. Е. В. Кротевич. О связях слов в словосочетании и в предложении. «Русский язык в школе», 1958, № 6.

11. «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис. М., Изд-во АН СССР, 1954.

12. П. В. Чесноков. О формальных классах слов. Доклады вось-

мой научно-теоретической конференции, т. 1. Ростов-на-Дону, 1965, стр. 26 (Таганрогский педагогический ин-т).

13. Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языковедение. Избранные труды, т. 1. М., Учпедгиз, 1951, стр. 158 и др.

14. Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. М., 1919.

15. М. Н. Петерсон. О частях речи в русском языке. В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 177—187.

16. Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., Учпедгиз, 1953.

17. М. М. Гухман. Глагольные аналитические конструкции. В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., Изд-во АН СССР, 1955.

18. В. М. Жирмунский. Об аналитических конструкциях. В сб.: «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., «Наука», 1965.

19. О. П. Суник. О понятиях «аналитическая форма слова и аналитический строй языка». В сб.: «Аналитические конструкции в языках различных типов», стр. 75—76.

20. П. В. Чесноков. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., «Просвещение», 1967, стр. 133.

21. А. И. Смирницкий. Аналитические формы. «Вопросы языкознания», 1956, № 2.

22. В. Н. Ярцева. Об аналитических формах слова. В сб.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963.

23. И. С. Аничков. Об определении слова. В сб.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов».

24. М. М. Гухман. Критерий выделения глагольных аналитических конструкций. В сб.: «Вопросы грамматического строя».

25. М. А. Бородин. Об аналитической морфологии французского языка. В сб.: «Вопросы грамматического строя».

26. Е. С. Скобликова. Согласование и управление как способы синтаксической организации слов. «Филологические науки», 1967, № 4, стр. 84.

27. А. А. Шахматов. «Синтаксис русского языка». Л., Учпедгиз, 1941.

28. Ю. В. Солоницин. Еще к вопросу об определении категории падежа. «Русский язык в школе», 1955, № 6, стр. 2.

29. А. М. Пешковский. «Русский синтаксис в научном освещении». М., Учпедгиз, 1938, стр. 211.

30. М. Ханин. К вопросу о категории падежа имен существительных. «Русский язык в школе», 1958, № 6, стр. 9—11.

31. «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., Изд-во АН СССР, 1965.

32. Е. В. Кротевич. Синтаксические отношения между членами словосочетания и членами предложения. В сб.: «Вопросы русского языкознания», кн. 2. Изд-во Львовского ун-та, 1956.

33. Е. В. Кротевич. О связях слов. Изд-во Львовского ун-та, 1959.

34. М. А. Шапиро. О типах подчинительной связи внутри словосочетания. «Русский язык в школе», 1950, № 2.

35. Л. Д. Чеснокова. К вопросу о морфологическом оформлении однородных членов предложения. Уч. зап. Таганрогского педагогического ин-та, вып. 3. Таганрог, 1957, стр. 53—65.

36. Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. В сб.: «Новое в лингвистике», вып. 1. М., Изд-во иностр. лит., 1960.

37. А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., «Наука», 1967, стр. 48.

38. М. Д. Лесник. К вопросу о примыкании и «падежном примыкании». «Вестник Ленинградского ун-та», вып. 2, 1967, № 8, стр. 109.

39. А. Н. Савченко. Части речи и категории мышления. Изд-во Ростовского ун-та, 1959, стр. 33.

40. А. И. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, ч. 2. Братислава, Изд-во Словацкой Акад. наук, 1960.

41. И. Распопов. О видах и способах конструктивно-синтаксических связей слов. «Русский язык в национальной школе», 1966, № 6, стр. 6.

42. А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., Учпедгиз, 1952, стр. 168—169.

СОЧЕТАЕМОСТЬ МОРФЕМ В ЯЗЫКЕ ЭСПЕРАНТО

Функционирование в течение почти 80 лет вспомогательного международного искусственного языка эсперанто представляет собою, с точки зрения лингвиста, интересный лингвосоциальный эксперимент, помогающий ставить и решать многие проблемы общего языкознания. Весьма интересные выводы можно сделать на материале эсперанто в связи с проблемой сочетаемости значимых единиц языка.

Как и в любом естественном языке, наименьшей значимой единицей в эсперанто является морфема. Однако морфема в эсперанто значительно более самостоятельна, чем в любом другом языке. Во многих словарях представлен по сути дела список эсперантских морфем, а не слов. При этом различия между корневыми и служебными морфемами почти нет. В эсперанто большинство морфем (аффиксов) помимо грамматического значения имеет и лексическое значение, выступая в ряде слов в виде корня.

Так, например, морфема *-et-* обычно соответствует уменьшительным суффиксам русского языка: *tablo*—*стол*, *tableto*—*столик*; *kajero*—*татрадь*, *kajereto*—*тетрадка*; *plumo*—*перо*, *plumeto*—*перышко* и т. д. Но в то же время морфема *-et-* употребляется в качестве корневой морфемы в словах *eta*—*маленький*, *etulo*—*крошка*.

Морфема *-gra-* обычно соответствует русскому префиксу *пра-*: *rgaavo*—*прадед*, *rgatroj*—*праотцы*, *dalekie predki*. Но эта же морфема встречается в качестве корневой в слове *rgaa*—*первобытный*, *nezapamjatnyj*.

Однако ряд морфем языка эсперанто в обычной речи не может занимать места корневой морфемы. Это грамматические показатели существительного, прилагательного и наречия (*-o*, *-a*, *-e*), окончания множественного числа (*-j*), винни-

тельного падежа (-n), глагольные окончания (-i, -u, -us, -as, is, os), суффиксы причастий (-ant-, -int-, -ont-, -at-, -it-, -ot-). Не используются в качестве корневых морфемы -bo- (приставка, означающая родство, приобретенное в результате брака), -ad- (суффикс многократного действия), -cĵ-, -pĵ- (ласкательные суффиксы личных имен), -i-, -iv-, -iz-, -oz- (последние четыре суффикса появились в языке эсперанто в процессе его развития и более других напоминают суффиксы естественных языков), -im- (суффикс с неопределенным значением и ограниченной употребительностью).

Однако следует заметить, что подобные ограничения не заложены в системе языка. В эсперанто существует тенденция к увеличению самостоятельности морфем, ранее не употреблявшихся на месте корня. Так морфема ^а-некогда выступала лишь в значении суффикса. Но довольно быстро стала употребляться в качестве корня ^ааса — *дрянной, паршивый*; асе — *паршиво*.

Вполне возможно допустить, что кто-то из эсперантистов употребит в своей речи новообразование *воа* и это не вызовет затруднений в понимании этого слова другими эсперантистами. Весьма любопытны попытки употреблять в особых условиях на месте корневых морфем даже чисто грамматические элементы. Один из первых поэтов-эсперантистов А. Грабовский писал в стихах о *е'о* (*сущее, всеобщее*). Другой эсперантский поэт Е. Михальский использовал глагольные окончания -is, -as, -os как самостоятельные, полноправные слова, несущие общую идею глагольности. Последние примеры не могут, конечно, быть признаны нормой, образцом литературного языка эсперанто. Им, вероятнее всего, суждено быть вечно свежими индивидуальными новообразованиями. Но сам факт легкости подобных образований свидетельствует о некоторых тенденциях в языке.

Подавляющее большинство эсперантских корней не может составить слово без соединения с морфемами -o, -a, -e или с одним из глагольных окончаний. Исключение составляют служебные слова, несколько непронизводных наречий, оканчивающихся на *au* (*morgau, arepau, baldau* и т. д.), местоимения, количественные числительные, междометия (немногим более 100 морфем).

Особо необходимо остановиться на так называемых «кор-

релятивных» словах, которые во всех словарях эсперанто показываются обычно как одноморфемные. Однако в то же время во всех учебниках подчеркивается их соотносительная, коррелятивная связь и деление их на составные части. Речь идет о том, что вопросительные, указательные, отрицательные и обобщающие местоимения и наречия отличаются от неопределенных местоимений и наречий лишь определенным звуком или (в отрицательных словах) сочетанием звуков.

В коррелятивных словах отчетливо выделяются начальные элементы k -, t -, s -, pep -, общий для всех этих слов элемент $-i$ - и девять различных конечных элементов, из которых $-o$ и $-a$ имеют почти то же самое значение, лишь несколько расширенное, во всех существительных и прилагательных, а $-e$ с наиболее широким значением выступает в качестве показателя производного наречия. Таким образом, любое из 45 коррелятивных слов образуется соединением этих элементов по схеме: $k + i + u = kiu$ (*кто?*); $s + i + e = sie$ (*всюду, повсюду*); $pep + i + om = pepiom$ (*несколько*); $i + u = iu$ (*кто-то, некто*) и т. д.

Большинство эсперантистов-языковедов отказывает этим элементам в праве именоваться морфемами. Основной причиной этого является, очевидно, морфологическая связанность их, ограниченность их употребления в данных 45 словах.

Но четкая закрепленность определенного значения за конкретным звуковым отрезком заставляет причислить этот отрезок к значимым единицам языка — морфемам.

Переходя к остальным «нормальным» морфемам, имеющим свое определенное место в словаре, попробуем выделить типы морфем с точки зрения их сочетаемости. Представляется удобным в основу такой классификации положить три следующих вопроса:

1. Возможно ли употребление данной морфемы в начале двухморфемного слова?
2. Возможно ли употребление данной морфемы в конце двухморфемного слова?
3. Возможно ли употребление данной морфемы в качестве самостоятельного слова?

В соответствии с положительными или отрицательными ответами на эти вопросы все морфемы языка теоретически можно разбить на восемь типов.

Но все ли из этих типов представлены фактически в эспе-

ранто? Рассмотрим каждый из теоретически возможных типов.

К первому типу относятся морфемы, которые могут начинать собою двухморфемное слово, но не могут его заканчивать. Их в эсперанто больше, чем всех остальных, вместе взятых. Сюда относятся все те морфемы, которым в индоевропейских языках соответствуют корневые морфемы существительных, прилагательных, глаголов. Например: *kug-*, *tabl-*, *verd-*, *leg-* (*бег-*, *стол-*, *зелен-*, *чит-*) и многие другие. Сюда же относятся и морфемы, обычно переводимые как приставки, но могущие в эсперанто выступать и в качестве корневых морфем (*eks-*, *fi-*, *ge-*, *dis-* и проч.).

Морфемы второго типа могут употребляться в конце двухморфемных слов, но не могут ни начинать собою слова, ни составлять самостоятельного слова. Сюда относится лишь 9 морфем. Это показатели существительного, прилагательного и производного наречия (-o, -a, -e) и глагольные окончания (-as, -is, -os, -us, -u, -i). Подавляющее большинство двухморфемных слов языка эсперанто представляет собой соединение морфемы первого типа с морфемой второго типа.

Морфемы третьего типа не могут входить в состав двухморфемного слова, а употребляются лишь самостоятельно. Границы морфем этого типа представляются весьма смутно, ибо в ходе эволюции языка многие из морфем этого типа стремятся перейти в пятый тип. Все же более или менее уверенно можно говорить о принадлежности к третьему типу морфем -au-, -ja-, -je-, -la-, -lau-, -nek-, -ol- и других.

Четвертый тип (морфемы, которые могут употребляться самостоятельно и в конце двухморфемного слова, но не в начале его) в эсперанто практически отсутствует, если не считать отмеченных выше попыток Е. Михальского употреблять в качестве отдельных слов морфемы -as, -is, -os и слов *antaŭ*, *pli*, *plej*, допускающих соединение с приставкой *mal-*.

Морфемы пятого типа не могут находиться в конце двухморфемного слова, но могут употребляться как самостоятельно, так и в начале двухморфемного слова. К этому типу принадлежит около ста морфем (все те морфемы, о которых говорилось в начале статьи, за вычетом морфем третьего и седьмого типа), например: *mi*, *ili*, *kontraŭ*, *jes*, и т. д. (ср. *mia*, *ilia*, *kontraŭe*, *jesi* и т. п.). Хотя морфем данного типа немного, но слова, состоящие из них или включающие их, на-

столько употребительны, что без них трудно представить самый незначительный по размерам отрезок речи.

Шестой тип (морфемы, употребляемые как в начале, так и в конце двухморфемного слова, но не могущие составлять одноморфемного слова) — абстрактно возможный — в эсперанто отсутствует.

Морфемы седьмого типа встречаются как в одноморфемном, и так и в двухморфемном словах (как в начале, так и в конце его). Наличие таких морфем в эсперанто следует признать лишь в том случае, если составные числительные *dek*, *upi*, *dek*, *du* (*одинадцать*, *двенадцать*) вопреки орфографической практике большинства эсперантских изданий считать словами, а не сочетаниями слов. Тогда морфемы *dek-* и *cent-* следует отнести к данному типу слов, ибо возможны *dek du* и *dudek*, *cent tri* и *trisent* (*двенадцать и двадцать*, *сто три и триста*). К восьмому типу относятся морфемы, которые не могут употребляться ни в одноморфемном, ни в двухморфемном словах. Этот тип немногочислен, но включает весьма разнообразные явления.

Так, только в слове, состоящем из трех и более морфем, встречаются морфемы *-j*, *-n* (показатели множественного числа и так называемого винительного падежа): *libr-o-j*, *simil-a-j*, *voj-a-n* *tag-o-n*, *verd-a-j-n* *foli-o-j-n* и т. д.

В причастиях с суффиксами *-ant-*, *-int-*, *-ont-*, *-at-*, *-it-*, *-ot-* также должно быть не менее трех морфем (*leg-it-a*, *far-ant-u* и т. д.).

Сюда же относятся суффиксы и приставки, которые не могут быть корневыми морфемами (о них речь шла выше).

Итак, из теоретически возможных восьми типов морфем, выделяемых по трем указанным признакам, в эсперанто фактически существуют лишь первый, второй, третий, пятый, восьмой. Из них в составе двухморфемного слова встречаются лишь первый, второй и пятый типы (возможные схемы строения слов $1 + 2$ и $5 + 2$). Следовательно, в пределах двухморфемного слова проблема сочетаемости морфем сводится к тому, с какими из морфем второго типа сочетаются те или иные морфемы первого и пятого типов. (Исключение, разумеется, составляют морфемы *dek-*, *cent-*, *pli-*, *plej-*, *antaui* и их ограниченные сочетания).

При этом, если какая-то морфема первого (пятого) типа образует слово в сочетании с одной из глагольных морфем второго типа, то она может сочетаться и с любой другой из

морфем этой группы (-as, -is, -os, -us, -u, -i). Поэтому дальше будем говорить о глагольном окончании вообще или о морфеме -i для обозначения данного ряда морфем.

Теоретически любой корень в эсперанто может сочетаться и с -o, и с -a, и с -e, и с глагольным окончанием: praktik-o, -a, -e, -i, agoni-o, -a, -e, -i, atent-o, -a, -e, -i, ribel-o, -a, -e, -i, sop-o, -a, -e, -i, muzik-o, -a, -e, -i.

Но в реальной практике от большинства корней нельзя образовать слова всех четырех категорий. При этом выясняется, что многие корни употребляются чаще всего с каким-то определенным грамматическим показателем, т. е. сам корень в значительной степени предсказывает грамматический показатель, с которым он сочетается.

Так, встречая корневые морфемы kolomb-, siring-, diamant-, krajon-, мы прежде всего подумаем о словах kolombo (*голубь*), siringo (*сирень*), diamanto (*алмаз*), krajono (*карандаш*). Слова же kolomba (*голубиный*), diamanta (*алмазный*) и т. д. воспринимаются как производные от существительных.

Когда же мы встречаем корневые морфемы bel- или verd-, мы думаем прежде всего о словах *красивый* или *зеленый*, а не о *красоте* и *зелени*. При сравнении слов elekt-i и elekto (*выбирать и выбор*), riki и riko (*колоть и укол*) существительные для сознания носителя языка кажутся производными от глаголов, а не наоборот. В то же время, скажем, трудно представить, что означали бы глаголы kolombi, siringi, krajoni. Не так легко представить себе и реальный смысл существительных foso (fosi — *копать, рыть*), pentro (pentri — *рисовать, писать красками*).

Если в слове, состоящем из двух морфем, проблема сочетаемости в большинстве случаев сводится лишь к вопросу о том, с какой из четырех основных морфем второго типа сочетается данная морфема первого или пятого типа, то в слове, состоящем более чем из двух морфем, вопрос о сочетаемости морфем неизмеримо сложнее.

В многоморфемном слове две соседних морфемы могут принадлежать к одному и тому же типу или к разным типам. Так, соседними могут оказаться две морфемы первого типа, например: te-kuler-o (*чайная ложка*), mez-erok-o (*средневековье*), varog-sip-o (*пароход*) и т. п. В большинстве сложных слов между морфемами устанавливаются отношения атрибутивности, причем определяющая морфема предшествует определяемой. Поэтому в таких словах морфемы нельзя пере-

ставить местами. Скажем, *ped-benk-o* означает *скамейка для ног*, а *benk-ped-o* — *ножка скамейки*. Иногда подобная пере-
становка двух корней возможна. Так, русское слово *тысяче-*
летие переводится на эсперанто и как *miljago* и как *jarmilo*.

Основным фактором, определяющим сочетаемость корней первого типа внутри многоморфемного слова, следует при-
знать логическую сочетаемость — несочетаемость понятий,
стоящих за той или другой морфемой.

Важным фактором является также традиция. Именно
традиция является причиной того, что слово *markolo* (бук-
вально *морская шея, шея моря*) переводится *пролив*, *supergjago*
(буквально *сверхход*) — *високосный год*, *terpoto* (букваль-
но *земляное яблоко*) — *картофель*.

Морфемы, принадлежащие ко второму типу, не могут со-
четаться друг с другом в пределах одного слова.

Что касается морфем пятого типа, то они могут оказаться
рядом в пределах многоморфемного слова, но в таких случа-
ях они сочетаются не друг с другом непосредственно, а одна
из морфем пятого типа сочетается с производной основой,
уже включающей в свой состав другую морфему того же
типа.

Ср., например, *sen-el-igejo* (*тупик*), *ne-el-cerp-eb1-a* (*не-*
исчерпаемый) и т. д.

Среди морфем восьмого типа часто сочетаются между со-
бой морфемы *-j* и *-n* (всегда, когда речь идет о нескольких
объектах действия, выраженного переходным глаголом). Ис-
ключена возможность сочетания друг с другом однородных
морфем (суффиксы причастий, уменьшительные суффиксы
личных имен, суффиксы *-i-*, *-iv-*, *-iz-*, *-oz-*, *-um-*). Зато вполне
возможно сочетание некоторых суффиксов последней под-
группы с суффиксом причастия: *galvan-iz-it-a*, *plen-um-int-a*.

Значительно более разнообразны в многоморфемном
слове сочетания морфем разных типов. При этом возникают про-
блемы, не менее сложные, чем при сочетании морфем первого
и второго типов в пределах двухморфемного слова. Так, мор-
фемы пятого типа могут сочетаться преимущественно с ка-
кой-то одной морфемой второго типа: например, *-ig-*, *-ig-*
сочетаются преимущественно с глагольными окончаниями;
-ist-, *-an-*, *-ism-*, *-in-*, *-ul-* с *-o*; *-em-*, *-eb1-*, *-ind-*, *-end-* с *-a*, а
суффиксы *-et-*, *-eg-* сочетаются с любым окончанием. В подоб-

ных случаях с еще большим основанием можно говорить о грамматическом характере морфем.

В пределах трехморфемного слова типа 1 + 5 + 2 выбор морфемы второго типа может предопределяться преимущественно морфемой первого или пятого типа. Так, в слове *leg-ind-a* окончание предопределено суффиксом, в слове *dogm-et-i* окончание выбирается корнем (морфемой первого типа). В тех случаях, когда суффикс имеет ярко выраженную избирательность, его выбор оказывается для слова более важным. Это вполне естественно, ибо часто само значение суффикса предполагает не только определенную морфему второго типа, но и характер морфемы первого типа. К примеру, суффикс *-et-* означает склонность к какому-то действию. Тем самым морфема *-et-* в значительной мере предсказывает появление в качестве корня такой морфемы первого типа, которая в двухморфемном слове преимущественно сочетается с глагольным окончанием, а в качестве окончания — морфемы *-a*.

Иногда в многоморфемном слове некоторые из морфем оказываются избыточными и могут быть устранены из слова без искажения его значения. В связи с этим в языке эсперанто наблюдается постепенный процесс освобождения от некоторых неудачно образованных многоморфемных слов начального периода развития эсперанто. Так, русскому слову *песня* в языке эсперанто в начальный период его развития соответствовало слово *kant-aj-o*, в настоящее время его вытеснило слово *kant-o*. Упростились слова *babel[em]ulo*, *sendorm[ec]o*, *geni[ul]o*, *grotesk[aj]o*, *improviz[it]e*, *koncentr[ig]i*, *manovr[ad]o*, *amazon[in]o*, и т. п. (В скобках — избыточная морфема, устраненная в процессе развития языка).

Подобное снятие сочетаемости происходит обычно в том случае, когда, во-первых, сочетание сохраняющихся морфем достаточно полно передает смысл соответствующего понятия и когда, во-вторых, отсутствует опасность смешения его с близким понятием. Невозможно поэтому опущение суффиксов в словах *повесо* (*новизна*) и *поважо* (*новость*). Впрочем, в словах менее употребительных даже подобная опасность смешения близких понятий не останавливает процесса устранения менее существенных морфем. Так, слово *fermento* употребляется как в значении *фермент*, *бродило*, так и в значении *брожение*. Но если возникает необходимость уточнения поня-

тия, -стоящего за словом fermento, эсперантист всегда имеет возможность воспользоваться более точными словами fermentilo и fermentado.

Эсперанто — язык искусственный. Поэтому логические факторы в нем играют значительно большую роль, чем в естественных языках. Но эсперанто в то же время — язык живого общения. Это приводит в ряде случаев к нарушению логики, к исключениям. К числу таких исключений в сочетаниях морфем следует отнести post-e-ul-o (*потомок*), где морфема -e- занимает весьма необычное место между двумя морфемами пятого типа. К тому же она здесь явно излишняя. Зачем же она? Появление ее в данном слове вызвано стремлением избежать омонимии с двухморфемным словом postul-o (*требование*).

Большое значение имеет также, как указывалось, традиция, причем не всегда легко выяснить, родилась ли эта традиция в эсперанто, или она является продолжением традиции индоевропейских языков. Так, местоимения kio, tio, [^]cio, nenio не сочетаются с морфемой -j (иными словами, не имеют множественного числа). Скорее всего это отражение того факта, что в большинстве индоевропейских языков соответствующие местоимения не имеют множественного числа.

Вопросы сочетаемости морфем в языке эсперанто в той или иной мере перекликаются со многими теоретическими проблемами общего языкознания и частных лингвистик. Именно поэтому представляется очень важным их дальнейшее изучение.

В. В. Коркишко

СОЧЕТАЕМОСТЬ КАК ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО

**(На материале сочетаний различных слов с инфинитивом
в современном английском языке)**

Сочетаемость нужно понимать не только как способность языковых единиц вступать в те или иные отношения друг с другом, но и как языковое выразительное средство. Однако эта сторона проблемы сочетаемости слов изучена еще слабо.

В предлагаемой работе рассматриваются наиболее часто встречающиеся глагольно-инфинитивные сочетания, сочетания инфинитива с именными частями речи и другими неличными формами глагола с целью выявления результатов действия самой языковой сочетаемости.

Изучение таких сочетаний показывает, что в современном английском языке существуют неопределенные и перфектные формы инфинитива. Под неопределенными формами инфинитива мы понимаем такие простые формы инфинитива, которые выражают грамматические значения одновременности, предшествования и последующего действия по отношению к действию глагола-сказуемого; не изменяя своей морфологической формы. Если временной план инфинитива не обозначен, инфинитив выражает значение неопределенного соотношения действия с действием личной формы глагола. Неопределенные формы инфинитива в действительном залоге (в меньшей степени в страдательном залоге) аналогично неопределенным формам герундия имеют широкий диапазон грамматических значений и употребляются в большем числе функций по сравнению с перфектными формами инфинитива.

Сложность проблемы сочетаемости инфинитива как языкового выразительного средства объясняется тем, что нет единого мнения в определении грамматических категорий основных форм инфинитива — простых, длительных и перфектных. Спорным является вопрос, обладают ли эти формы категорией вида, времени или категорией временной соотнесенности. Мы придерживаемся точки зрения тех лингвистов, которые считают, что инфинитив (так же, как причастие и герундий) обладает категорией временной соотнесенности. Поэтому время действия, выраженное в простой и перфектной форме, может характеризоваться не само по себе, а лишь в отношении к времени действия личной формы глагола (или к времени действия других неличных форм — при сочетании инфинитива с другими неличными формами глагола). Исключения составляют сочетания инфинитива с модальными глаголами.

Если модальный (или близкий ему) глагол сочетается с простым или перфектным инфинитивом, то от характера инфинитива зависит значение модального глагола и внешнее отношение его содержания. От сочетаемости личных форм глаголов и инфинитива, а также от их семантики зависит временное отношение между действиями, названными личной формой и инфинитивом и выполняемая инфинитивом функция.

Проанализируем следующие примеры: *Nearly sixty when I first knew him, he must have written already some fifteen books...* (Galsworthy J. Acme. *Modern English Short Stories*); *She might have planned to murder Miss Dunbar...* (Doyle A. *The Problem of Thor Bridge*); *Perhaps he ought not to have answered her like that* (Joyce J. *The Dead*), сравнив их с примерами: *He must make a personal reform in all things...* (London J. *Martin Eden*); *A vulgar Age wants vulgar amusement, and if we can give it that amusement, we ought to* (Galsworthy J. Acme).

Из этих примеров видно, что в зависимости от того, сочетается ли модальный глагол с перфектным или простым инфинитивом, видоизменяется лексическое значение модального глагола. Когда модальные глаголы сочетаются с перфектным инфинитивом, они выражают предположение об осуществлении какого-либо действия, сомнение о возможности его совершения. Если модальный глагол сочетается с инфинитивом простым, то он выражает значение долженствования, значение *мочь, быть в состоянии что-либо сделать*. Чтобы уста-

новить зависимость временных отношений и функций инфинитива, а также внешнего отношения содержания модального глагола от сочетаемости личных форм глагола и инфинитива в рассматриваемой конструкции, сопоставим два примера: It couldn't have been necessary (Mansfield K. The 'Daughters of the Late Colonel.); She can't pay more than a dollar... (Maugham S. Rain.).

Простое предложение It couldn't have been necessary может быть примерно заменено сложноподчиненным предложением I don't believe that it has been necessary. It... have been necessary — сочетание инфинитива приближающееся синтаксически к обороту с традиционным названием «именительный падеж с инфинитивом» [1]. I — является потенциальным субъектом модального глагола couldn't; don't believe — примерный смысловой эквивалент глагола couldn't (*не может быть*), который выражает отношение автора к высказыванию о состоянии факта, названного подлежащим it; it has been necessary — часть трансформированного предложения, которая, как видно, приравнивается синтаксически к словосочетанию it ...have been necessary. Данное сочетание выполняет функцию, приближающуюся к функции сложного подлежащего, где have been necessary является его частью.

Вполне очевидно, что если инфинитив представлен перфектной формой: ...he must have written... (...он должно быть написал... — смотри также приведенный выше пример при сочетании модального глагола could с перфектной формой инфинитива), то при сочетании с модальным глаголом он выражает грамматическое значение предшествования по отношению к личной форме глагола. В сочетаниях модальных глаголов с перфектным инфинитивом модальный глагол выражает отношение говорящего ко всему высказыванию с точки зрения его соответствия действительности. Причем такое отношение говорящего лица выступает как характеристика лица, названного подлежащим. Необходимо отметить, что в ряде случаев (например, при сочетании модального глагола с простым инфинитивом в длительной форме: Thinking he must be acting (Bates H. A Comical Actor), модальный глагол также выражает отношение автора к высказыванию о действии подлежащего, а не отношение лица, выраженного подлежащим, к действию, названному инфинитивом. Такова зависимость внешнего отношения содержания модального глагола от характера инфинитива.

В рассматриваемой конструкции при сочетании простого

инфинитива в форме длительного вида с модальным глаголом инфинитив выражает грамматическое значение одновременности действия по отношению к личной форме глагола.

При сочетании модального глагола с простым инфинитивом: ...he must make... (London J. Martin Eden), (он должен совершить... — смотри также приведенный выше пример, в котором модальный глагол *can* сочетается с простой формой инфинитива) модальный глагол выражает отношение лица, названного подлежащим, к действию, выраженному инфинитивом. Модальный глагол и простой инфинитив в рассматриваемом примере имеют один и тот же субъект действия и образуют в этом случае составное глагольное сказуемое. Временной план инфинитива в этой конструкции неопределен.

Теперь посмотрим, какие отношения выявляются благодаря сочетаемости в случае, если инфинитив примыкает к личной форме глагола *to be*. ...the boat for San Francisco was to arrive from Sydney (Maugham S. Rain); ...her desire was to re-thumb the clay of him... (London J. Martin Eden). На формирование временных отношений при сочетании личной формы глагола *to be* и простого инфинитива не оказывают влияния ни семантика инфинитива или его форма, ни семантика личной формы глагола. Семантика личной формы глагола *to be* с лексическим значением бытия, или долженствования влияет на приобретение инфинитивом той или иной синтаксической характеристики. Вполне очевидно, что сочетание простого инфинитива с *to be* в первом примере несет модальный оттенок (долженствования). Во втором примере модальное значение отсутствует.

Переход от модального значения личной формы глагола к немодальному при сочетании с инфинитивом ведет к изменению типа сказуемого, к изменению синтаксической функции инфинитива.

Мы рассмотрели зависимость временных отношений, функций инфинитива, а также внешнее отношение модального глагола при сочетании инфинитива с модальными глаголами, а также с глаголом *to be*.

Посмотрим на зависимость данных отношений от сочетаемости простого инфинитива с глаголами с видовым значением, с лексическим значением желания, намерения, попытки совершения действия со значением нравиться, любить, чувствовать, т. е. с глаголами, которые в данном случае являются переходными.

Рассмотрим примеры: The old delightful condition began to

be induced (London J. Martin Eden); I try to catch the words of their song and just manage to make out the general sense... (Shaw B. Cannonfodder); ...and did not intend to meet them again (Huxley A. Fard); He wanted to tire himself... (Galsworthy J. Acme).

Если при сочетании с модальными глаголами инфинитив имеет как простую, так и перфектную форму выражения, то при переходе от личной формы глагола с модальным значением к немодальному глаголу инфинитив характеризуется только однозначной (простой) формой.

В рассматриваемом сочетании характер инфинитива не влияет на выражение временного плана инфинитива, а также на лексическое значение личной формы глагола.

Из примеров видно, что временной план при сочетании простой формы инфинитива с личной формой глагола зависит от семантики личной формы глагола. Семантика же личных форм глагола такова, что они сами по себе не имеют законченного смысла и поэтому только в сочетании с инфинитивом (главным компонентом сочетания) представляют смысловое и синтаксическое целое. В инфинитивных сочетаниях подобного типа временное грамматическое значение инфинитива неопределенно, так как нет противопоставления действия инфинитива другому действию во временном плане.

Личная форма глагола (служебная) и простой инфинитив образуют сложную глагольную форму — составное глагольное сказуемое. Следовательно, в данном сочетании семантика личной формы глагола влияет также на формирование типа сказуемого, обуславливая выполнение инфинитивом функции части составного глагольного сказуемого. В этой структурной модели субъектом действия инфинитива и личной формы глагола выступает лицо (или предмет), названное подлежащим предложения. Интересно отметить, что в рассматриваемом сочетании особенно рельефно выявляется выражение залоговых значений инфинитива: инфинитив обычно употребляется в действительном залоге. (Исключения составляют случаи, когда инфинитив сочетается с личными формами глаголов: want, begin, used to).

А теперь проследим связь сочетаемости с выражением синтаксической функции и грамматического значения инфинитива при сочетании последнего с переходными глаголами с определенной семантикой: He heard her go into Mrs. Davidson's room (Maugham S. Rain); ...even he wanted me to put them on... (Joyce J. The Dead); The Governor has ordered

her to be deported by the first boat... (Maugham S. Rain).

После личных форм глагола с лексическим значением чувственного восприятия следует инфинитив (или герундий), который выполняет функцию части сложного дополнения.

То же самое наблюдается при сочетании инфинитива с глаголами, выражающими желание или нежелание, если это желание (нежелание) касается не действия, совершаемого лицом, которое названо подлежащим, а действия иного лица, наименование которого сочетается с инфинитивом.

После глаголов с лексическим значением приказа, побуждения к действию, со значением эмоционального отношения к действию, предположения инфинитив также употребляется в функции части сложного дополнения.

Как показывает анализ, после личных форм глагола, с лексическим значением *случаться, сообщать, казаться, объявлять, полагать, знать, считать* следует инфинитив, который является частью сложного подлежащего: It happened to be a slack time... (Galsworthy J. Acme); ...who is reported to have said... (Joyce J. The Dead); He is sure to come back (Doyle A. The Problem of Thor Bridge); It seemed to reveal to her... (London J. Martin Eden).

Инфинитив в функции обстоятельства цели, как правило, следует после глаголов с лексическим значением движения, совершения целенаправленного действия: I came here to see how you were (Maugham S. Rain); The officer rose a little... to look (Lawrence D. The Prussian Officer).

Временной план инфинитива также связан с наличием лексических групп слов с определенной семантикой, с которыми инфинитив сочетается: He saw Megan stop and lean against the sea-wall... (Galsworthy J. The Apple Tree); They heard Davidson come up the stairs (Maugham S. Rain); ...and he felt the strength come over his body (Lawrence D. The Prussian Officer).

В этих примерах после глаголов с лексическим значением чувственного восприятия следует инфинитив (или герундий) в простой форме, выражая грамматическое значение одновременности действия по отношению к действию личной формы глагола.

Далее рассмотрим следующие примеры: Mary Swainson runs into the garden next door to pick the 'chrysanthms' before they are ruined (Mansfield K. The Daughters of the Late Colonel); She shut her eyes to make sure (Mansfield K. The Daughters of the Late Colonel).

Здесь говорящего интересует не то, что героиня вбегает в сад с тем, чтобы *одновременно сорвать хризантемы* (первый пример), не то, что она закрыла глаза с тем, чтобы *одновременно быть уверенным* (второй пример), а то, для чего совершается действие, выраженное личной формой глагола. Семантика личной формы глагола, с которым сочетается инфинитив, такова, что инфинитив выражает обстоятельственные отношения (цели), нейтрализующие временные. Инфинитив в анализируемой конструкции имеет простую форму выражения.

Момент представления процесса как предмета становится первичным, главным, т. е. значение процесса «осложнено значением предметности...» [2]. На первый план в этом случае выступают именные, а не глагольные черты инфинитива и его время неопределенно.

Важным моментом при определении морфологических категорий инфинитива, его синтаксической функции является также его сочетаемость с той или иной частью речи. Сочетание инфинитива с именными частями речи, категории состояния, момент представления процесса как предмета весьма отчетливо выступают на передний план: *They did not know which way to look (M a u g h a m S. Rain); Those bold black eyes had nothing to offer (L o n d o n J. Martin Eden); He was afraid to look at the eyes (L a w r e n c e D. The Prussian Officer).*

При взаимодействии инфинитива с именными частями речи, а также словами категории состояния налицо одно действие, которое приближается к действию отлагательного существительного. Временной план инфинитива в рассматриваемой конструкции неопределен. При сочетании инфинитива с личными формами глагола взаимодействуют два разных действия, представленные глагольными формами, которые противопоставляются или соотносятся во временном плане: *But he managed to get through... (L a w r e n c e D. The Prussian Officer).* (Исключение составляют сочетания инфинитива с глаголами с видовым и другими значениями, о чем говорить выше).

Инфинитив, сочетаясь с именной частью речи, а также словами категории состояния, выступает в функции определения или функции дополнения. Из сказанного следует, что семантика именных частей речи, семантика слов категории состояния, простая форма инфинитива в рассматриваемой конструкции влияют на формирование временного плана и синтаксической функции инфинитива.

Инфинитив довольно часто сочетается с составным именным сказуемым, именная часть которого может выражаться различными частями речи.

Для того, чтобы определить зависимость временного плана инфинитива и его синтаксической функции от сочетаемости инфинитива с прилагательным в такой структурной модели, необходимо установить отношения между компонентами словосочетания, состоящего из именного сказуемого и инфинитива. Допустим, что в предложении: ... he was liable to be called at any time... (M a u g h a m S. Rain) главным членом сочетания was liable to be called является слово was. Тогда бы выражение was... to be called представляло составное глагольное сказуемое и инфинитив являлся бы его составной частью. Но такое положение недопустимо, ибо смысл всего предложения в случае отсутствия прилагательного liable в корне меняется. Поэтому минимальной структурой, обязательным словосочетанием, в которое входит и простой инфинитив (в нашем примере в форме страдательного залога), является словосочетание was + liable + инфинитив. В нем основной задачей простого инфинитива является не отнесение называемого им действия ко времени, а выражение действия как такового. Поэтому на передний план выступают не глагольные, а именные черты инфинитива, в связи с чем инфинитив связывается непосредственно с прилагательным, которое и выступает как главный компонент конструкции. Следовательно, такие сочетания правомерно отнести к сочетаниям инфинитива с именными частями речи.

Как уже отмечалось, инфинитив при сочетании с прилагательным обычно выполняет функцию дополнения. Если же прилагательное имеет пояснение, выраженное наречием (too, enough), то в этом случае инфинитив, примыкая к прилагательному, выполняет функцию обстоятельства исключенного следствия: He was too young to know better... (L o n d o n J. Martin Eden).

Если к составному именному сказуемому примыкает совершенный инфинитив, то он оказывается связанным не с самим по себе именем, а с сочетанием имени и глагола-связки: I'm glad to have seen you (D r e i s e r Th. The Financier).

Это обуславливается взаимодействием совершенной формы инфинитива и именного сказуемого. Поскольку совершенный инфинитив всегда выражает значение предшествования, постольку он должен непосредственно примыкать к такому языковому построению, которое так или иначе выражает от-

несение действия или состояния ко времени. В рассматриваемой конструкции таким построением может быть лишь сочетание связки и именной части в целом, которое под влиянием перфектного инфинитива как бы оглаголивается. (Словосочетание *to be + glad* мы называем «оглаголенным» с той точки зрения, что это словосочетание обозначает состояние, по отношению которого перфектный инфинитив выражает грамматическое значение предшествования. Данное словосочетание приближается к фразеологическому).

Поэтому конструкцию типа «*to be + имя + перфектный инфинитив*» правомерно отнести не к инфинитивно-именным, а к инфинитивно-глагольным сочетаниям. С подобным явлением мы встречались и в сочетаниях «глагол *to be + имя + + перфектный герундий*» [3].

К рассматриваемому типу структурной модели, в которой перфектный инфинитив сочетается с оглаголенным словосочетанием, приближается структурная модель типа: *Dr. Mansfield hardly knew why he had made up his mind to appeal to the governor* (Mansfield K. *The Wind Blows*).

В этой модели инфинитив имеет простую (неперфектную) форму. Сочетание *made up* не отделимо от слова *mind*, поэтому инфинитив объединяется в одну минимальную структуру с целым фразеологическим словосочетанием. В нашем примере под влиянием контекста инфинитив выражает грамматическое значение последующего действия по отношению к действию оглаголенного (фразеологического) словосочетания. При этом инфинитив выполняет функцию дополнения. Субъектом действия инфинитива является лицо, названное подлежащим предложения.

В предложениях: *Madame had much better go to bed* (Huxley A. *Fard*); ... *this woman has to be cleared, and it's up to you to do it* (Doyle A. *The Problem of Thor Bridge*) инфинитив примыкает к фразеологическим словосочетаниям *had better, to be up to*, выполняя функцию дополнения. Здесь инфинитив также приобретает грамматическое значение последующего действия по отношению к действию фразеологического словосочетания. Субъектом действия инфинитива является лицо, названное подлежащим предложения.

Итак, в конструкциях, в которых простой инфинитив сочетается с именной частью речи, взаимодействие имени и простой формы инфинитива является определяющим фактором среди условий, выдвигающих на передний план именные свойства инфинитива и вызывающих неопределенность

его временного значения. При сочетании с перфектным инфинитивом конструкция «to be (или другая личная форма связочного глагола) + имя» оглаголивается в связи с тем, что перфектный инфинитив относится не к одному из компонентов этой конструкции (что имеет место при сочетании простого инфинитива с именем), а ко всей конструкции в целом.

У перфектного инфинитива на передний план выдвигаются глагольные свойства, благодаря чему перфектный инфинитив довольно четко выражает грамматическое значение временной соотнесенности, а именно предшествование по отношению к другому действию.

Если же инфинитив примыкает к фразеологическому сочетанию, то характер как простого, так и перфектного инфинитива соответствует глагольному содержанию сочетания слов, с которым связан инфинитив.

Из этого следует, что в данной конструкции семантическое и синтаксическое целое фразеологическое сочетание, к которому примыкает инфинитив, и характер инфинитива (простого и перфектного) как бы «равноправны» при оформлении временного плана инфинитива.

Сочетаемость той или иной формы инфинитива (простой или перфектной) с другими неличными формами глагола является определяющим фактором при выражении временной соотнесенности и синтаксической функции: *Trying to get down from the horse, he fell...* (Lawrence D. The Prussian Officer); *... but he is cynically egging on the others by pretending to be as wild as they* (Shaw B. Cannonfodder).

При простой форме инфинитива выражается грамматическое значение одновременности действия инфинитива с действием, выраженным другой неличной формой глагола. Естественно, что при употреблении перфектной формы инфинитива последний обозначает предшествование действия по отношению к другому действию.

Весьма отчетливо выступает связь сочетаемости инфинитива с выражением функции инфинитива при его взаимодействии с другими неличными формами глагола. Сочетаясь с другими неличными формами глагола, инфинитив выступает в функции дополнения.

Взаимодействие инфинитива со вспомогательными глаголами, полностью потерявшими лексическое значение, таково, что он лишается самостоятельной синтаксической функции и грамматического значения временной соотнесенности, напри-

мер: And the people and the inn here laugh and say they don't believe he will ever die (Chesterton G. The Worst Crime in the World). Глаголы will, do утратили свое лексическое значение и служат для образования аналитической формы смыслового глагола, который выступает в роли простого, а не составного сказуемого. Сочетание «вспомогательный глагол + инфинитив смыслового глагола» выражает одно действие и, следовательно, сам по себе инфинитив не называет особого действия, которое соотносилось бы с другим. Поэтому временной план формы инфинитива смыслового глагола в рассматриваемой конструкции неопределенен.

Довольно четко проявляется связь сочетаемости инфинитива с его семантикой, с выражением временного плана и выполняемой им функцией, в случае если инфинитив перестает зависеть от других слов и, наоборот, другие слова начинают пояснять его. Например: ...to imagine Megan clothed in it was beyond him (Galsworthy J. The apple Tree); It's early to go... (Maugham S. Rain).

В приведенных предложениях характер простой формы инфинитива, его семантика таковы, что он выражает действие как предмет, а не как процесс. Значение инфинитива приближается к значению отглагольного существительного, которое называет действие вне конкретного времени. Поэтому временной план инфинитива неопределенен. В рассматриваемой конструкции на передний план выступают именные, а не глагольные черты инфинитива, который выполняет в предложении функцию подлежащего.

Таким образом, подытоживая сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. В зависимости от сочетаемости модальных глаголов с простым или перфектным инфинитивом выявляются различные значения этих глаголов, различные внешние отношения их содержания.

2. Благодаря сочетанию простого или перфектного инфинитива с модальными глаголами выявляются грамматические значения одновременности или предшествования действия инфинитива.

3. Переход от модального значения личной формы глагола к немодальному влияет на формирование морфологических и синтаксических характеристик инфинитива.

Если инфинитив сочетается с глаголами, имеющими видное или другое немодальное значение, то семантика личной формы глагола помогает в формировании временного плана

и функций инфинитива, в определении субъекта действия инфинитива.

4. Важным фактором при определении морфологических категорий инфинитива, его синтаксических функций является его сочетаемость с той или иной частью речи:

а) в конструкциях, в которых простой инфинитив сочетается с именной частью речи, взаимодействие имени и простой формы инфинитива является определяющим фактором среди условий, выдвигающих на передний план именные свойства инфинитива и вызывающих неопределенность его временного значения;

б) при сочетании с перфектным инфинитивом конструкция «to be (или другая личная форма связочного глагола) + имя» оглаголивается в связи с тем, что перфектный инфинитив относится не к одному из компонентов этой конструкции, что имеет место при сочетании простого инфинитива с именем, а ко всей конструкции в целом;

в) если же инфинитив примыкает к фразеологическому сочетанию, то характер как простого, так и перфектного инфинитива соответствует глагольному содержанию сочетания слов, с которым связан инфинитив.

В данной конструкции семантическое и синтаксическое целое фразеологического сочетания и характер инфинитива (простого или перфектного) как бы «равноправны» при определении временного плана инфинитива.

5. Отчетливо проявляется связь сочетаемости инфинитива с его семантикой, с выражением временного плана и выполняемой им функцией тогда, когда инфинитив выступает в независимой позиции. В этом случае значение инфинитива приближается к значению отглагольных существительных, которые называют действия вне конкретного времени. И поэтому временной план инфинитива оказывается неопределенным.

Из сказанного следует, что сочетаемость может рассматриваться не только как результат активности различных языковых средств, но и как языковое выразительное средство.

Литература

1. К. Н. Качалова, Е. Е. Израилевич. Практическая грамматика английского языка. М., Внешторгиздат, 1957, стр. 315.
2. А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., Издво литературы на иностранных языках, 1959, стр. 248.
3. В. В. Коркишко. Морфологические категории герундия в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., Облполиграфиздат Управления культуры, 1963, стр. 16.

**О ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ
ЗНАЧЕНИЙ НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ
И ЛОГИЧЕСКИХ КОНСТАНТ**

Сочетаемость синтаксических единиц не только обуславливает те или иные языковые факты, не только создает определенные характеристики самих сочетающихся единиц, но и оказывает влияние на экстралингвистические сферы, в частности, на область логических построений.

Известно, какую большую роль в процессе логических выводов играют так называемые константы (логические постоянные), концентрирующие в себе наиболее общие отношения между мыслями. Но само возникновение констант оказалось возможным лишь благодаря многократному повторению в течение долгих веков таких сочетаний самых различных предложений, которые соединяли содержание этих предложений одними и теми же смысловыми отношениями.

В конце концов эти отношения стали настолько обыденными и массовидными, что оказались противопоставленными содержанию каждого из сочетающихся предложений как чему-то переходящему и неустойчивому.

Необходимость четкого выделения этих отношений привела к их закреплению за определенными языковыми знаками, и они превратились, таким образом, в логические постоянные существующие на базе естественного языка.

С возникновением формализованных искусственных языков логические константы получили возможность формироваться и функционировать с помощью знаков формализованного языка. Но поскольку формализованные языки могли возникнуть только на основе естественного языка и всегда соотносимы с ним, постольку и логические константы этих языков

так или иначе соотносимы с логическими постоянными, сформировавшимися с помощью средств естественного языка, и, в конечном счете, опосредствованно обусловлены синтаксической сочетаемостью его единиц.

Именно такое понимание логических констант положено в основу данного очерка. В нем предпринимается попытка провести логико-методологический анализ некоторых постоянных знаков естественного и искусственного языков, осуществляющих сочетание отдельных логических предложений в целые системы дедуктивных рассуждений.

Исходным в нашем рассмотрении являются следующие знаки естественного языка: *и, или, если . . . , то . . .*

В данном случае мы отвлекаемся от многочисленных свойств указанных знаков [1] и не анализируем их. Так как *и, или, если . . . , то . . .* на современном этапе развития естественного языка многозначны, то, подчеркиваем, подвергаться логико-методологическому анализу будет лишь та особенность этих знаков, которая проявляется у них при функционировании в качестве союзов (связок), сочетающих 2, 3, 4, . . . вплоть до n предложений, причем под n понимается конечное множество логических предложений.

Для обозначения рассматриваемых знаков (*и, или, если . . . , то . . .*) будет служить символ R , которым в логике принято показывать отношения между двумя и более логическими переменными [2].

Логические переменные выражаются знаками букв латинского алфавита. Если необходимо обозначить отдельные логические предложения, то употребляются прописные буквы $A, B, C, \dots$ и т. д., если же нужно сделать запись в символах, фиксирующих отдельные предметы, то пользуются строчными буквами $a, b, c, \dots$ и т. д. [3].

Прописная буква ($A, B, C, \dots$) обозначает одно, но любое из многих логических предложений, выражаемых знаками естественного языка. Так как такая буква может быть заменена хотя и одним, но любым из множества предложений, то она считается логическим переменным, в отличие от знака логической константы, который в пределах одной системы может быть заменен только одним единственным знаком естественного языка, обозначающим соединительную связь совокупности сочетаемости предложений.

Таким образом, если рассматривается взаимоотношение логических предложений, сочетаемых друг с другом при помощи языковых констант *и, или, если . . . , то . . .*, то эти вза-

имоотношения можно выразить в символах — ARBRC... вплоть до $(n - 1)Rn$.

Соединительные связи, выражаемые союзами *и*, *или*, *если... то...*, в логике принято называть соответственно конъюнкцией, дизъюнкцией и импликацией и обозначать значками $\wedge$, $\vee$, $\rightarrow$. Эти значки мы будем применять в качестве различных индексов к символу R при интерпретации той или иной связи.

Например, если фразу *Комната имеет мебель* (A) соединить союзом *и* с предложением *Комната имеет вентиляцию* (B), то общее высказывание *Комната имеет мебель и имеет вентиляцию* (конъюнкция) должно быть записано так: $AR \wedge B$. Если предложение *Рабочий стал передовиком производства благодаря многолетнему стажу работы по данной специальности* (A) соединим союзом *или* с фразой *Рабочий стал передовиком производства с помощью повышения теоретических знаний* (B), то получим дизъюнкцию: *Рабочий стал передовиком производства благодаря многолетнему стажу работы по данной специальности или рабочий стал передовиком производства с помощью повышения теоретических знаний*, записываемую в виде $AR \vee B$. И последний пример с импликацией. Берем два предложения — *Сверкнула молния* (A) и *Гремит гром* (B), в итоге сочетания получаем: *Если сверкнула молния, то гремит гром* ($AR \rightarrow B$).

Совокупность логических предложений, соединяемых связью R, представляет собой дедуктивно построенное логическое рассуждение. Например, умозаключение, выраженное в знаках естественного языка: *Если солнце опустилось за горизонт, то наступил вечер. И если наступил вечер, то передвижение транспорта без огней затруднилось. Таким образом, если солнце опустилось за горизонт, то передвижение транспорта без огней затруднилось*, — может быть записано при помощи символов: $//AR \rightarrow B / R \wedge R \wedge / B R \rightarrow C // R \rightarrow / A R \rightarrow C /$.

Извлечение связей $R \wedge$, $R \vee$, $R \rightarrow$ в общем виде R из системы дедуктивных логических рассуждений естественно-языкового типа и возможность рассматривать их в абстрактном виде позволяет сделать вывод: значение и смысл символа R определяется эмпирической естественно-языковой сочетаемостью, в которой функционируют исключительно знаки *и*, *или*, *если... то...*. В свою очередь R в значительной мере детерминирует смысл и значение дедуктивных логических рассуждений, выражаемых в символической форме.

В основе перехода от знаков естественного языка к сим-

волам формализованного логического языка и построения искусственного логико-символического языка лежит так называемый «обратный метод». Этот метод в общем виде разъяснен С. Я. Яновской. Она пишет: «... После того, как аксиомы выявлены, дальнейшее развитие науки может происходить уже путем «оборачивания метода» (К. Маркс «Математические рукописи»), когда вторичное (аксиоматика) выступает как первичное, и новая система логики строится путем изменения, добавления, или отбрасывания тех или иных аксиом» [4].

Только в общем виде развитие языков (естественного и искусственного) может быть представлено как «оборачивание метода». Одна единственная диалектическая закономерность перехода от конкретного к абстрактному, а затем от абстрактного к воссозданию из символических элементов конкретной логической теории языка не охватывает многообразия противоречий в процессе развития языка. Например, разве переход от звуковой речи к письменной в истории человечества и эволюции индивидуума тождествен переходу от чувственной формы мышления к логической?

В процессе эволюции естественного языка путем абстрагирования и обобщения были выделены знаки, которые служат связями при сочетании простых предложений и образовании сложных. Этими знаками стало обозначаться нечто общее, проявляемое в процессе объединения различных по смыслу предложений, употребляемых во всех областях человеческой деятельности. Такими знаками в естественном языке являются *и, или, если... , то...*

При разработке искусственного логико-символического языка «вторичное» делается «первичным», кладется в основу разветвленной, еще более абстрактной системы знаков.

Естественный и формализованный интерпретированный логический языки не суть простая совокупность произвольных знаков, имеющих значение и смысл. (Подробнее об этом см., например, статьи [5, 6]).

Под значением знака любого языка понимается объект, обозначенный данным знаком. В этом плане даже буквы естественного и символы искусственного логико-формализованного (интерпретированного) языков имеют значение, т. е. соотнесены с объектом (экстенциональное значение).

Под смыслом в логике и языке обычно понимается содержание, выражаемое совокупностью знаков и символов естественного и формализованного (интерпретированного) язы-

ков (интенциональное значение). Однако в естественном языке смысл, образуемый при функционировании знаков, зависит в некоторой степени от контекста (языковой ситуации), кроме того смысл и значение в естественном языке имеет более тесную взаимосвязь, чем в логико-символическом языке. В искусственном языке смысл может быть получен при условии, если заданный алфавит значений символов перенесен (интерпретирован) или на предметную область, или в содержательный план.

Здесь нужно иметь в виду, что значение символов, хотя и опосредованно, связано со значением знаков естественного языка, т. е. с той частью предметной области, которая не является продуктом интеллектуально-языковой деятельности. Символы искусственного логического языка более емки экстенционально, чем знаки естественного языка, правда, в некоторой степени они проигрывают интенционально, но лишь из-за того, что суживается число знаков, выражающих содержание понятий, вместе с тем имеется несомненный выигрыш в приближении к сущности исследуемых явлений.

Как же должны быть объяснены значение и смысл, выражаемые знаками естественного языка, в частности, такими знаками сочетаемости как *и, или, если...*, *то...*?

Приемлемое, с нашей точки зрения, объяснение может быть дано при помощи соответствующим образом интерпретированных установок В. И. Ленина. Известно, что в работе «Материализм и эмпириокритицизм» указывается на материальное единство мира, подчеркивается, что выделение сознания из материальной действительности (его обособление от материи) допустимо в крайне ограниченных пределах, связанных с направлением гносеологических исследований, и не более.

Вместе с тем диалектический материализм доказывает, что идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней. Исходя из этого, надо полагать, что экстенциональным значением знаков естественного языка являются объекты природы (а) и объекты, отчуждаемые как результат человеческой деятельности (б). В случае, если объект из группы «б» — продукт интеллектуального свойства, то его реальность определяется процессом обозначения, так как этот процесс и в устной и письменной форме носит материальный характер.

Экстенциональное значение знаков естественного языка, фиксируя лишь объект обозначения, не раскрывает его при-

роду, поэтому решающим фактором является интенциональное значение (смысл) знаков. В смысле (интенционале) запечатлевается и накапливается вся информация в отношении объектов, обозначенных этими знаками, в нем же содержатся сведения о практических усилиях людей по проверке реальности существования объектов (экстенционалов знаков).

В свете сказанного даже такие знаки сочетаемости, как *и, или, если... то...* имеют известный смысл и определенное значение не только в совокупности с другими знаками, но и сами по себе. В противном случае, каким же образом может появиться экстенционал и интенционал у символов искусственного формализованного логического языка, обозначающих знаки *и, или, если... то...* естественного языка? На этот вопрос может быть дан и такой ответ: — «смысл и значение элементарных знаков всякого языка появляется только в процессе их функционирования».

Ответ, однако, должен быть иной, так как процесс функционирования знаков естественного языка и символов искусственного логического языка не мог бы начаться, если бы указанные элементы языков не имели исходного значения и смысла.

В процессе же функционирования уточняется и обогащается значение (экстенциональное) всех знаков и символов и их осмысленных и означенных совокупностей.

Такое понимание значения и смысла знаков естественного и искусственного логического языков открывает перспективу осмысленно высказаться в логико-методологическом плане о «истинно-ложной» характеристике ряда форм дедуктивных рассуждений, структуры которых построены при помощи связи R .

Естественный и искусственный логический языки имеют определенную структуру и правила функционирования знаков, соблюдение которых обеспечивает грамотное и последовательное развитие мысли.

В процессе исторического развития люди научились постигать закономерности природы, устанавливать истину, передавать ее при помощи языка и создавать языковыми средствами предпосылки для дальнейшего развития познания. Так как прогрессивные успехи мышления передаются от поколения к поколению главным образом с помощью естественного языка, поэтому в языке имеется необъятный материал, обеспечивающий возможность, при правильном его использовании, продуктивно продвигаться к истинному отражению действи-

тельности. К элементам этого материала относятся также и такие знаки сочетаемости, как *и, или, если... , то...*

В искусственном логическом языке значение символов задается в алфавите и носит аксиоматический характер. Вместе с заданием алфавита искусственного логического языка вводятся «истинные» («ложные») значения исходных высказываний. «Истинность — ложность» целой совокупности предложений понимается как функция характеристики — «истинно» («ложно») — отдельных логических фраз, составляющих в сумме данную совокупность.

Задание «истинных» («ложных») значений исходных высказываний и исчисление значений двух и более логических предложений, связанных R , производится следующим образом. Совокупность символов $R^{\wedge}, R^{\vee}, R^{\rightarrow}$ является значением R . Смысл (интенциональное значение) данных символов имеет сложное содержание и не исчерпывается понятийными признаками, установленными лишь в процессе функционирования, а восходит к значению и смыслу знаков *и, или, если... , то...* — некоторым элементам языковой сочетаемости.

Полагая, что каждое высказывание может быть истинным или ложным (отвлекаясь от многозначных построений), строим матрицу для двух переменных, связанных R .

A	B	$AR^{\wedge}B$	$AR^{\vee}B$	$AR^{\rightarrow}B$
и	и	и	и	и
и	л	л	и	л
л	и	л	и	и
л	л	л	л	и

При помощи матриц производится исчисление истинности любой совокупности высказываний, вплоть до n . Однако если n обозначает число переменных более четырех и так как число «истинных» («ложных») значений 2^n , где n — число переменных, то построение матриц для необъятного множества высказываний практически невозможно.

В таких случаях исчисление истинности совокупности дедуктивных логических рассуждений производится путем приведения их к конъюнктивно или дизъюнктивно нормальному виду и установления тождественной истинности. В таких построениях символ $R^{\rightarrow}$ должен быть передан через $R^{\wedge}$ или $R^{\vee}$.

Согласно матрице, совокупность высказываний, связанных $R^{\wedge}$, истинна только в том случае, если все без исключения высказывания от А до п истинны. Если же в совокупности $AR^{\wedge}BR^{\wedge}C\dots R^{\wedge}p$ имеется хотя бы одно ложное высказывание, то все сложное высказывание является ложным. Сложное высказывание $AR^{\vee}BR^{\vee}C\dots R^{\vee}p$ всегда носит истинный характер за исключением того случая, когда элементарные предложения, выраженные переменными, являются ложными. Высказывание, образованное связью $R^{\rightarrow}$, символизирующей один из знаков сочетаемости естественного языка (*если... то...*), ложно лишь в том случае, когда ложен консеквент импликации, в остальных вариантах оно является истинным. Записать такое высказывание можно в виде: $/// AR^{\rightarrow} B / R^{\rightarrow} C // R^{\rightarrow} D / \dots p$.

Хотя характеристика исходных высказываний с позиций «истинно-ложно» вводится в числе аксиоматических данных при построении искусственного логического языка, тем не менее она не может быть понимаема как сугубо произвольное (конвенциональное) допущение, аналогичное другим аксиоматическим исходным данным синтаксической системы.

Ни одна из ветвей научного знания (основной целью науки является достижение истины) не может ограничиться лишь аксиоматически учреждаемой «истинностью-ложностью» исходных принципов.

В конечном итоге аксиоматическая «истинность-ложность» восходит к проблеме истинности, решаемой всей совокупностью гносеологических средств.

Даже среди теоретиков по разработке искусственных логических языков, не разделявших принципов диалектико-материалистической методологии, имеются ученые, которые под воздействием фактов вынуждены были отмечать зависимость истинности символическо-структурных построений от предметной истинности познающей науки. В этом отношении примечательно высказывание в книге Д. Гильберта и В. Аккермана «Основы теоретической логики». «Особо важное значение, — указывается в ней, — логическое исчисление приобрело в последние десятилетия еще и потому, что оно развилось в необходимое вспомогательное средство исследования основ математики» [7].

А как известно, математика, являющаяся одной из ведущих естественнонаучных дисциплин, интересуется, по существу, не формальной истинностью, а теоретико-познавательной.

Вообще аксиоматические данные искусственного логического языка, в особенности такие, как «истинно» («ложно») должны опираться на природные объекты или непосредственно, или же опосредованно, через факты социальной и естественной языковой действительности.

К числу последних и относится историческая эволюция значений и смысла союзов: *и, или, если...*, *то...* — знаков естественной языковой сочетаемости.

При рассмотрении значений и смысла символов $R^{\wedge}$, $R^{\vee}$, $R^{\rightarrow}$ в аспекте отражения ими истины необходимо за формальной правильностью («истинно-ложно») отыскивать факторы, которые ведут к постижению истины в теоретико-познавательном ее понимании. К подобным факторам прежде всего относится содержательное (интенциональное) значение таких знаков сочетаемости, как *и, или, если...*, *то...* естественного языка, обозначенных символами $R^{\wedge}$, $R^{\vee}$, $R^{\rightarrow}$.

Однако в литературе по символической логике, например, в книге А. Тарского «Введение в логику и методологию дедуктивных наук» [8] при доказательстве того, что истинность логической цепи рассуждений есть функция значений переменных (мнение, допустимое в ограниченных пределах формализованного логико-символического языка, но не в этом суть дела), недооценивается содержательное значение и смысл элементов, соединяющих переменные. Здесь как раз и проявляется тенденция к изоляции формальной истинности от ее гносеологической (методологической) основы.

Обособив функциональную истинность логико-символического языка, А. Тарский проводит следующего рода рассуждение. Он берет высказывания, соединенные связью $R^{\rightarrow}$ «Если ты решишь эту задачу (заведомо неразрешимую), то я съем свою шляпу» и «если дважды два пять, то снег черен» [8, стр. 58] — затем доказывает, что каждое в отдельности высказывание, несомненно, ложно, однако попарно, имея связь $R^{\rightarrow}$, они являются истинными. При этом он исходит из условно-аксиоматически заданных матриц истинности импликации.

Казалось бы, что здесь проявляется чудесная метаморфоза — из суммы ложных высказываний в итоге получается истинное заключение. Если же рассуждение А. Тарского осветить светом диалектико-материалистической методологии, то иллюзия чудесности исчезает.

Оказывается, что понятие истинности и ложности в системе формализованного логического языка зависит не только от

истинности или ложности исходных высказываний, но и от значений и смысла самих символов $R^{\wedge}$, $R^{\vee}$, $R^{\rightarrow}$, обозначающих связи *и*, *или*, *если ... то ...*. В примере А. Тарского именно сама связь $R^{\rightarrow}$, обозначающая и производящая дальнейшую экспликацию смысла знака сочетаемости *если ... то ...*, оказывает существенное воздействие на итоговую истинность сложного высказывания.

В данном примере со всей очевидностью обнаружилось, что «истинность-ложность» в искусственном логическом языке обуславливается как «истинностью-ложностью» исходных высказываний, так и значением и смыслом символических связей. Сами же символические связи $R^{\wedge}$, $R^{\vee}$, $R^{\rightarrow}$ вместе с символами переменных детерминированы, в конечном счете, естественной языковой сочетаемостью, а последняя — постоянно развивающимися закономерными взаимодействиями объективного мира.

Л и т е р а т у р а

1. «Толковый словарь русского языка», т. 1. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., ОГИЗ, 1935, стр. 1123.
  2. Д. П. Горский. Логика. М., Учпедгиз, 1963, стр. 47.
  3. «Философский словарь». М., Госполитиздат, 1964.
  4. С. Я Яновская. О философских вопросах математической логики. В сб.: «Проблемы логики». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 9—10.
  5. В. И. Мальцев. Материальность языка и проблема логического значения. «Вопросы философии», 1955, № 11.
  6. Л. О. Резников. Неопозитивистская гносеология и знаковая теория языка. «Вопросы философии», 1962, № 2.
  7. Д. Гильберт, В. Аккерман. Основы теоретической логики. М., Изд-во иностр. лит., 1947, стр. 18.
  8. А. Тарский. Введение в логику и методологию дедуктивной науки. М., Изд-во иностр. лит., 1948, стр. 58.
-

О ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ПОДВИЖНОСТИ ВНУТРЕННЕГО СТРОЯ СУЖДЕНИЯ И ЕГО ОТНОШЕНИИ К СТРОЮ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Общепризнанным является положение о том, что между субъектом и предикатом суждения и членами предложения часто нет взаимного соответствия. Расхождение между указанными логическими и грамматическими компонентами наблюдается тогда, когда в предложении, кроме главных членов (подлежащего и сказуемого), имеются второстепенные члены. В этом случае двум логическим категориям — субъекту и предикату — соответствует большее количество членов предложения, иначе говоря, логический субъект, или логический предикат, или обе логические категории выражаются не отдельными словами, а в сочетании слов. Например: «Космические полеты на другие планеты солнечной системы (субъект) — проблема недалекого будущего (предикат)».

Отмеченный факт различными исследователями объясняется по-разному. Самой простой является трактовка, согласно которой при выражении логических субъекта и предиката сочетаниями слов лишь эти сочетания соотносятся с логическими компонентами, а отдельные слова вообще не находят соответствия в каких-либо элементах мысли.

Такая точка зрения, которая в настоящее время не поддерживается безоговорочно кем-либо из советских ученых, с одной стороны, упрощает до предела строй суждения, сводя его к сочетанию и противопоставлению только двух мыслительных единиц и игнорируя какую бы то ни было возможность более детального анализа простого суждения, а с другой стороны, ведет к искаженному пониманию слова, лишая его семантической самостоятельности (по крайней мере в

тех случаях, когда слово не выражает само по себе логического субъекта или предиката).

Некоторые авторы, видя несостоятельность рассмотренной концепции, приходят к убеждению, что логические субъект и предикат, выраженные не словами, а сочетаниями слов, представляют сложные единицы, объединяющие в себе по-нескольку элементарных единиц мышления, соответствующих отдельным самостоятельно значимым словам. Так, в суждении *Прошедший год ознаменовался большими успехами* субъект состоит из двух таких единиц, а предикат — из трех. П. И. Визгалов считает, что каждому значимому слову соответствует особая, элементарная единица мышления. Эту единицу он называет семей [1, стр. 16—19]. Субъект и предикат, выражаемые сочетаниями слов, выступают как сочетания сем (семосочетания) [1, стр. 28].

Иные исследователи признают элементарную единицу мышления, соответствующую отдельному слову, простым понятием и рассматривают мысль, воспроизводимую словосочетанием, как сложное понятие, объединяющее ряд простых [2: 3: 4, стр. 105—106].

Мы согласны с П. И. Визгаловым в том, что слову соответствует особая единица мышления, которая не тождественна понятию, хотя при ее отграничении от понятия мы исходим из совершенно иных оснований. Эту единицу мышления мы называем концептом [5—6].

Анализируемая трактовка внутреннего строя суждения, логические термины которого выражены сочетаниями слов, независимо от того или иного истолкования элементарной единицы мышления, соответствующей слову, сама по себе бесспорна, но она затрагивает лишь одну сторону поставленной проблемы. Действительно, с каждым самостоятельно значащим словом связана какая-то минимальная, нерасчлененная единица мышления. Это подтверждается, например, следующим фактом. Если мы слышим подряд несколько слов, непосредственно не связанных друг с другом и объединяемых лишь благодаря другим словам, то восприятие этих слов вызывает в нашем сознании идеи тех предметов, которые ими обозначаются, еще до появления слов, способных их объединить. Так, если наш собеседник, желая произнести *Завтра на стадионе учащиеся проведут спортивный праздник*, успеет лишь сказать *Завтра на стадионе учащиеся...* и почему-либо замолчит, то каждое из произнесенных слов вызовет у нас отдельную идею, хотя эти идеи и не будут еще связаны меж-

ду собой (за исключением идей, выраженных словами *на стадионе*), поскольку не будет воспроизведена идея *проведут*, объединяющая их. Таким образом, когда субъект или предикат суждения выражаются сочетаниями слов, они образуются в результате объединения элементарных единиц мышления, соответствующих отдельным словам.

Однако нельзя считать субъект и предикат суждения простыми сочетаниями элементарных единиц мышления подобно тому, как единицы речи, соответствующие логическим терминам, признаются сочетаниями слов. Дело в том, что с возникновением субъекта и предиката на базе элементарных единиц снимаются противопоставления между элементарными единицами внутри субъекта и предиката и устанавливается лишь одно логическое отношение — отношение связи и противопоставления между логическими терминами. В суждении *Космический корабль быстро удалялся*, разумеется, отражены отношения между кораблем как носителем признака и признаком *космический*, с одной стороны, и действием *удаляться* и признаком быстроты — с другой. Эти отношения раскрываются через противопоставления концептов *корабль* и *космический*, *удалялся* и *быстро*. Но на уровне суждения в целом эти противопоставления перестают действовать: здесь целостному субъекту *космический корабль* противопоставляется целостный предикат *быстро удалялся*. Благодаря этому относительно космического корабля, а не корабля вообще утверждается признак быстрого удаления, а не удаления вообще. Этим сложным преобразованиям, происходящим в структуре суждения в процессе его формирования, и не учитывает теория, сводящая логический субъект и логический предикат к сочетаниям элементарных единиц мышления, соответствующих отдельным словам.

Борясь против механистического истолкования структуры субъекта и предиката, выраженных сочетаниями слов, при котором логические термины понимаются как совокупности внешне связанных между собой более мелких единиц мышления, В. З. Панфилов пишет: «Языковая расчлененность выражения логического субъекта и предиката в тех случаях, когда они обозначаются словосочетаниями, по нашему мнению, не может доказывать, что соответствующие признаки, входящие в содержание логического субъекта или предиката и получающие отдельное словесное выражение, выступают в структуре данного суждения как отдельные понятия, так как и в этих случаях логический субъект, равно как и логи-

ческий предикат, отражает один логический объект. Очевидно, например, что независимо от того, обозначается ли логический субъект одним словом (*квадрат*) или словосочетанием (*прямоугольный равносторонний четырехугольник*), предмет мысли будет один и тот же и что будет оставаться тем же самым по своему содержанию и по своей структуре и понятие об этом предмете мысли.

Языковая, точнее говоря, словесная расчлененность выражения логического субъекта или предиката характеризует внутреннюю форму этого понятия, способ образования и языкового обозначения его в предшествующих актах мышления, т. е. своего рода понятийную этимологию» [7, стр. 8—9] (выделено нами. — П. Ч.).

В. З. Панфилов, безусловно, прав, считая уже сформировавшиеся субъект и предикат целостными логическими образованиями, в которых не могут быть выделены строевые части, представляющие собой более мелкие единицы мышления, даже если логические термины выражены сочетаниями слов. В. З. Панфилов стремится также отстоять идею семантической самостоятельности отдельных слов при их различном отношении к субъекту и предикату суждения. Семантическая самостоятельность слова легко объясняется в том случае, когда слово само по себе выражает логический субъект или предикат (*Брат—летчик*). Однако ее гораздо труднее обосновать, если логические термины выражаются сочетаниями слов и отдельные слова сами по себе не соответствуют ни логическому субъекту, ни логическому предикату. Из приведенного выше высказывания В. З. Панфилова следует, что при таком условии отдельные слова лишь этимологически соответствуют определенным единицам мышления, т. е. что они лишь в предшествующих мыслительных актах, в которых формировались понятия, ставшие субъектом и предикатом суждения, сами по себе воспроизводили логические единицы. В действительности же сравнительно редко бывают случаи, когда субъект и предикат, выражаемые сочетаниями слов, полностью складываются бы из более простых логических единиц в предшествующих актах мышления. Обычно процесс становления субъекта и предиката суждения из более простых логических единиц осуществляется в ходе формирования того же суждения. Это наблюдается, например, в суждении *Смелому человеку (субъект) опасности не страшны (предикат)*, понятном независимо от каких-либо предшествующих актов мышления, в силу чего его субъект и предикат не могут формироваться

из более мелких логических единиц в предшествующих мыслительных актах.

Создается противоречивое положение. С одной стороны, субъект и предикат должны формироваться из более мелких логических единиц в акте данного суждения, с другой стороны, они должны быть целостными логическими образованиями, не состоящими из строевых частей, выступающих как элементарные единицы мышления.

Это противоречие может разрешаться только за счет существования двух строевых уровней суждения (уровня элементарной, или предельной, структуры и субъектно-предикатного уровня) и диалектического соотношения между ними, которое создает особую подвижность строя суждения.

Наличие двух строевых уровней в предложении признается многими исследователями. На одном уровне осуществляется обычное деление предложения на синтаксические члены (подлежащее, сказуемое, определения, дополнения, обстоятельства), количество которых зачастую совпадает с количеством знаменательных слов. На другом уровне предложение делится на части, соответствующие логическому субъекту и логическому предикату и включающие в себя, как правило, по нескольку членов предложения. Эти уровни и выделяемые в их пределах компоненты предложения трактуются не всеми исследователями одинаково и у разных авторов получили различное наименование [8—12]. В последние годы необходимость разграничения двух строевых уровней предложения была особенно акцентирована в специальных логико-грамматических исследованиях В. З. Панфилова и Г. В. Колшанского. В. З. Панфилов называет уровень деления предложения на общепринятые члены (подлежащее, сказуемое, дополнение, определение, обстоятельство) синтаксическим уровнем, а уровень расчленения предложения на части, соответствующие логическому субъекту и предикату, — логико-грамматическим уровнем [7, стр. 39—42]. Г. В. Колшанский именует первый уровень уровнем связи слов в предложении или уровнем лексико-грамматического состава предложения, а второй — уровнем связи членов предложения или уровнем синтаксиса предложения [4, стр. 161]. Квалификация второго уровня (и только второго) как синтаксического связана со своеобразным пониманием синтаксиса у Г. В. Колшанского. Однако на этом вопросе мы останавливаться не будем, так как он не имеет прямого отношения к рассматриваемой нами проблеме.

Связь и взаимное соответствие строевых уровней суждения и предложения не исключают, а, наоборот, предполагают качественное своеобразие взаимно соответствующих друг другу уровней одной и другой единицы, а также отношений между двумя строевыми уровнями как в сфере мышления, так и в сфере языка. Это качественное своеобразие состоит в следующем. Внутренний строй предложения представляет собой чисто механическое объединение двух различных структур, относящихся к двум различным уровням. При этом высший уровень наслаивается на низший так, что деление последнего сохраняется в рамках высшего (это становится особенно наглядным при письменной форме речи). Например, в предложении *Металлургический завод выполнил план досрочно* все члены предложения (*металлургический, завод, выполнил* и др.) продолжают существовать как отдельные грамматические единицы также и в составе группы подлежащего *металлургический завод* и группы сказуемого *выполнил план досрочно*.

В отличие от механического характера внутреннего строя предложения, строй суждения носит диалектически подвижной характер: с переходом к высшему уровню членения происходит снятие членения низшего уровня, компоненты которого сливаются в компонентах, выделяющихся на высшем уровне. В суждении, которое выражается предложением *Металлургический завод выполнил план досрочно*, с образованием субъекта и предиката элементарные единицы мышления, воспроизводимые отдельными членами предложения, как бы растворяются в единых нерасчлененных понятиях субъекта и предиката, соответствующих группе подлежащего и группе сказуемого.

Здесь наблюдается процесс свертывания (компрессии) мысли, о котором говорил проф. Н. И. Жинкин на дискуссии по проблеме «Язык и мышление», состоявшейся в конце мая 1965 г. в Москве [13—14].

При выражении логических терминов сочетаниями слов внутренний строй суждения может оказаться более сложным, чем тот, который был описан нами. Это наблюдается тогда, когда концепты, лежащие в основе логического термина, сливаются первоначально в некоторые промежуточные единицы, из объединения которых затем уже возникает субъект или предикат суждения. Таким образом, появляются некоторые промежуточные уровни, стоящие между низшим и высшим уровнем.

Например, в суждении *Рационализаторское предложение молодого рабочего помогло снизить производственные затраты* в результате попарного слияния концептов, соответствующих отдельным словам, вначале образуются промежуточные единицы мышления *рационализаторское предложение, молодого рабочего, помогло снизить, производственные затраты*, а после этого происходит объединение двух первых промежуточных единиц между собой и третьей промежуточной единицы с четвертой. И лишь в конечном итоге формируются субъект *рационализаторское предложение молодого рабочего* и предикат *помогло снизить производственные затраты*, внутри которых преодолевается противопоставление составных частей и происходит их слияние.

Такая многоступенчатость (многопорядковость) внутреннего строя свойственна также и предложению. Предложение, выражающее рассмотренное выше суждение, складывается не непосредственно из отдельных слов, а из групп подлежащего и сказуемого. Эти же группы, в свою очередь, получают в результате объединения словосочетаний *рационализаторское предложение* и *молодой рабочий* (группа подлежащего), а также словосочетаний *позволить снизить* и *производственные затраты* (группа сказуемого). И только словосочетания образуются непосредственно из словесных единиц.

Разумеется, и при наличии промежуточных уровней строй предложения отличается от диалектически подвижного строя суждения своим механическим характером. Если в суждении деление каждого предшествующего уровня диалектически снимается на последующем в результате органического слияния единиц нижестоящих уровней в единицах вышестоящих уровней, то в предложении структурные отношения предшествующих уровней сохраняются внутри единиц, складывающихся на последующих уровнях.

Диалектическая подвижность свойственна также внутреннему строю вопроса и побуждения. Это значит, что все, что было сказано выше о строевых особенностях суждения, может быть распространено на любую логему, поскольку она есть общий формальный тип логических единиц, объединяющий формальные типы суждения, вопроса и побуждения как свои разновидности [15]. Проанализируем для примера побуждение *Пусть старосты студенческих групп возглавят уборку общежития*. Прежде чем в этой логеме установится побудительное предикативное отношение между субъектом *старосты студенческих групп* и предикатом *возглавят уборку общежития*,

должны сформироваться сами логические термины субъекта и предиката. Но формирование последних невозможно без предварительного образования из элементарных единиц, воспроизводимых отдельными словами, идеи студенческих групп и идеи уборки общежития, которые вступают в отношение соответственно с идеей старости и идеей возглавления. В таком же порядке происходит становление внутреннего строя побудительного предложения, выражающего данное побуждение, с той лишь разницей, что более мелкие языковые единицы чисто внешним путем объединяются в более крупные построения в отличие от органического слияния единиц мышления при их соотношении друг с другом.

В результате компрессии мысли содержание суждения, слившись воедино, может потерять всякую расчлененность и даже соединиться с содержанием других суждений. В данном случае снимается субъектно-предикатная структура суждения, т. е. логическое содержание сбрасывает логическую форму суждения и облекается в другую форму. Но этот процесс выводит нас за пределы внутреннего строя суждения и потому в данной статье рассматриваться не будет.

Из проведенных нами наблюдений можно сделать следующий общий вывод.

Положение о том, что внутренний строй простого двучленного суждения безразличен к конкретным особенностям грамматического строя соответствующего ему предложения и не зависит от них, правильно лишь по отношению к конечному результату акта суждения (в конечном счете, каждое простое суждение оказывается двучленным), но не по отношению к процессу его формирования.

Способ же формирования внутреннего строя суждения и логемы вообще, количество этапов в развитии этого строя, строевые особенности каждого этапа небезразличны к конкретным особенностям грамматического строя предложения и зависят от них, поскольку они обуславливаются количеством и характером членов предложения, а также связями между ними, иначе говоря, сочетаемостью синтаксических единиц.

Формальная логика не рассматривает процесса формирования логического строя суждения. Ее интересует лишь конечный формальный результат этого процесса. Логика же диалектическая должна изучать строй суждения со стороны его становления и развития, со стороны движения от одних этапов к другим не только в историческом плане, но в кон-

кретном познавательном акте. Все это должно учитываться и языкознанием, поскольку весь диалектический процесс формирования строя суждения осуществляется с помощью формальных средств языка, а в основе диалектической подвижности строя суждения лежит сочетаемость строевых компонентов предложения, несмотря на качественное своеобразие строя каждой из этих единиц.

Л и т е р а т у р а

1. П. И. Визгалов. Некоторые вопросы диалектики соотношения языка и мышления. Изд-во Казанского ун-та, 1962, стр. 16—19.
2. Н. М. Голдер. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием. В сб.: «Логико-грамматические очерки». М., «Высшая школа», 1961, стр. 49.
3. Г. В. Колшанский. Проблемы логического анализа структуры языка. Автореф. докт. дисс. М., 1964, стр. 17—18.
4. Г. В. Колшанский. Логика и структура языка. М., «Высшая школа», 1965.
5. П. В. Чесноков. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., «Просвещение», 1967, стр. 21—37.
6. П. В. Чесноков. О взаимосоответствии формальных типов языковых и логических построений. В сб.: «Язык и мышление». М., «Наука», 1967, стр. 90—93.
7. В. З. Панфилов. Грамматика и логика. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963.
8. V. Mathesius. O tak zvaném aktualním clenění vetním. Cestina a obecny jazykozpyt. Soubor stati. Praha, 1947, s. 234—235.
9. A. Gardiner. The Theory of Speech and Language. Oxford, 1951, p. 184—185.
10. K. Boost. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Berlin, 1955, S. 31—35.
11. К. Г. Крушельницкая. К вопросу о смысловом членении предложения. «Вопросы языкознания», 1953, № 5, стр. 58, 65.
12. О. М. Барсова. О трех степенях слитности именного предложения. «Вопросы языкознания», 1961, № 3, стр. 99.
13. Н. И. Жинкин. О кодовых переходах во внутренней речи. Тезисы докладов и сообщений на научной дискуссии по проблеме «Язык и мышление». М., «Наука», 1965, стр. 31—33.
14. П. В. Чесноков. Основные единицы языка и мышления. Ростов-на-Дону, Ростгиздат, 1966, стр. 118—119.
15. П. В. Чесноков. Логическая фраза и предложение. Изд-во Ростовского ун-та, 1961, стр. 14—26.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Л. Д. Чеснокова. Грамматическая сочетаемость слов в простом предложении и факторы, обуславливающие ее	5
М. К. Милых. Сочетаемость элементов, составляющих структурное ядро субъективных безличных предложений	23
Г. Г. Инфантова. О сочетаемости придаточного предложения с членами главного в разных речевых сферах	30
Е. П. Полевик. О сочетаемости главного предложения с придаточным субъектным	38
Г. Ф. Гаврилова. О сочетаемости компонентов сложного предложения (конструкции с последовательным подчинением придаточных)	48
Л. Н. Гукова. О сочетаемости частей в усложненных предложениях с многоступенчатым подчинением	56
Ю. В. Коваленко. Основные типы сочетаемости речевых единиц в современном русском языке	71
Л. Д. Чеснокова. Классификация слов на основании их пассивной сочетаемости	82
В. А. Корнилов. Сочетаемость морфем в языке эсперанто	111
В. В. Коркишко. Сочетаемость как языковое выразительное средство	120
В. Е. Семенов. О логико-методологическом соотношении значений некоторых языковых знаков и логических констант	132
П. В. Чесноков. О диалектической подвижности внутреннего строя суждения и его отношении к строю предложения	142

СОЧЕТАЕМОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Редактор В. И. Литвиненко
Технический редактор Л. Л. Иванова
Корректор В. И. Лозовая

Изд. № 29/444. Сдано в набор 23-IX 1968 г. Подписано к печати 20-XI 1968 г. Формат 60 x 84¹/₁₆. Бум. газетная. Объем 9,5 физ. п. л., 8,65 усл. п. л. 8,97 уч.-изд. л. ПК 30017, Тираж 2000 экз.

Издательство Ростовского университета,
ул. Сладкова, 178/24

Типография им. Калинина Областного управления по печати
в г. Ростове-на-Дону, 1-я Советская ул., 57. Заказ № 237.

Цена 90 коп

Цена 90 коп.

Созданием файла в формате pdf

занимался ewgeniy-new

(июль 2015)